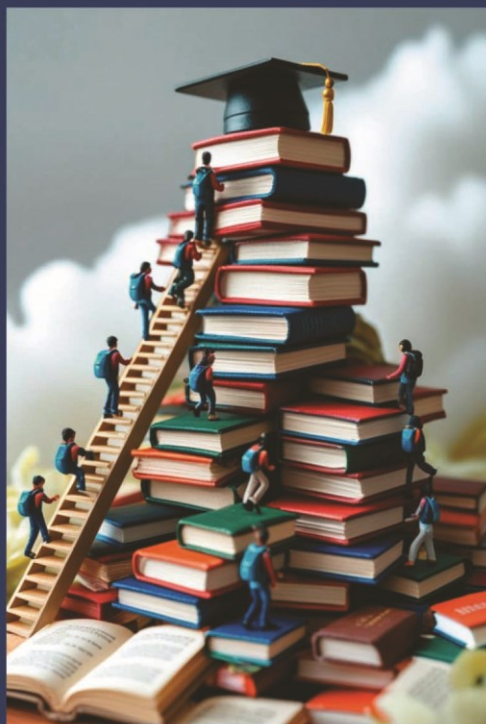

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Валентин Дмитриевич Девкин
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(1925–2011)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

**РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ
НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЁСТКАХ
ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ**

Коллективная монография

Абакан
2025

УДК 811'271:371.3
ББК 81.2-006+81.006
P17

*Печатается по рекомендации Научно-технического совета
и решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

Рецензенты: **С. Ю. Щербина**, кандидат филологических наук, доцент, высшая школа европейской лингвистики и межкультурной коммуникации (Тихоокеанский государственный университет).

И. С. Пекарская, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского филологии (Хакасский государственный университет)

Авторы: М. В. Адамова, В. Н. Алексеенко, И. П. Амзаракова, Р. И. Бабаева, И. Б. Бойкова, С. В. Буренкова, Н. В. Гаранина, Л. А. Долгополова, И. А. Дьяченко, Н. В. Зимина, М. М. Йокайт, Т. А. Королева, Л. Ю. Кульпина, О. М. Кутяева, И. И. Мишуткина, Л. А. Нефедова, А. С. Обморокова, Н. Н. Пелевина, Л. С. Перкас, О. П. Петрухина, С. Ю. Потапова, Н. С. Прокопова, Е. В. Ракитянская, Н. И. Свистунова, С. А. Сиротина, Е. Г. Скребова, В. А. Собянина, Е. В. Терехова, А. О. Топова, А. А. Уланова, В. К. Харченко, Н. И. Хомутская, Н. С. Чаптыков, Г. Н. Чугунекова, А. А. Шевцова, И. А. Шипова, Л. В. Ююкина

P17 Разговорная речь на лингвистических перекрёстках дискурсивной парадигмы: коллективная монография / И. П. Амзаракова, В. Н. Алексеенко, Р. И. Бабаева и др.; под общей ред. И. П. Амзараковой. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2025. – 252 с.

ISBN 978-5-7810-2499-5

Монография посвящена 100-летию выдающегося российского германиста В. Д. Девкина и обобщает результаты исследований, представленных последователями научной школы учёного, рассматривающих функционирование живой устной речи в разных типах и жанрах текста на материале немецкого, английского, русского языков. Содержание монографии наглядно демонстрирует, как идеи анализа разговорной речи, заложенные В. Д. Девкиным, развиваются в современных научных исследованиях, отражая постоянно изменяющуюся языковую реальность и отвечая вызовам когнитивно-дискурсивных и лингводидактических подходов.

Монография представляет интерес для исследователей разговорного дискурса – преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов, может быть использована в курсах теории языка и лингводидактики, при написании дипломных, курсовых, выпускных квалификационных и прочих научных работ.

УДК 811'271:371.3
ББК 81.2-006+81.006

ISBN 978-5-7810-99-5

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2025
© Авторский коллектив, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Раздел 1. ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В РАЗГОВОРНОМ	
ДИСКУРСЕ	14
1.1. Многомерность семантики молодёжной лексики (И. Б. Бойкова).....	14
1.2. Изменения норм и ценностей немецкого общества в лексике языка (С. В. Буренкова)	23
1.3. Функционирование темпоральных фразеологизмов в немецкой разговорной речи (на материале корпуса текстов «Datenbank für gesprochenes Deutsch») (Е. В. Терехова)	42
1.4. Немецкое словообразование: прозрачность и курьёзность (Н. И. Хомутская).....	46
1.5. Устность vs. письменность в интернет-коммуникации (Л. Ю. Кульпина).....	58
1.6. О функциональности маргинального языка: на примере британского варианта английского языка (О. М. Кутяева, А. А. Шевцова)	65
1.7. Метафора и метонимия в англоязычной разговорной письменной речи (по сообщениям чата Reddit “Black People Twitter”) (Г. Н. Чугункова)	81
1.8. Передача чужой речи в разговорном дискурсе (И. П. Амзаракова).....	89
Раздел 2. РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ	
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ	97
2.1. Взаимодействие дискурсов: как наша жизнь влияет на перспективы исследований (В. К. Харченко)	97
2.2. Языковая специфика выражения сочувствия в англоязычных интернет-комментариях (А. О. Топоева, А. С. Обморокова)	108
2.3. Выражение оптимизма американцев в диалогах произведения “Just For The Summer” Эбби Хименес (Н. С. Прокопова).....	111
2.4. Влияние экстралингвистических факторов на конфигурацию внутренней программы речевого высказывания с подчинением (С. А. Сиротина, Е. Г. Скребова)	115
2.5. Специфика коммуникативного поведения депутатов германского бундестага (на примере выкриков с места в ходе парламентских дебатов) (Н. В. Зимина)	118
2.6. Жанр политического подкаста в американском медиадискурсе (Н. С. Чаптыкова, О. М. Кутяева).....	126
2.7. Разговорная речь в рекламно-туристическом дискурсе (Н. Н. Пелевина)	130
2.8. Зооморфные метафоры и сравнения в игровом дискурсе английского подростка (Н. В. Гаранина, Л. В. Ююкина)	136

2.9. Речевая амбивалентность в этнокультурном пространстве англоязычного художественного и кинодискурса: оценочный аспект (В. Н. Алексеевко).....	142
2.10. Тема преподавания французского языка в художественном дискурсе (Л. С. Перкас)	146
2.11. Коммуникативная компетентность как основа профессионального мастерства учителя иностранного языка (И. А. Дьяченко, Т. А. Королева, О. П. Петрухина)	153
Раздел 3. ЮМОР И КОМИЧЕСКОЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ	158
3.1. От занимательного слова к юмористическому дискурсу (Р. И. Бабаева).....	158
3.2. Синонимичные узуальные юморемы в современном немецком языке (Л. А. Нефедова)	167
3.3. Сопряжение категорий «Жизнь / Смерть» и «Радость / Печаль» в чёрном юморе: на материале немецкого языка (М. В. Адамова, И. И. Мишуткина)	175
3.4. Язык юмора в русскоязычном и немецкоязычном интернете (В. А. Собянина).....	179
3.5. Приёмы создания комического в немецкой поэзии первой трети XX века (на материале стихотворения Э. Вайнерта “Spezialisten”) (И. А. Шипова)	188
3.6. Средства создания комического в креолизованных текстах журнала “Der Spiegel” (Л. А. Долгополова).....	193
3.7. Аксиологический потенциал комических прозвищ президента Д. Трампа в американском медиадискурсе (Л. В. Ююкина, Н. В. Гаранина).....	203
3.8. Языковые средства реализации комического в английском юморе (на примере шуток из READER’S DIGEST) (Н. И. Свистунова, А. А. Уланова)	208
3.9. Специфика юмора в английских афоризмах о гольфе (Н. И. Свистунова)	214
3.10. Комический эффект в детской литературе в контексте теории речевых актов (Е. В. Ракитянская).....	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	229
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	246
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	248

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обширное научное наследие профессора Валентина Дмитриевича Девкина включает работы по немецкой и русской разговорной речи, по природе юмора, ономаσιологической лексикографии, по проблемам овладения и практического использования иностранного, в частности, немецкого языка.

К столетию со дня рождения учёного, известного лексикографа и исследователя немецкой разговорной речи, доктора филологических наук, профессора Московского педагогического государственного университета В. Д. Девкина был проведён Всероссийский научный форум, который продлился с апреля по октябрь 2025 года. Организаторами форума выступили два университета и некоммерческая общественная организация: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан), Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск) и Межрегиональная ассоциация учителей и преподавателей немецкого языка (Москва).

Цель форума – осмысление научного наследия профессора В. Д. Девкина, обсуждение теоретических и лингводидактических проблем общедоступно-бытового, художественного и других видов дискурса, в которых актуализируется живое непринуждённое слово в его образной, характеризующей, воздействующей и иных функциях.

В эпоху электронной коммуникации проблемы лексикографии и разговорного дискурса приобретают новый смысл и значимость: они затрагивают интересы переводчиков, учителей и педагогов, лингвистов и литературоведов, их разрешение необходимо для успешной межкультурной коммуникации. Разработанные В. Д. Девкиным положения о разговорном слове, его функционировании и отражении в лексикографии требуют осмысления с позиций доминирующих сегодня направлений исследования – лингвистики дискурса и когнитивного подхода к языку.

В коллективной монографии в обобщённом виде представлены материалы докладов и дискуссий, прозвучавших на форуме.

Методологической основой исследований являются положения о связи языка, мышления и сознания (А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев, Л. С. Выготский), о концептуализации действительности средствами языка (А. А. Залевская, Р. М. Фрумкина), постулаты лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (В. А. Маслова, В. И. Карасик, И. А. Стернин), теория разговорной речи, представленная в работах В. Д. Девкина, О. А. Лаптевой, Н. Д. Шведовой, О. И. Сиротининой, Ю. М. Скребнева.

Другой позицией, определяющей методологию исследования, выступает положение о «новой реальности языка, обозначенной термином „дискурс“» (Кубрякова, 2012, с. 125), и дискурсивных практиках, которые формируют «новые формы коммуникации в данной социально-коммуникативной реальности» [Иссерс, 2012, с. 73].

Монография состоит из трех разделов. В первом разделе рассматриваются вопросы номинации, функционирования коллоквиальных фено-

менов, статуса разговорной речи. Авторами данного раздела являются научные ученики В. Д. Девкина: И. П. Амзаракова, И. В. Бойкова, С. В. Буренкова, Л. Ю. Кульпина, Е. В. Терехова, Н. И. Хомутская. Их исследования выполнены в основном на материале немецкой разговорной речи. Исследователи О. М. Кутяева и А. А. Шевцова рассматривают проблемы бытовой (маргинальной) речи в британском варианте английского языка; Г. Н. Чугунекова обращается к функционированию метафоры и метонимии в англоязычном чате.

Второй раздел открывают рассуждения В. К. Харченко о взаимодействии дискурсов, отмечающей, что намёки на этот аспект исследований присутствуют в работах В. Д. Девкина и предлагаемых им темах будущих лексикографических исследований. Раздел посвящён когнитивным и дискурсивным аспектам функционирования разговорных феноменов. Рассматривается языковая реализация эмоциональных состояний человека (А. О. Топоева, А. С. Обморокова, Н. С. Прокопова), речевое поведение политиков (Н. В. Зимина) и подростков (Н. В. Гаранина и Л. В. Ююкина), коммуникативная компетентность учителя иностранных языков (И. А. Дьяченко, Т. А. Королева, О. П. Петрухина), зависимость высказываний от внешних факторов (Е. Г. Скребова, С. А. Сиротина). Функционирование коллоквиализмов в художественном, рекламно-туристическом, разговорном дискурсах, а также в политическом медиадискурсе рассматриваются И. П. Амзараковой, Н. Н. Пелевиной, Л. С. Перкас, Г. Н. Чугунековой, О. М. Кутяевой и Н. С. Чаптыковым.

Третий раздел посвящён исследованиям юмора и средствам выражения комического – предмета, особенно занимавшего В. Д. Девкина на протяжении многих лет его научного творчества. Авторами данного раздела стали М. В. Адамова, И. И. Мишуткина, Е. В. Ракитянская, Н. И. Свистунова, И. А. Шипова, Л. В. Ююкина и «девкинцы» – Л. А. Нефедова, Р. И. Бабаева, Л. А. Долгополова, В. А. Собянина. Авторы каждого параграфа обозначены в оглавлении.

В качестве Введения монографию открывает статья С. Ю. Потаповой и М. М. Йокайт – выпускниц Научной школы В. Д. Девкина разных лет, которые подробно представляют личность и научное наследие своего Учителя.

Стержнем, объединяющим все исследования в единую монографию, стали научные идеи профессора Валентина Дмитриевич Девкина, творчески переосмысленные на перекрёстках новых направлений когнитивной и дискурсивной лингвистики.

Монография представляет интерес для исследователей разговорного дискурса и интердискурсивности – преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов. Она может быть использована в курсах теории языка и лингводидактики, стилистики и лексикологии, при написании дипломных, курсовых выпускных квалификационных и прочих научных работ.

ВВЕДЕНИЕ

Посвящаем нашему Учителю в честь его 100-летнего юбилея

ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ ДЕВКИН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЁНОГО

Так сложилось, что в отечественной традиции статьи, посвящённые выдающимся учёным и их юбилейным датам, редко совмещают в себе черты анализа научного наследия и живого повествования о личности мыслителя.

О профессоре Валентине Дмитриевиче Девкине, крупнейшем российском учёном-германисте с мировым именем, в нынешнем юбилейном году также написано много статей и проведено несколько научных конференций.

В. Д. Девкин – ведущий исследователь в сфере лексикографии и лексикологии, создатель научной школы, представители которой занимаются комплексным изучением и описанием немецкой разговорной речи. Поскольку авторам данной статьи посчастливилось довольно много общаться с выдающимся учёным при написании диссертаций (двух кандидатских и одной докторской), хотелось бы расширить привычный академический дискурс некоторыми данными, которые станут своеобразными штрихами к портрету Учителя и позволят современникам, а также грядущему поколению познакомиться с удивительным Человеком, без которого не может быть до конца понят великий учёный Валентин Дмитриевич Девкин.

В. Д. Девкин навсегда останется в нашей памяти смелым исследователем и независимым Человеком. Он обладал широчайшими энциклопедическими знаниями, отличался потрясающим чувством юмора и оставался при всех своих бесчисленных достоинствах удивительно скромным человеком. Надеемся, что отдельные штрихи к портрету профессора В. Д. Девкина позволят представить масштаб его Личности как Учёного и уникального Человека.

Истоки

В. Д. Девкин родился 22 октября 1925 года в самом центре Москвы – в Гранатном переулке.

Валентин Дмитриевич – участник Великой Отечественной войны: с мая по июль 1942 года он участвовал в строительстве оборонительных рубежей под Москвой, а в декабре того же года стал курсантом военнопехотного училища, после чего приступил к службе в 9-ой воздушно-десантной бригаде. Чтобы понять, как место рождения, немецкий язык и война переплелись в жизни В. Д. Девкина, попробуем ответить на этот вопрос словами самого Валентина Дмитриевича, который дал интервью

профессору И. П. Амзараковой, спросившей учёного о том, как именно немецкий язык стал его специальностью.

«В. Д. Девкин: По чистой случайности. Сначала это было такое «переулочное» мероприятие. Мои родители и ещё несколько соседей по Гранатному переулку в Москве отдали нас в группу, которую по частной инициативе вела Фаина Петровна Калугина, сама мать троих детей. Там мы, играя и читая сказки, учили немецкий язык. Немецкий язык был тогда актуален, знак эпохи. И когда накануне отправки на фронт, в сорок четвертом, кто-то пришёл к нам в 9-ю воздушно-десантную бригаду и спросил, кто знает немецкий, откликнулись двое, в том числе я. Так я угодил в штаб 275-ой гвардейской стрелковой дивизии, оттуда меня потом направили на четырехмесячные курсы при Военном институте иностранных языков, а затем зачислили на 1 курс немецкого отделения переводческого (1-го) факультета» [Описание разговорной речи..., 2006, с. 181].

Отвечая на вопрос о самом счастливом и самом страшном моментах своей жизни, Валентин Дмитриевич сказал следующее: «Не задавал себе такого вопроса. Но, пожалуй, это благополучное приземление после моего первого прыжка с парашютом. Это было в 9-ой воздушно-десантной бригаде, где нас швыряли из самолёта с так называемым принудительным раскрытием парашюта. Я вообще боюсь высоты. Потрясающее чувство преодоления страха. Что касается других страхов и неприятностей, связанных с войной, так это чувство голода. Захотев есть в 1941 году, я до сегодняшнего дня не могу остановиться. Приходится постоянно тормозить себя...» [Там же, с. 182].

Ремесло

Военный институт иностранных языков, в котором обучался В. Д. Девкин на переводческом факультете, он закончил в 1948 году. Для справки добавим, что в этом легендарном университете получали своё образование многие выдающиеся учёные нашей страны: М. Я. Цвиллинг, В. М. Суходрев, Л. К. Латышев, Р. К. Миньяр-Белоручев, Л. Л. Нелюбин, В. Г. Гак и многие другие известные российские переводчики и учёные. Сразу же по окончании вуза В. Д. Девкин работал военным переводчиком в Австрии, недалеко от Вены. Но вся дальнейшая жизнь учёного не была связана с военной службой. Незадолго до окончания в 1952 году аспирантуры, он досрочно защитил кандидатскую диссертацию, посвятив её глаголам с «sich». К своей профессии В. Д. Девкин относился как к ремеслу, приводя при этом всякий раз слова своего отца: «Мой отец говорил, что каждый человек должен освоить какое-то ремесло. Лингвистика – это ремесло. Языковед – знаток правил, носитель части культурной информации, которую он может передать другому, помочь осознать её и тем самым принести практическую пользу» [Там же, с. 181].

Делиться опытом, помогать другим освоить это непростое ремесло – немецкий язык, германистику – В. Д. Девкину доводилось делать на протяжении всей своей жизни. Как нам неоднократно рассказывал сам Валентин Дмитриевич, с 1953 по 1955 годы он был отправлен в команди-

ровку в Калужский педагогический институт для организации факультета иностранных языков. «И вот мы там все на этой кафедре были такие холостые, неустроенные, бездомные какие-то, жили в общежитии. Софья Львовна (*коллега Валентина Дмитриевича – С. П., М. Й.*) приходила и говорила, например: «Живем один раз – пошли в столовую!» [Описание разговорной речи ..., 2006, с. 185].

От себя заметим, что тема «Еда, голод, война» в частных разговорах с Валентином Дмитриевичем возникала постоянно. Он с улыбкой и в подробностях рассказывал, как при посещении в студенческие годы точек общепита им использовался принцип правой или левой руки, когда посетитель ресторана закрывает название блюда рукой и берёт не то блюдо, что хочет, а то, что ему по карману. Накормив одну из нас однажды у себя дома приготовленным им нехитрым угощением (жареной колбасой с тушёной капустой), изрёк: «А всё-таки своими кулинарными способностями я горжусь больше, чем написанными научными статьями». Шутил или лукавил?

Дальнейшая жизнь В. Д. Девкина, начиная с 1955 и до конца жизни в 2011 году, связана с Московским педагогическим государственным университетом (бывшим МГПИ им. В. И. Ленина), где он занимал самые различные должности: старшего преподавателя, доцента, декана факультета, заведующего кафедрой, профессора кафедры лексики и фонетики немецкого языка.

Как родоначальник коллоквиалистики немецкого языка, профессор В. Д. Девкин понимал важность пребывания в стране изучаемого языка, поэтому активно поддерживал научные контакты с зарубежными коллегами, являясь многократным гостем в таких образовательных организациях, как Академия наук ГДР, Берлинская Академия наук, университеты Потсдама, Лейпцига, Эрфурта, Берлина, Аугсбурга, Институт немецкого языка в Мангейме, Австрийская Академия наук. Лекции учёного слушали студенты и коллеги в Берлине, Лейпциге, Вене.

Коллоквиалистика

Как бы высокопарно это ни звучало, но В. Д. Девкин посвятил всю свою жизнь науке, опубликовав более 250 научных статей, написав 7 словарей, успешно сопроводив в качестве научного руководителя или научного консультанта около ста кандидатов и двадцати докторов филологических наук. Его докторская диссертация, защита которой состоялась в МГИМО в 1974 году, была посвящена особенностям немецкой разговорной речи. Маститые языковеды тогда с удивлением отметили, что до сих пор лингвистика изучала скорее человека молчащего. С того времени термин «разговорная речь» вошёл в научный обиход со следующей формулировкой, предложенной В. Д. Девкиным: «Мы склоняемся к пониманию разговорной речи как речи непринуждённой, несколько сниженной, спонтанной, устной, преимущественно ситуативно обусловленной, чаще диалогической» [Девкин, 1979, с. 11]. Хотим авторитетно засвидетельствовать, что сама книга «Немецкая разговорная речь» стала

настоящим научным бестселлером: она мгновенно раскупалась в книжных магазинах, передавалась из рук в руки, зачитывалась в библиотеках буквально до дыр. Именно такой потрёпанный, побывавший во многих руках экземпляр стоит на нашей книжной полке.

Но настоящим научным событием в отечественной германистике стало появление в 1994 году уникального «Немецко-русского словаря разговорной лексики», автором которого являлся один человек – профессор В. Д. Девкин [Девкин, 1994]. Стоит подчеркнуть, что ничего подобного на материале других иностранных языков в отечественном научном пространстве до сих пор так и не появилось.

Многие российские учёные с восторгом и восхищением откликнулись на издание такого солидного научного труда, опубликовав свои положительные отзывы. Приведём несколько откликов преподавателей из различных вузов столицы. Так Б. Л. Бойко, профессор Военного университета, сказал буквально следующее: «Создание этого словаря – сподвижничество. После С. И. Ожегова не было никого, кто бы выпустил такой богатый и полный лексический справочник» [Никифорова, 1995, с. 77.]. Ему вторит Н. М. Минина, доктор филологических наук, профессор МГУ: «Словарь уникальный. Теперь все видят, что В. Д. Девкин в Германию не гулять ездил. Каторжный труд не пропал даром» [Там же, с. 77–78].

Словари

Над упомянутым выше словарём, ставшим главным в жизни учёного, профессор В. Д. Девкин работал более четверти века. Но, как мы уже упомянули выше, В. Д. Девкин является создателем 7 словарей.

Своеобразным ««Словарём о словарях» стала вышедшая ровно 20 лет назад монография В. Д. Девкина по лексикографии [Девкин, 2005], в которой автор удивительно образно написал о своём увлечении: «Словарный труд, несмотря на его крайне тяжёлый, изнуряющий характер, не лишён привлекательности и, как бы это ни казалось странным, он по-своему увлекателен и захватывающ. Погрузившегося в словари уже извлечь оттуда невозможно – как курильщик или наркоман он остаётся верен своему интересу, ставшему для него привязанностью. Не потому ли она так прочна, что заставляет забыть всё остальное, всё вокруг?» [Там же, с. 11].

Буквально на следующей странице В. Д. Девкин убедительно объясняет свою точку зрения на проблему, которую многие учёные считают «деликатной» и «недостойной» научного рассмотрения: «Как для врача не должно быть каких-то “плохих” частей тела и “дурных” болезней, так и для лингвиста, имеющего дело с языком во всём его реальном многообразии, невозможно закрывать глаза на то, что объективно существует. Как бы омерзителен мат ни был, он есть и требует к себе внимания» [Там же, с. 12]. Плодом размышления учёного над этим явлением явился словарь, выпущенный в одном из солидных издательств Германии [Devkin, 1996].

Совершенно очевидно, что беспрецедентная продуктивность учёного, его научная смелость, нестандартность мышления способствовали тому, что имя профессора Валентина Дмитриевича Девкина известно за рубежом. Информацию о нём можно, в частности, найти в немецком энциклопедическом издании о выдающихся лингвистах [Kürschner, 1994, S. 159].

Создаётся впечатление, что о словарях Валентин Дмитриевич знал буквально всё, здесь ему не было равных. После каждой зарубежной поездки мы слышали от него традиционный вопрос: «Что новенького из словарей вышло?». Зная, что этот вопрос будет обязательно задан, мы целенаправленно посещали немецкие книжные магазины и собирали информацию о новейших немецких лексикографических изданиях. Но за всё время нашего общения с профессором В. Д. Девкиным нам не удалось сообщить что-то о словарях, чего он ещё не знал. Он гордился тем, что имел в собственной домашней библиотеке практически все основные немецкие словари, которые заполняли пространство его небольшой двухкомнатной квартиры.

«Рассматривая в своей книге самый широкий спектр происходящих процессов в лексикографии, В. Д. Девкин восхищается своим безукоризненным знанием новейших лексикографических изданий, как в нашей стране, так и за рубежом, общее впечатление от прочитанного: систематично, критично, рекомендательно и, в известном смысле, даже развлекательно. В этом непостижимом даре излагать серьёзнейшие вещи легко, непринуждённо, делая при этом совершенно точные выводы и решая трудные лингвистические проблемы, проявляется огромный талант автора» [Потапова, 2007, с. 145].

Юмор

В последние десятилетия жизни Валентин Дмитриевич Девкин активно занимался проблемой языкового и речевого юмора. Почти все разговоры по телефону начинались с признания профессора В. Д. Девкина о том, что он «на стену готов лезть от этого юмора». Далее им рассказывался какой-нибудь анекдот и задавался вопрос: «А что и почему было здесь для вас смешным?». Учёный посвятил юмору, его природе и реализации в речи более 25 научных статей. Одним из главных трудов исследователя по данной проблематике является «Занимательная лексикология», в качестве подзаголовка к которой профессор В.Д. Девкин (именно в такой последовательности!) написал: «Пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа» [Девкин, 1998].

Своё особое мнение о взаимоотношении «Словарь и юмор» ведущий лексикограф страны выразил на страницах «Немецкой лексикографии», чему автор посвящает под таким заголовком целую главу и рассматривает как сами юмористические словари, так и отражение природы комизма

слова в словарях, давая рекомендации по применению юмористических словарей в практике преподавания иностранного языка. По прочтении данной главы становятся очевидными, по крайней мере, две истины. Первая из них: юмор – это особое мировосприятие; вторая – ещё никто и никогда в истории российского языкознания не занимался так серьёзно «несерьёзными» словарями, как это делает В. Д. Девкин» [Потапова, 2007, с. 146].

Не несколько лет до своего ухода 01.04.2011 года В. Д. Девкин опубликовал солидного объёма иллюстрированный словарь юмора [Девкин 2008]. Позднее, уже после кончины учёного, профессор И. П. Амзаракова смогла подготовить к публикации монографию своего учителя под названием «Язык и юмор» [Девкин, 2015].

Непревзойдённый специалист в области коллоквиалистики, профессор В. Д. Девкин прекрасно чувствовал СЛОВО и отличался оригинальностью мышления. Это позволило его ученикам собрать целую коллекцию так называемых «“Валентинок“ от Девкина»: метких, коротких афористичных высказываний. Чтобы читатели получили возможность ощутить неповторимый девкинский стиль, приведём его ответное слово на приветствия в день одного из юбилейных торжеств: «Дорогие мои доброжелатели! Большое спасибо Вам, что сделали всё возможное, чтобы скрасить этот, в конце концов, совсем нерадостный день – наступление старости. Юбилей – это панихида при жизни. Я благодарен судьбе, что я встречаю его не на больничной койке, как это могло бы стать при задатках моего здоровья. Себе я пожелал бы сохранения трудоспособности. Благодарю Вас» [Никифорова 1995, с. 79].

Только человек нестандартного мышления и завидной смелости мог позволить себе неизменную фразу в конце каждой солидной публикации: «Автор был бы признателен за все критические замечания и предложения по улучшению книги, которые можно направлять по адресу: 125493 Москва, ул. Авангардная, д. 13, кв. 39. Девкину Валентину Дмитриевичу, или позвонить по телефону: 454 63 73». Он не боялся указать свой адрес и номер телефона, чтобы услышать любое мнение о своей работе – учёного или аспиранта, учителя или студента, немца или русского, специалиста или обывателя.

Лингвоперсонология

В отдельной главе «Немецкой лексикографии», настоящем «словаре о словарях», В. Д. Девкин «даёт обзор справочной литературы, посвящённой самим лингвистам, их научным интересам, основным трудам, подчеркивая при этом, с одной стороны, огромную значимость подобной информации для самого широкого круга специалистов, с другой, отмечая очевидную, но непростительную непопулярность подобного рода справочных изданий в нашей стране» [Потапова, 2007, с. 146].

Хотелось бы в общих словах обозначить те случаи, когда возникает необходимость навести справки о той или иной персоне из лингвистического мира: часто это нужно в преддверии установления научных контактов с теми, чьё научное творчество незнакомо (например, во время научных конференций; иногда необходимо понять, с именами каких выдающихся языковедов связаны определённые научные школы; периодически возникает потребность уточнить данные о научных трудах учёного (например, в связи с юбилеем); порою это важно для получения совета или научной консультации; нередко это требуется в связи с приглашением для чтения лекций, оппонирования и т. д. Наконец, в этом нуждается «История лингвистики (история языкознания, история лингвистических учений)», которая призвана обобщать данные о существующих научных концепциях, лингвистических теориях и практической лингвистической деятельности.

Счастье

Как и в жизни любого человека, в биографии Валентина Дмитриевича Девкина было достаточно непростых моментов, но он всегда умел брать от жизни то, что позволяло ему быть в гармонии с окружающим миром. Отвечая на вопрос о том, считает ли он себя человеком счастливым, Валентин Дмитриевич сказал следующее: «Если у человека есть свое дело и ему никто не препятствует, не отвлекает на мелочные передраги, когда ты хозяин своему времени и своим желаниям, то, наверное, можно сказать, что такой человек счастлив... В сущности, что такое счастье? – Умение чувствовать радость, удовольствие от имеющегося, от достигающегося тебе, искусство желать и ставить себе цели» [Описание разговорной речи..., 2006, с. 186]. Уверены, что Валентин Дмитриевич Девкин жил в гармонии с собой, ежегодно выезжая на несколько месяцев в страну изучаемого языка, где много читал, писал, изучал, собирал и обобщал лексический материал; путешествовал по любимым городам и странам; никогда никому не завидовал, умел радоваться малому, наслаждаться общением с природой и людьми.

А мы, благодарные ученики, последователи, считаем себя счастливыми, потому что судьба свела нас с этим удивительным человеком: Валентином Дмитриевичем Девкиным, гением лингвистики, совестью российской науки.

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук,
М. М. Йокайт, канд. филол. наук

Раздел 1. ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

1.1. МНОГОМЕРНОСТЬ СЕМАНТИКИ МОЛОДЁЖНОЙ ЛЕКСИКИ

Монография В. Д. Девкина «Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика» завершается главой «Многомерность семантики разговорной лексики» [Девкин, 1979, с. 230–254]. Эта глава содержит итоговую характеристику разговорного слова на уровне языка и речи, в ней выделены специфические черты разговорной лексики, отличающие её от нейтральной: для разговорной лексики более характерны многосемность и функциональный синкретизм, кроме того, развитие и реализация разговорных значений может сопровождаться перерождением или переключением сем. Названные особенности исследовались в дальнейшем автором монографии и его последователями.

Семантическое своеобразие разговорной лексики сохраняется и в молодёжном сленге, который, как и разговорная речь, является средством неформального общения, но ограничен возрастом участников коммуникации – при этом изменение статуса сем (признаков значения) в молодёжной лексике имеет свою специфику, что будет показано ниже. Забегая вперёд, следует сказать, что два вида семантической деривации, наиболее продуктивные в молодёжной лексике, берут начало в разговорном стиле речи как таковом и отмечены в названной монографии.

В настоящей работе под молодёжной лексикой понимается лексика, используемая молодёжью для общения в своей среде. С одной стороны, это специфическая сленговая, с другой – коллоквиальная лексика, которая употребляется также за пределами молодёжной среды. Фактическая нечёткость границы между этими лексическими пластами отражена и в словарных пометах: так, словарь DGWDS [DUDEN Das große Wörterbuch der deutschen Sprache] включает 98 слов, у которых один или несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ) снабжены пометой «Jugendsprache». Только у 60 слов эта помета представлена «в чистом виде», а в 38 случаях есть дополнения, которые прямо или косвенно указывают на возможность употребления ЛСВ вне молодёжной среды. Это пометы: «salopp, besonders Jugendsprache», «umgangssprachlich, besonders Jugendsprache», «besonders Jugendsprache».

Наряду с признаками разговорности, названными выше, молодёжная лексика имеет собственные семантические особенности. При систематизации этих особенностей обнаруживается их связь с тремя измерениями: внешними источниками пополнения вокабуляра, кругом денотатов и образом мышления молодёжи. Данные измерения, взятые сами по себе, не связаны органически и не объединены общим основанием какой-либо

классификации, но именно они фокусируют специфику молодёжной семантики и в этом качестве образуют единство.

Источники анализируемой лексики – это списки претендентов на звание молодёжного слова года, публиковавшиеся издательством Langenscheidt в 2008–2024 гг., лексемы с пометой «Jugendsprache» и «umgangssprachlich» в словаре неологизмов на платформе OWID [Neologismenwörterbuch] и список лексем молодёжного языка на портале Sprachnudel [Sprachnudel. Jugendwörter Liste]. Кроме того, учтены данные тематических обзоров, которые регулярно публикуются различными СМИ в связи с выбором слова года. В таких обзорах содержится информация о происхождении молодёжных неологизмов и примеры их употребления. Очевидно, при ином подборе источников лексический материал был бы несколько иным, однако он отразил бы те же семантические тенденции. Предметом анализа стали только те лексемы, которые могут употребляться устно. Письменная форма коммуникация молодёжи в статье не рассматривается.

Итак, три измерения молодёжной лексики, позволяющие увидеть своеобразие её семантики, – это внешние источники пополнения вокабуляра, круг денотатов и образ мышления молодёжи.

Внешние источники пополнения молодёжной лексики

Под внешними источниками понимаются сферы жизни, из которых в молодёжный язык приходят новые слова. До недавнего времени это была реальная общественная, музыкальная, спортивная жизнь, развитие компьютерных технологий и другие области реальности. Затем интересы молодёжи сместились в виртуальный мир, и теперь молодёжный язык всё чаще обогащается словами и выражениями из компьютерных игр, популярных мемов, альбомов рэперов, высказываний авторитетных стримеров и блогеров. Употребление таких лексем в речи сопровождается ассоциациями с интернет-источником, которые отягощают лексическое значение и придают особый колорит молодёжному слову. Подобные отягощения яснее всего видны в новых ЛСВ общеизвестных слов, которые отличаются от обычных употреблений только тем, что дополняются знанием молодёжи о предыстории их популярности.

Например, *Köfiespieß* – это не просто кюфта на вертеле, а кюфта, о которой мечтал кумир немецкой молодёжи рэпер Ксатар (Xatar), отбывая срок за разбой; в 2013 г. он рассказал о своих желаниях посетившим его в тюрьме журналистам. В 2020 г. в сети появилась композиция другого рэпера (Lil Lightzkin), посвящённая этому эпизоду семилетней давности. В результате в 2020 г. слово *Köfiespieß* вошло в первую десятку молодёжных слов года.

Mittwoch – обычный будний день, и именно поэтому его следует регулярно праздновать – такая традиция сложилась в нескольких современ-

ных интернет-сообществах. Немецкоязычный мем «Es ist Mittwoch, meine Kerle», изображающий лягушку в кожаных штанах, фетровой шляпе и с кружкой пива, довольно регулярно появляется по средам на социальных платформах в различных вариантах. Благодаря популярности мема слово *Mittwoch* стало финалистом при выборе молодёжного слова 2020 г.

Aura, победитель в конкурсе 2024 г., сохраняет значение ‘воздействие, впечатление, производимое на окружающих’, однако ассоциируется с компьютерными играми, в которых аура персонажей – переменная величина, измеряемая в очках. Это объясняет возможность употребления существительного *Aura* в молодёжном языке с числительными: *Bin vor der ganzen Klasse gestolpert und hingefallen, – 5 000 Aura. 1 000 Aura für den peinlichen Spruch.*

Ассоциации с виртуальным миром встроены в значения многих лексем современного молодёжного языка. Так, существительное *Geringverdiener* в значении ‘неудачник’ ассоциируется с интернет-мемом «Aus dem Weg, Geringverdiener!», благодаря которому оно и стало популярным. *NPC* (< англ. *non-player character*) – обозначение несамостоятельного, безынициативного человека. В видеоиграх *NPC* – это персонаж, который не участвует в игре и используется только для создания игрового фона. Называя кого-либо из сверстников *NPC*, говорящие помнят о его виртуальном прототипе. Есть немало аналогичных примеров переноса элементов виртуального мира в реальный.

Знание онлайн-предыстории новой лексемы, очевидно, входит в состав фоновых знаний молодёжи. Это своеобразное знание, своего рода молодёжная этимология. Можно предположить, что со временем она забудется, как и всякая этимология. Правда, неясно, что произойдёт раньше: забвение этимологии или забвение самой лексемы, поскольку молодёжная лексика в принципе недолговечна. Место фоновых знаний как таковых в структуре лексического значения можно определить по-разному, в зависимости от принятой модели: как самостоятельный аспект, как периферию сигнификата или как составляющую коннотативного аспекта.

Круг денотатов

Денотативные области (тематические группы, семантические поля), актуальные для молодёжной лексики, были определены на начальном этапе её исследования в 80–90-х гг. XX века. В 1998 году Я. Андруцопулос сопоставил перечни этих областей, представленные в работах пяти немецких лингвистов [Androutsopoulos, 1998, с. 70]. Первые три места во всех перечнях занимают: обозначения лиц, оценочные характеристики и состояния/настроения. Как показывает исследованный материал, эти денотативные области наиболее актуальны и в настоящее время, о чём свидетельствует их высокая номинативная плотность и изменчивость вока-

буляра: лексический состав данных областей постоянно обновляется и пополняется словами из немецкого, английского, арабского и турецкого языков – при этом оригинал зачастую принимает усечённую форму, а от исходного значения остаются только те признаки, которые позволяют слову относиться к какому-либо лицу, выражать оценку или обозначать состояние. Своеобразие молодёжной семантики проявляется в специфическом осмыслении названных областей.

Среди **обозначений лиц** (преимущественно сверстников) преобладают номинации представителей мужского пола. Обозначения, дополненные положительной оценкой: *Aslan* (сильный, мужественный), *Baba/Babo* (авторитетный), *Homeboy/Homie* (из ближайшего окружения).

Обозначения, дополненные негативной оценкой: *Alman* (утрирует своё соответствие немецким стереотипам), *Honk/Vollhonk* (дурак/круглый дурак), *Kek* (хочет больше, чем может), *Lauch* (слабый, бледный, несамостоятельный), *Loser*, *Opfer*, *Geringverdiener* (неудачник), *Patient* (странное поведение, плаксив), *Simp* (навязчиво любезен без взаимности), *Stino* (безнадёжно нормальный), *Talahon* (вызывающая внешность, агрессивное поведение, обычно мигрант), *Vollpfosten* (ограниченный, неуклюжий), *Warmduscher* (слабак). Последняя номинация имеет прозрачную мотивацию и, по сути, является словом-идиомой, описывающим проявление слабости в современной жизни. В словаре молодёжной лексики 2000 г. приведён список 80 слов-идиом с тем же значением, напр.: *Airbagfahrer*, *Schattenparker*. [DUDEN – Wörterbuch der Szenesprachen, с. 180–181], а в настоящее время существует сайт, на котором представлено 600 синонимов к слову *Warmduscher* [Die Liste von ca. 600 Synonymen für Warmduscher].

Обозначения, выполняющие функцию дружеского обращения: *Akh*, *Alter*, *Bro/Bre/Bra/Bruh/Bratan*, *Digga/Diggah/Digger/Diggi*, *Habibi*. Обращения *Bro*, *Digga*, а также их варианты уже несколько десятилетий занимают прочное положение в молодёжном вокабуляре, несмотря на его постоянную изменчивость.

Обозначения, имеющие грамматические формы для раздельного обозначения лиц мужского и женского пола: *Ehrenmann/Ehrenfrau* (оказал/а помощь в сложной ситуации), *Macher(in)* (человек действия).

Гендерно нейтральные обозначения, в большинстве дополненные оценкой: *Assi* (человек, который по каким-либо причинам не вписывается в социум), *Bae* (тот/та, кого предпочитают другим; может быть обращением), *Kerl*in* (по ассоциации с мемом «Es ist Mittwoch, meine Kerle», не воспринимается всерьёз; может быть обращением), *NPC* (несамостоятельный, незаметный человек), *Weichei* (слабый, нерешительный человек), *Wingman* (помогает вступить в контакт с противоположным полом), *Fam* (близкие люди, свои).

Обозначения лиц женского пола в немецком молодёжном языке несут негативную оценку, выражают пренебрежение и являются оскорблениями. Наименее пренебрежительная номинация – *das Chick*. Дружеское *Alte* как обозначение сверстницы и обращение к ней устарело.

Как видно из обзора, область наименования лиц в немецком молодёжном языке гендерно асимметрична. Представительницы женского пола не подвергаются оскорблению только в гендерно нейтральных номинациях или в номинациях, отражающих их заслуги (*Ehrenfrau*, *Macherin*). Современная языковая политика Германии пока не коснулась молодёжного языка – созданный в шутку конструкт *Kerl*in* не в счёт. Среди номинаций лиц мужского пола преобладают номинации с негативной оценкой, что соответствует общезыковой тенденции. Личностные черты, заслуживающие одобрения, – это сила, авторитет, принадлежность к проверенному кругу общения. Осуждаются слабость, неоправданные претензии, странности поведения.

Оценочные характеристики составляют лексическое значение ряда прилагательных, а также некоторых устойчивых словосочетаний и существительных. В предложении эти лексемы обычно занимают позицию предикатива. Прилагательные нередко имеют при себе интенсификаторы в виде отдельного слова или морфемы (напр., *etw. ist echt/total/extrem/krass geil, megacool, obercool, supercool*), что отражает стремление молодёжи к гиперболизации действительности. Интенсификаторы относятся к денотативной области оценочных характеристик, но в настоящей статье не рассматриваются как отдельный лексический пласт; ниже они повторно попадают в поле зрения в связи с анализом нетривиальных способов деривации.

Оценочные характеристики могут быть положительными (+), негативными (–), а также переменными (+/–). Часть лексем имеет дополнительные признаки значения (семы), которые отражают те свойства референтов, которые получают оценку (напр., успешность, неуклюжесть), или уточняют состояние субъекта восприятия (напр., восторг, раздражение).

Объектом оценки в принципе может быть лицо, действия лица (тж. результат действия), ситуация или осязаемый объект, однако лишь часть учтённых в анализе лексем функционирует в этом диапазоне без ограничений. К ним относятся: лексемы, выражающие положительную оценку (+): *cool*, (тж. с интенсификаторами, выраженными морфемами: *megacool, obercool, supercool*) (в высшей степени положительный, соответствующий идеалу), *toll* (великолепный, вызывает восхищение и удивление), *baba* (весьма положительный), *hammer/Hammer* (оказывает сильное эмоциональное воздействие), *fly* (значительно выше среднего уровня), *gediegen* (очень приятный, высокого уровня); лексемы, выражающие негативную оценку (–): *uncool*.

Если из круга референтов исключены осязаемые объекты, то реализуются следующие лексемы: (+) – *bombe* (впечатляющий, великолепный), *slay* (успешный, вызывает одобрение); *schmusig* (ищет нежность / окружает нежностью); (–) – *schwul*, *psycho* (вызывает раздражение, занудный), *sus* (вызывает подозрение), *bodenlos* (в высшей степени несурезный).

Если из круга референтов исключены лица, то оценка выражается лексемами: (+) – *geil*, (тж. с интенсификаторами: *arschgeil*, *affengeil*, *endgeil*, *hammergeil*, *megageil*, *obergeil*, *saugeil*, *supergeil*), *porno* (вызывает восхищение), *nice/nicenstein/noice* (в высшей степени положительный), *lit* (наполняет светлой радостью), *fett* (в высшей степени позитивный), *stabil* (без сомнения, позитивный) *Ohrenorgasmus* (приятно звучит), *Augenorgasmus* (приятно выглядит); (–) – *goofy* (неуклюжий, смешной).

Если из круга референтов исключены осязаемые объекты и лица, могут употребляться лексемы: (+) – *episch* (впечатляет своим невероятным масштабом), *irre* (восторг от чего-л. неожиданно успешного), *crazy* (восторг и/или удивление), в односоставных восклицательных предложениях – *bām* (восторг от неожиданного сильного воздействия), *Mashallah* (радость и восхищение), *SIU(UUU)* (неожиданно круто); (–) – *unterirdisch*, *grottig* (очень плохой), *basic* (ординарный); (+/–) – *krass*, *wyld/wild* (производит очень сильное впечатление), в односоставных восклицательных предложениях – *Ganz großes Kino* (сильно! – о чём-то желательном или нежелательном), *Sheesh* (удивление или досада).

Если круг референтов ограничен действиями лица, то возможна только негативная оценка: (–) – *cringe* (стыдно за чужую неловкость), *side eye geben* (неодобрительно отреагировать на чьи-то действия), как вводная конструкция – *Ehre genommen* (реакция на чей-то позор или разоблачение).

Круг референтов, ограниченный лицами, коррелирует с негативной оценкой: (–) – *delulu* (имеет искажённые представления о действительности), *assi* (асоциальный).

Таким образом, лексемы молодёжного языка, выражающие положительную или негативную оценку, образуют синонимические ряды, в которых члены ряда различаются как семантически, так и в плане референции: лексемы обнаруживают различный референциальный потенциал. В семантическом плане оба ряда состоят из идеографических синонимов, предположительно с доминантами *cool* и *uncool*. Прослеживаются два типа смысловых различий между синонимами: различия в свойствах оцениваемых референтов и различия в состояниях субъекта восприятия.

Положительно оценивается сила воздействия, необычность/неожиданность, чья-то успешность, негативно – ординарность, физическая слабость, необычность поведения, отрыв от действительности и от социума.

Критерии оценки в целом те же, что и в оценочных номинациях лиц. Примечательно, что необычность/неожиданность как результат целенаправленной деятельности оценивается положительно, а ненамеренная необычность – негативно.

Желательные состояния субъекта восприятия – это сильное эмоциональное возбуждение, восторг, реже – радостное удовлетворение, нежелательные – раздражение, досада, стыд за чужую неловкость.

Так через призму семантики можно увидеть приоритеты ценностей немецкой молодёжи. Следует добавить, что в ироничных высказываниях, к которым склонна молодёжь, полюс оценки может меняться.

Состояния/настроения современной немецкой молодёжи, отражённые в языке, – отдельная тема исследования. В учтённом лексическом материале привлекают внимание два явления.

Во-первых, за последние 15 лет в число претендентов на звание молодёжного слова года неоднократно попадали слова с общим значением ‘харизма’, что говорит о важности этого понятия для современной молодёжи. Это существительные *Aura* (см. выше), *Rizz* (< *Charisma* – способность убеждать и подчинять, в основном о мужчинах), *Vibe* (< *Vibration* – атмосфера, которую создаёт кто-л., что-л., употребляется с прилагательным), *Swag* (< англ. *to swagger* со снятием негативной оценки – уверенность в себе), *Fame* (< англ. *fame* – широкая известность и всеобщее расположение).

Во-вторых, важное место в жизни молодёжи занимает досуг, который ассоциируется прежде всего с отдыхом, а тот, в свою очередь, – с расслаблением. Представление об отдыхе входит в значения различных частей речи. Эти значения либо непосредственно выражают идею расслабления, либо являются результатом семантической деривации, при которой от предыдущего значения сохраняется только признак «пассивность». Это лексемы *chillen*, *abchillen*, *chillig*, *gechillt*, *Chillaxing* (< *chillen* + *relaxing*); *abhängen*, *rumhängen*; *gammeln* (< alt, *faulig werden*); *auf Lock* (< *locker*).

Образ мышления молодёжи не отличается от общечеловеческого, но имеет свою специфику, которая определяется возрастными психологическими особенностями и особым социальным статусом. Для молодёжи характерно стремление к самовыражению, ориентация на авторитеты, максимализм, потребность в новизне, нарушении норм и в общении со сверстниками. Последняя потребность реализуется через создание молодёжных групп. Исследователи отмечают, что основной способ социализации в своей молодёжной группе – это использование особого языка, кроме того, необходимо соответствовать стилю общения в группе и принятым ценностям (напр., [Neuland, 2018, с. 67–70]). Молодёжь имеет больше власти над языком, чем другие социальные слои, и использует

язык для реализации своих потребностей: постоянно обновляется вокабуляр, создаются неожиданные метафоры, игнорируются свойства частей речи и нарушаются законы синтаксиса. Произвол по отношению к языку проявляется и в своеобразных способах семантической деривации. Очевидно, что деривация используется для закрепления в лексических значениях содержания, актуального для молодёжной культуры: «хорошо», «плохо», «сила», «слабость», «вышая степень» и некоторых других. Эти семантические преобразования подтверждают мысль О. Есперсена о том, что законы изменения значений отражают законы человеческого мышления: «There are universal laws of thought which are reflected in the laws of change of meaning (semantic laws)» [Jespersen, 1925, с. 212]. Традиционные способы развития новых значений пока не удалось связать с общими законами мышления, но нетривиальная молодёжная деривация даёт возможность сделать шаг в этом направлении.

В молодёжном языке существует несколько способов семантической деривации как средства закрепления востребованного содержания. Первые два способа характерны для сниженной лексики в целом, но в языке немецкой молодёжи они оказались особенно продуктивными и получили дальнейшее развитие.

Изоляция признака от исходного значения возможна в различных языках, при этом изолируются признаки «высокая степень» и «интенсивность» (строго говоря, второй признак – частный случай первого). Так, немецкие прилагательные со значениями ‘сильное негативное воздействие’ (*furchtbar*, *schrecklich*) и ‘очень большой размер’ (*ungeheuer*) развили новые значения, в которых от прежних остался только признак «высокая степень». Эти ЛСВ выполняют семантическую функцию интенсификаторов и ограничены синтаксической позицией обстоятельства. Сочетания типа *furchtbar langweilig*, *ungeheuer lustig* характерны и для русского языка: *страшно / жутко, скучный / смешной*.

Пример изоляции признака «интенсивность» приводится в монографии В. Д. Девкина: это превращение глагола *dreschen* (молотить) в глагол «предельно активного действия» [Девкин, 1979, с. 237]. Данное семантическое явление рассматривается как один из вариантов перерождения сем.

В немецком молодёжном языке расширилась семантика исходных значений прилагательных, от которых изолируется признак «высокая степень»: это значение ‘положительный в высокой степени’, которое само является результатом деривации. Примером могут служить рассмотренные выше оценочные ЛСВ прилагательных *irre*, *grottig*, *unterirdisch* в сочетаниях *irre toll*, *grottig schlecht*, *unterirdisch blöd*, а также *hammer* в составе прилагательного *hammergeil*. Изолируются и другие признаки значений, отражающие важные для молодёжи понятия, при этом в процесс деривации вовлекаются различные части речи. Так, глаголы

abhängen, rumhängen, gammeln стали обозначением пассивного отдыха в результате изоляции признака «пассивность». Новое значение существительного *Baba/Babo* (< тур. – отец) в немецком молодёжном сленге – это ‘авторитетный человек’, в данном случае изолирован признак «авторитетный».

Следующий этап деривации – **переосмысление** признака «авторитетный» в признак «положительный» параллельно с конверсией: *baba* становится прилагательным, выражающим положительную оценку. Другие примеры: *Hammer* > *hammer*, *Bombe* > *bombe* – в обоих случаях признак «положительный» – результат переосмысления признака «сильное воздействие».

Переосмысление признака исходного значения обычно не сопровождается конверсией, этот способ семантической деривации характерен для прилагательных. В новых, оценочных значениях рассмотренных выше прилагательных переосмыслению подвергаются различные признаки, при этом результат переосмысления, т. е. признак «положительный» или «негативный», становится ведущим, а переосмысленный признак уходит в тень. Возможны следующие виды ассоциаций.

Признак «положительный»/«негативный» является результатом переосмысления признака «высокая интенсивность»: *krass* (ярко выраженный, очевидный), *wyld/wild* (< англ. *wild* – дикий, неистовый).

Признак «положительный» – результат переосмысления признаков: «сильное воздействие» – *slay* (< англ. – убивать), *toll* (сумасшедший, дикий), *crazy* (< англ. – помешанный); «имеющий большие размеры» – *episch* (эпический); «необычность/отклонение от нормы» – *porno* (порнографический); «свет» – *lit* (< англ. – освещённый, зажжённый); «отрыв от земли» – *fly* (< англ. – полёт).

Признак «негативный» – результат переосмысления признака «ненамеренная необычность/отклонение от нормы»: *schwul* (гомосексуальный), *psycho* (< *der Psycho* – психически больной).

Этот способ образования новых значений отметил В. Д. Девкин, определив его как разновидность перерождения сем. В монографии приведены следующие выражения, объединяющие в своих значениях признаки «положительность» и «высокая степень»: *Das ist Klasse*, *'ne Wucht*, *phantastisch*, *fetzig* [Девкин, 1979, с. 236].

Способ семантической деривации, который встречается только в молодёжном языке, – это **образование значений на основе допустимой смежности признаков** (непосредственной или опосредованной). Вот несколько примеров такой связи. *Patient* в новом значении – это ‘молодой человек, который получает негативную оценку из-за своего странного поведения и плаксивости’. Образование данного значения от исходного можно представить следующим образом: пациент болен → он жалуется

на симптомы болезни; возможны отклонения в поведении → отклонения могут производить неприятное впечатление. Прилагательные *unterirdisch* (подземный) и *grottig* (имеющий отношение к гроту) развили значение ‘очень плохой’. Вероятная цепочка ассоциаций такова: *unterirdisch* – человек, попавший под землю, находится в темноте, под землёй велика угроза обвала → то и другое неприятно и тревожно; *grottig* – обычные атрибуты грота (неглубокой горизонтальной пещеры) – сырость и холод → это неприятно.

В приведённых примерах ассоциативная цепочка доходит до возможности негативного воздействия, затем эта возможность гиперболизируется и получает статус действительности, в результате образуется негативно-оценочное значение. Такой ход мыслей показывает, что, обновляя способы выражения важного для себя содержания, немецкая молодёжь не только прибегает к извлечению и переосмыслению признаков, содержащихся в значениях слов, но и использует возможность создания таких признаков, опираясь на допустимые цепочки ассоциаций.

Эти и другие типы семантической деривации в молодёжной лексике рассматриваются в более ранней публикации автора [Бойкова, 2022].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что три измерения молодёжной лексической семантики, рассмотренные в статье, взаимосвязаны и ведущую роль среди них играет образ мышления, то есть сознание молодёжи определяет бытие лексической семантики молодёжного языка. Ориентация на авторитеты проявляется в том, что молодёжный вокабуляр активно пополняется словами и выражениями из популярных мемов и из речи известных в социальных сетях личностей. Новая лексика зачастую несёт за собой шлейф памяти о первоисточнике, что усложняет структуру значения. Стремление к самовыражению и потребность в новизне побуждает молодёжь создавать всё новые номинации для одних и тех же социально важных денотатов, а также закреплять в лексических значениях свои ключевые ценности и антиценности, прибегая к специфическим способам семантической деривации.

1.2. ИЗМЕНЕНИЯ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА В ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКА

Каждый живой язык, используемый в повседневном общении людей, меняется и адаптируется к потребностям говорящих. Общественные трансформации, детерминирующие изменение социальных норм, ценностей, принципов, правил поведения, находят выражение и в лексике языка, которая, как известно, обладает открытостью и изменчивостью. Лексикон любого национального языка наиболее активно отражает происходящие в обществе изменения, реагируя на появление новых понятий и вещей, переоценку старых явлений возникновением новых номинаций:

неологизмов или переименований. Примером могут служить наименования, связанные с пандемией новой коронавирусной инфекции, которая изменила в 2020 году жизнь во многих странах, в том числе и в Германии.

Неологизмами принято называть языковые инновации лексического уровня. Важно понимать, что новые слова появляются сначала как окказионализмы, и только после того как они становятся известными большей части носителей языка, неологизмы занимают место в словарном составе. Со временем слова утрачивают элемент новизны – перестают восприниматься носителями языка как новые, регистрируются в словарях без соответствующей пометы – а потому теряют статус неологизмов, при этом некоторая их часть может не войти в активный лексикон по причине неактуальности их денотатов.

Комплексное лингвистическое описание лексических новаций, выявленные особенности неологизмов позволяют сделать выводы относительно взаимосвязи новой лексики и окружающей действительности, а также языковой специфики неологизмов как переходного класса лексем. Анализ неологизмов того или иного языка может служить дополнением в описание актуальной общественно-политической ситуации, внести вклад в исследование особенностей определённой сферы жизнедеятельности носителей языка в современный период. В то же время изучение меняющихся норм и ценностей общества, специфики текущей общественно-политической обстановки, изменений в различных областях жизни позволяет объяснить появление неологизмов соответствующей тематики. Именно поэтому в данном исследовании лексические инновации рассматриваются в тесной взаимосвязи с нормами жизнедеятельности, а понятие нормы получает детальное освещение.

Социальные нормы. Человек – существо общественное, а существование в социуме требует отказа от абсолютной свободы и следования нормам сосуществования и определённым правилам поведения. Жизнь в обществе и эффективное взаимодействие людей едва ли возможны без чётко установленного порядка, пусть даже мера его строгости в разных культурах и у разных народов различна.

Формирование социальных норм обусловлено существованием общественно-значимых целей, идеалов, ценностей. В философской литературе нормы определяются как «исторически сложившиеся или установленные каким-либо образом стандарты деятельности, соблюдение которых выступает для индивида и группы необходимым условием их подчинения определённому социальному целому» [Философская энциклопедия, 1967, с. 98–99].

В узком смысле слова норма – это некое правило, предписание, касающееся, однако, весьма широкого спектра объектов, будь то выполнение

либо невыполнение определённых действий, выбор и использование средств, характеристика результата действия, а также содержание мышления, желания, оценки, интерпретации и формы их выражения (ср.: „inhaltlich bestimmte Regulative, die sich auf die Ausführung oder Unterlassung bestimmter Handlungen und Handlungssequenzen beziehen können <...>, auf die Auswahl und Verwendung bestimmter Mittel, <...>, auf die Beschaffenheit eines Handlungsergebnisses <...>, schließlich auf die Inhalte des Denkens, Wünschens, Bewertens und Interpretierens sowie die Form ihrer Entäußerung“ [Gloy, 2004, S. 392]).

С одной стороны, норма часто являет собой эталон, образец, к соблюдению которого она и обязывает. Тем не менее, с другой стороны, её требование может касаться целесообразности, соответствия (обстоятельствам), следовательно, не содержит строгого стандарта. К тому же статус нормы (её кодификация, установление) не является решающим фактором для её существования [ebd.]: существует немало так называемых «неписанных» норм и, напротив, кодификация нормы не исключает её нарушения или изменения.

Так, вследствие демократизации немецкого общества фамильярное приветствие *Hallo!* (несмотря на соответствующие словарные пометы) вытеснило официальное *Guten Tag!* ср.: [Kübler-Jung, 2014, S. 125], а вместо широкой палитры ответных реакций на благодарность, немцы повсеместно используют наречие *gerne*, ср. примеры из переписки автора: *Zur Zeit wird in jeden Satz das Wort „gerne“ eingefügt. Die Leute sagen „gerne“ auch bei Dingen, die sie nicht gerne tun. Früher sagte man beim Brötchen holen „Dankeschön“ und die Verkäuferin „Bitte“ oder „Bitte schön“. Jetzt ist alles „gerne“. Ich ertappe mich auch schon bei ‚gerne‘ gerne zu sagen. Das wollte ich noch nachgernen.....!!*

Не случайно существует понимание социальной нормы в широком смысле слова: нормой является то, что представляется членам общества нормальным, привычным, правильным, уместным.

С точки зрения содержания норм, учёные подчеркивают, что социальные нормы являются необходимым условием существования общества, регулируя взаимодействие людей в процессе их практической деятельности [Кустова, 2000]. Они являются регуляторами поведения в обществе, служат для членов общества ориентирами в их деятельности, основой для оценки и санкционирования действий [Kübler-Jung, 2014, S. 39] (здесь и далее перевод мой – С. Б.).

Т. Кюблер-Юнг акцентирует внимание на различиях между разными видами норм: речь идёт о так называемых “Muss-Normen” – они фиксируются законодательно, “Soll-Normen” – обычаи и “Kann-Normen” – традиции, привычки. Последние имеют размытую дефиницию и допускают более свободную интерпретацию [ebd., S. 401].

Нормы отличаются в разных культурах, у разных народов, этот очевидный факт подчёркивают и социологи [Popitz, 1980; Kübler-Jung, 2014]. Дело в том, что специфика жизнедеятельности конкретной нации предопределяет национальные особенности её культуры и, в частности, своеобразие сложившихся социальных норм.

Принято различать типы культур: «открытые», «закрытые», индивидуалистические, коллективистские и т. д. Соблюдение устоявшихся норм и правил играет особую роль в культурах коллективистского типа, в то время как культуры индивидуалистического типа обладают неясными, «размытыми» нормами для большинства ситуаций и толерантно относятся к нарушениям действующих норм [Enzyklopädie der Psychologie, 1994; Лебедева, 1999]. Таким образом, то, что выдаётся одним обществом за норму, отнюдь не всегда является нормальным с точки зрения иностранца.

В идеале социальная норма должна признаваться и приниматься адресатами, что, однако, в повседневной жизни случается редко. Значимость различных норм может быть разной, так же как и значимость одной и той же нормы для разных индивидов, вплоть до неприятия и несоблюдения.

Причины, как соблюдения, так и несоблюдения норм могут быть самыми разными, нормативные предписания выполняют не только по внутреннему убеждению, но и подчиняясь мнению большинства или букве закона, опасаясь штрафных санкций или осуждения общественности. Несоблюдение норм может происходить по воле обстоятельств, в силу неприятия норм, из озорства, в конце концов, из-за незнания нормативных предписаний. Интересно, что наличие большого количества инструкций, запрещающих знаков в Германии сами немцы, а также некоторые иностранцы оценивают положительно с точки зрения получения информации о том, что разрешено, а что, наоборот, запрещено. По их мнению, отсутствие подобной информации, например в России, сбивает с толку и внушает страх, тем более что незнание закона (в случае кодифицированных норм и правил) не освобождает от ответственности.

Чем больше людей отвергают те или иные социальные нормы, тем больше вероятность изменения или вообще «исчезновения» (прекращения существования) нормы. Тем не менее, существуют нормы, которые постоянно кем-либо нарушаются, но в силу своей общественной значимости эти нормы не утратят своего значения: уважение к старшим, сострадание, взаимопомощь, честность и пр.

В целом социальные нормы детерминируют практически все повседневные действия, будь то покупка в магазине или движение на автомобиле. Но даже и такие обыденные ситуации со временем меняются: с появлением технологий бесконтактной оплаты или беспилотного управления меняются алгоритмы и этих привычных действий. Если говорить об изменении социальных норм поведения, то оно происходит не быстро и

не произвольно. Чаще всего оно связано с переосмысливанием системы ценностей, тесно связанным с разного рода трансформациями в обществе.

Являясь основой любой культуры, нормы и ценности обладают относительной устойчивостью, что обеспечивает существование культуры и преемственность поколений, – эту мысль подчёркивали в своих трудах ещё Платон [Платон, 1971] и Аристотель [Аристотель, 1984]. Несмотря на способность к изменению, социальные нормы, как и ценностные ориентиры, отличаются некоторой стабильностью, что позволяет говорить о существовании у какой-либо нации в отдельный период её эволюции системы общепринятых приоритетов.

Вместе с тем современное глобализированное информационное общество с его плюрализмом мнений и возможностей, активностью и мобильностью, смешением культур и языков, новыми формами жизнедеятельности (*удаленная работа, виртуальная дружба* и др.) обуславливает появление новых или изменение традиционных норм и правил поведения в социуме, переосмысливание ценностных представлений и приоритетов.

Более того, учёные отмечают тенденции аномии – «состояния общества, в котором те или иные области социальной жизни, типы социальных отношений и поведения людей выпадают из сферы нормативного регулирования со стороны общества» [Быченков], а «вместо социальных норм, основанных на принципах культуры и гуманизма, наблюдается регуляция, построенная на финансовых и региональных интересах» [Добрин, 2011, с. 120].

Не вдаваясь в полемику относительно характеристик социальных норм, подчеркнём их взаимосвязь с культурой и языком, что важно для настоящего исследования: сложившиеся в обществе нормы отражаются в языке и речи, которые, как и нормы, обладают предельной устойчивостью, но вместе с тем изменчивы и открыты для новаций. Будучи необходимыми человеку для активной жизнедеятельности в социуме, а значит, обладая индивидуальной и общественной значимостью, нормы и ценности образуют основу культуры и неотъемлемый фрагмент языковой картины мира.

Языковое выражение этической квалификации поступков, качеств, отношений отображает нормы и правила, принятые в данном социуме, формулируя жизненные приоритеты и склонности носителей языка [Рябцева, 2000], хотя нельзя не отметить и тот факт, что традиционные нормы современных национальных сообществ подвержены, кроме прочего, влиянию глобализации, нивелирующей различия норм и ценностей отдельных культур. Рассмотрим сказанное на примере немецкой лингвокультуры.

Немецкие социальные нормы и их языковое выражение. Своеобразие способов нормализации окружающего мира в немецком обществе

всегда определялось особой значимостью норм и правил в жизни отдельного немецкого гражданина и социума в целом. Неотъемлемый элемент немецкой культуры – порядок (Ordnung) – на протяжении столетий, да и сегодня, имеет при сравнении с другими национальными сообществами особую значимость.

Особая любовь немцев к порядку (Ordnungsliebe) имеет вековую историю: согласно исследованиям историков идеал порядка сложился и укрепился до индустриализации, уходит корнями в религию, а именно, обусловлен конфессиональными различиями, противостоянием католической и протестантской ветвей, проявлявшемся в том числе в многочисленных взаимных предупреждениях, а также подкреплён стремлением государства внушить своим гражданам необходимость порядка [Bausinger, 2002, S. 83–84].

Роль церкви и государственной власти в укреплении послушания и дисциплины, а также влияние чувства страха, испытываемого перед гневом Бога и правителя подчёркивает в своих исследованиях и А. Вежбицкая и приводит в подтверждение высказывание Б. Нусса: «Многочисленные предписания и запрещения, характерные для немецкой жизни, могут рассматриваться как надёжная основа, уменьшающая жизненную неопределённость и... сопутствующий ей страх... Для того чтобы голова могла нормально функционировать, а на душе могло быть спокойно, необходимо жить в упорядоченных рамках» (B. Nuss. Цит. по: [Вежбицкая, 1999, с. 605–606]).

О стремлении к порядку, нетерпении запущенности и беспхозяйственности можно узнать из немецких пословиц и поговорок, едва ли знакомых сегодняшнему молодому поколению: *Ordnung im Haus ist halbes Sparen. Ordnung hilft haushalten. Ordnung regiert die Welt. Ordnung ist das halbe Leben.*

Вместе с тем Ordnung – это не только чистота и пунктуальность, это упорядоченное состояние всей жизни, точное планирование, соблюдение правил и предписаний, строгая регламентация деятельности учреждений и организаций, основательность и доскональность, рационализм [ср.: Карасик, 2004; Буренкова, 2009; Медведева, 2011], а эти качества всё же отличают немецкую культуру. Чёткая регламентация пространства и времени, нормы, регулирующие их использование, вывески, знаки с инструкциями и запретами – всё ещё одна из самых заметных особенностей немецкого образа жизни:

Fahrräder abstellen verboten!

Anlegen von Fahrrädern nicht gestattet/untersagt.

Grillen verboten.

Bitte die Wanderwege nicht verlassen.

Betreten der Rasenflächen verboten!

Bitte, die Linie nicht überschreiten.

Anhalten и т. д.

Строгое соблюдение правил ради поддержания порядка нашло отражение не только в знаках, инструкциях, пословичном фонде, но и в художественной литературе, ср.: «немец не мыслит себе свободы без правил. Они могут расходиться во мнениях из-за того, какими они должны быть эти правила, но не из-за того, должны ли они быть. Для немца явление, противоположное свободе – хаос. Немцы жертвуют частью своей свободы ради порядка» [Фаулз, 2001, с. 349–350].

В произведениях Г. Гессе, герои которых часто противостоят обществу, нарушают его правила (ср. нарушение закона о постановке на учёт по новому месту жительства: “das Unterlassen der polizeilichen Meldung” [Hesse, 1974b, S. 5]), презируют общепринятые бюргерские представления о норме, порядок ассоциируется всё же «с благоприятной и порядочной жизнью» (“... nach einem freundlichen und anständigen Leben” [ebd.]). И хотя главные герои Гессе – чаще всего отшельники – вступают в конфликт с окружающим миром обывателей, порядок и чистота символизируются у них с раем, свидетельствуют о «гражданской чистоте, основательности и точности, исполнении долга и верности в мелочах» (“... von bürgerlicher Reinheit, von Sorgfalt und Genauigkeit, von Pflichterfüllung und Treue im kleinen” [ebd., S. 12]).

Порядок напоминает им детство, маму (Галлер, «Степной волк»), означает чудесный мир отчего дома, в котором присутствуют «родители, любовь и строгость, ясность и чистота, дружелюбные речи, вымытые руки, чистые платья и хорошие манеры», где порядок сосуществует с «покоем, долгом и чистой совестью, прощением и любовью», куда можно сбежать из другого, противоположного мира (Демиян, «Демиян»), ср.: “Es war wunderbar, daß es hier bei uns Frieden, Ordnung und Ruhe gab, Pflicht und gutes Gewissen, Verzeihung und Liebe – und wunderbar, daß es auch alles das andere gab, alles das Laute und Grelle, Düstere und Gewaltsame, dem man doch mit einem Sprung zur Mutter entfliehen konnte” [Hesse, 1974a, S. 4–5].

Следует, тем не менее, подчеркнуть, что и в литературе, и в реальной действительности наблюдается относительность норм и порядка как некоего идеала жизнедеятельности. Разные интерпретации устоявшихся традиций, правил и ценностных представлений сопряжены с развитием общества и возникновением новых проблем, требующих иных этических решений, пересмотра существующей системы моральных норм и ценностей. Тем самым система национальных ценностей и норм характеризуется синхронической и диахронической изменчивостью, что находит своё отражение в языке и речи.

Модификации подвергаются даже пословицы, несмотря на присущую им устойчивость: меняющиеся практический опыт, народная оценка жизненных явлений приводят к различным трансформациям традиционных изречений. Так, пунктуальность и обязательность по разным причинам перестали быть ценностными ориентирами, о чём свидетельствуют многочисленные псевдо- или антипословицы. Известная пословица, рекомендующая не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, получает сегодня множество смысловых вариаций, ср. примеры из картотеки автора:

Was du heute kannst besorgen, hat bis übermorgen auch noch Zeit. – То, что ты можешь сделать сегодня, подождёт до завтра.

Was du heute kannst besorgen, das verschiebe stets auf morgen. Denn hast du's heute schon getan, kommt morgen gleich was Neues dran! – То, что ты можешь сделать сегодня, всегда откладывай на завтра. Потому что если сделать это сегодня, завтра сразу появится что-то новое.

Was du heute kannst besorgen, das verschiebe ruhig auf morgen. Denn was du heute kannst erleben, kann dir morgen keiner geben! То, что ты можешь сделать сегодня, спокойно откладывай на завтра. Так как сегодня ты можешь испытать то, чего завтра тебе никто не даст.

Was du heute kannst besorgen, kannst du dir morgen bestimmt nicht mehr leisten. – То, что ты можешь сделать сегодня, завтра ты точно не сможешь себе позволить.

Таким образом, причиной пересмотра норм и правил выступает изменение ценностных ориентиров, ставшее очевидным в нынешнем столетии. Ещё на рубеже веков основополагающей ценностью немецкой нации был, прежде всего, порядок. Нормой для немца считались правило, правда, право. Понятия «управлять» и «регулировать» также соотносятся с нормой [Лейвен-Турновцева, 2000, с. 134–148].

Г. Баузингер в книге “*Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen?*” приводит результаты опроса, проведённого институтом изучения общественного мнения, на тему «Что типично для немцев?»: самыми частыми ответами многих немцев были понятия «надёжность» (Zuverlässigkeit), «прилежание» (Fleiß), «совершенство» (Perfektion), «порядок» (Ordnung) и «пунктуальность» (Pünktlichkeit) [Bausinger, 2002, S. 30].

Верхние строчки в опросах немецкого населения о самооценке занимали любовь к порядку, прилежание, работоспособность, дисциплина, опрятность (“*Ordnungsliebe, Fleiß, Leistungsfähigkeit, Disziplin, Sauberkeit nehmen bei Umfragen zur Selbsteinschätzung der deutschen Bevölkerung nach wie vor die obersten Ränge ein*” [ebd., S. 82]. Вместе с тем автор отмечает многочисленные скептические атаки интеллигенции против так называемых «немецких добродетелей» (deutsche Tugenden), критические мнения

относительно роли порядка и дисциплины как типичных черт нации [ebd., S. 29].

Спустя два десятилетия названные качества встречаются, скорее, в опросах иностранцев о немцах и образуют так называемые «ложные этнические стереотипы». В апреле 2018 г. немецкий журнал Фокус (focus.de) опубликовал статью на тему типичных немецких качеств “10 Eigenschaften, auf die wir wirklich stolz sein können!” Авторы перечисляют 10 качеств, приписываемых немцам:

немцы чрезмерно пунктуальны (überpünktlich),
очень дисциплинированы (super diszipliniert),
добросовестны (gewissenhaft),
аккуратны (ordentlich),
увлекаются спортом (sportbegeistert),
любят путешествовать (reiselustig),
охотно экспериментируют (experimentierfreudig),
технически подкованы (technikaffin),
любят объединяться в союзы (vereinsfreudig),
не имеют чувства юмора (haben keinen Humor).

Авторы шутливо комментируют данные характеристики, приводят аргументы «за» и «против», тем не менее подчёркивают, что немцы могут гордиться такими отзывами [Typisch deutsch 10 Eigenschaften].

Сами немцы изменили своё мнение о себе и о том, что является для них приоритетом. В 2018 г. первые три позиции в рейтинге ценностей занимали природа, здоровье и семья – Natur, Gesundheit und Familie, однако в 2020 г. из-за пандемии коронавируса порядок следования ценностей изменился: Gesundheit, Familie, Erfolg (успех) [Welche Werte den Deutschen am wichtigsten sind], далее следуют Freiheit (свобода, в частности независимость от институтов), Sicherheit (безопасность; при этом государству отводится ключевая роль в этих вопросах) и только на седьмом месте – Natur [Die drei wichtigsten Werte der Deutschen]. В целом по итогам опросов ведущего международного агентства маркетинговых исследований Kantar TNS 2009, 2012, 2014, 2016 и 2018 гг. следующие понятия стабильно входят в топ-10 ценностей немцев, меняя лишь позиции внутри списка:

Natur,
Gesundheit,
Familie,
Freiheit,
Sicherheit,
Erfolg,
Gemeinschaft (единение),
Anerkennung (признание),

Nachhaltigkeit (постоянство),
Gerechtigkeit (справедливость) [Wie sich die Werte der Deutschen verändert haben].

Возможно, опасаясь обвинений в нетолерантности и приверженности националистским идеям, немцы всё чаще отрицают существование какой-либо особой любви к порядку как некой добродетели, тем более что порядка, действительно, стало меньше. “Deutsche Tugenden” многие считают устаревшими, а проявления «типично немецких качеств» – особенностью старшего поколения или «бзиком», «блажью» (ср.: die Macke, -n).

С течением времени некоторые социальные нормы, соблюдение которых было ранее чем-то само собой разумеющимся (*Selbstverständlichkeitsnorm*), перестали считаться немецким обществом предосудительными, хотя за некоторые из подобных нарушений по закону предполагаются санкции. В качестве таких **незначительных проступков** (*Kavaliersdelikt*) в немецком обществе сегодня могут расцениваться:

- уклонение от уплаты налогов (*Steuerhinterziehung*);
 - обман страховой компании (*Versicherungsbetrug*);
 - пиратский просмотр телепрограмм (*Schwarzfernsehen*);
 - изготовление и распространение пиратских копий (*Verbreiten und Herstellen von Raubkopien*);
 - плагиат (*Plagiat*);
 - незаконное занятие каким-либо промыслом, нелегальная трудовая деятельность (*Schwarzarbeiten*);
 - завышение предприятием затрат (*Spesenbetrug*);
 - подкуп (*Bestechung*);
 - превышение допустимой скорости (*Geschwindigkeitsüberschreitung*);
 - вождение автомобиля в нетрезвом виде (*Alkohol am Steuer/Autofahren im betrunkenen Zustand*);
 - вождение автомобиля без водительских прав (*Fahren ohne Fahrerlaubnis/Schwarzfahren*);
 - проезд в общественном транспорте без билета (*Schwarzfahren*);
 - парковка в запрещённом для этого месте (*Parken im Halteverbot*);
 - курение в недопущенных местах (*Rauchen in rauchfreien Zonen*);
 - обман с целью получения денежной помощи (*Subventionsbetrug*)
- [Буренкова, 2014].

Отношение немецкого общества к незначительным нарушениям нельзя считать однозначным, многие из подобных деяний оцениваются гражданами Германии негативно, хотя фальсификации данных в налоговых декларациях, безбилетный проезд, нарушения авторских прав многие не считают предосудительными поступками.

В современном немецком обществе отмечаются две тенденции: с одной стороны, многие считают, что жизнь в Германии чрезмерно регла-

ментирована, что лишает её граждан самостоятельности и свободы (ср.: “Deutschland ist überreguliert und entmündigt seine Bürger” [Verbote, Verordnungen: So gängelt der deutsche Staat seine Bürger]).

С другой стороны, многие немцы по-прежнему «готовы жертвовать частью своей свободы ради порядка»: они одобряют многие запреты и видят в этом гарантию своей безопасности и защиты с позиций государства (ср.: “Freiheit wird zwar hochgeschätzt, viele Bürger befürworten aber gleichzeitig viele Verbote” [Verbote in Deutschland. Willkommen in der Nanny-Republik]).

Характеризуя нормы и ценности современного немецкого общества, необходимо отметить общественно-политические трансформации, послужившие причиной пересмотра ценностей и, как следствие, норм и правил поведения.

Прежде всего, важно подчеркнуть, что окружающий мир в целом кардинально изменился, например, в нём нет пространственной привязанности: в 2017 г. порядка 258 миллионов человек проживали не в тех государствах, в которых родились [Bevölkerung mit Migrationshintergrund]; не стало и долговечности во времени: так, к примеру, согласно статистике, показатель соотношения разводов и браков по миру вырос с 1960 года на 251,8 % [Привычка жениться. Почему россияне чемпионы мира по разводам?].

Особенностью жизни современного немецкого гражданина (особенно в крупных городах) является ещё и необходимость **толерантного взаимодействия с новым мультикультурным обществом**, приспособления к другим культурам, ср.: “*Türkische Nachbarn, polnische Altenpflegerinnen, libanesisches Autohändler, indische Kollegen, schwarzafrikanische Straßenhändler, Mitschüler/innen mit Migrationshintergrund – all dies ist heute Alltag und erfordert nicht nur ein großes Maß an beidseitiger Toleranz, sondern auch ein gegenseitiges Lernen und die Bereitschaft, sich an andere Werte, Normen und Bräuche anpassen zu wollen*” – «Турецкие соседи, польские сиделки, ливанские автоторговцы, индийские коллеги, африканские уличные торговцы, одноклассники/-цы с миграционными корнями – всё это сегодня будни, и это требует не только большой степени толерантности, но и обоюдного учения и готовности приспособливаться к другим ценностям, нормам и обычаям» (перевод мой – С. Б.) [Kübler-Jung, 2014, S. 149].

Согласно опубликованным на сайте Федерального центра гражданского образования (bpb) в сентябре 2019 г. результатам статистического исследования, каждый четвёртый житель Германии (2018 г.) имеет миграционные корни – 20,8 миллионов человек или 25,5 % населения страны [Bevölkerung mit Migrationshintergrund]. Именно негативное влияние

других культур немцы склонны считать причиной отсутствия порядка, небрежности в отношении соблюдения установленных норм и правил.

Политика дружелюбного открытого общества, расколовшая Германию на два противоборствующих лагеря, была мерой реагирования на негативное влияние демографического кризиса на рынок труда. Понятие *Willkommenskultur*, возникшее в середине первого десятилетия XXI века, обозначает желательную практику при приёме иммигрантов, особенно со стороны государства и его органов власти, создание культуры «добро пожаловать» – дискурса благожелательного отношения государства к иммигрантам, нацеленного на их интеграцию, иными словами – это способствующее интеграции толерантное отношение властей к иностранным специалистам, беженцам, лицам с миграционным прошлым.

Приемлемым вариантом перевода данного композита-неологизма можно считать описательно-разъяснительный перевод в виде примечания переводчика. Типичными левыми коокуррентами данного существительного выступают прилагательные *neu*, *echt*, *notwendig*, неопределённый артикль *eine*. Существительное чаще всего используется в коллокациях с глаголами *brauchen*, *entwickeln*, *fördern*, *schaffen*, *vermissen*, *haben*, ср.: *eine neue Willkommenskultur*; *eine echte Willkommenskultur*; *eine Willkommenskultur in Deutschland brauchen*; *die Willkommenskultur fördern*; *eine neue Willkommenskultur entwickeln*; *eine Willkommenskultur für Zuwanderer schaffen*; *von einer Willkommenskultur sprechen*.

Упомянутое выше словосочетание «миграционное прошлое» – *Migrationshintergrund* – также входит в перечень неологизмов «нулевых» и представляет собой политически корректный термин (эвфемизм) для обозначения выходцев из других стран, имеющих немецкое гражданство, немецкий паспорт. Данный эвфемизм должен был, с одной стороны, заменить лексему *Ausländer*, дифференцировать иностранцев и немецких граждан, а с другой стороны, – сохранить разделение между гражданами немецкого и иностранного происхождения. Последнее обстоятельство вызывает критику. Самым частотным левым коокуррентом данного композита является предлог *mit*, который позволяет употреблять этот неологизм с существительными-обозначениями лица: *Kind*, *Frau*, *Mensch* и т. д., ср.: *Kinder mit Migrationshintergrund*; *Jugendliche mit Migrationshintergrund*; *Frauen mit Migrationshintergrund*; *Deutsche mit Migrationshintergrund*; *Menschen mit türkischem Migrationshintergrund*; *Menschen mit arabischem Migrationshintergrund*; *Menschen mit russischem Migrationshintergrund* [Neologismenwörterbuch]. Оптимальным переводческим решением следовало бы считать словосочетание «миграционное прошлое» либо «с миграционными корнями», обозначение «миграционный фон» представляется менее информативным.

Небезынтересно, что в «десятые» годы в лексикон новых слов вошла разговорная номинация *Biodeutscher*, образованная по аналогии с лексемами (существительными и прилагательными) с приставкой Bio-, bio-, указывающей на связь с природой, естественность, натуральность продуктов, отсутствие в них искусственных добавок. *Biodeutscher* используется как в шутовом, так и негативном смыслах, ср.: (*k*)ein *Biodeutscher sein*; *Biodeutsche unter sich*; *Biodeutsche und Deutsche mit Migrationshintergrund*; *den Biodeutschen gegenüber benachteiligt sein* [Neologismenwörterbuch]. В качестве эквивалента едва ли можно использовать обозначение «био-немец», хотя аналогия с био-продуктами возникает и в сознании носителей русского языка, тем не менее, словосочетания «натуральный немец», «настоящий немец» более предпочтительны, поскольку понятны, не требуют развернутых комментариев и стилистически так же не вполне нейтральны, как и исходная лексема.

Неологизмами «нулевых» стали, кроме прочего, обозначения артефактов, вошедших в немецкую повседневную жизнь вместе с мусульманскими мигрантами: заимствованное из английского языка слово *Burkini (der)*, которое передаётся на русский язык при помощи транслитерации и с дополнительным уточнением – «мусульманский купальник», «купальник для мусульманок/мусульманских девушек»; лексемы арабского происхождения когипонимы *Hidschab/Hijab (der)*, *Nikab/Niqab (der/die)*, обозначающие разновидности одежды. Дифференциация данных обозначений, равно как и обозначаемых ими предметов гардероба не является целью настоящей работы, поэтому отметим лишь вариативный характер их структурных особенностей: вариантное произношение, написание, колебания в использовании артикля и образовании форм множественного числа (*Hidschab/Hidschabs*). Перевод данных наименований не вызывает трудностей, осуществляется посредством транслитерации и не требует дополнительного комментария.

Терминологию лингводидактики дополнили аббревиатуры *DaZ* (*Deutsch als Zweitsprache*) и *DaM* (*Deutsch als Muttersprache*). Толковый словарь Дуден фиксирует лишь первую из них, а также давно известный акроним *DaF* (*Deutsch als Fremdsprache*) [Duden]. В качестве комментария для начинающих переводчиков необходимо указать на возможность переводческих ошибок, поскольку *DaZ* можно перевести: «немецкий как второй язык» и ошибочно соотнести со вторым иностранным языком как предметом школьной или вузовской программы, в то время как эта номинация используется для обозначения ситуации изучения немецкого языка в немецкоговорящей стране для повседневного использования и касается, прежде всего, мигрантов. Акроним *DaM* появился недавно в качестве альтернативы *DaF* и *DaZ* и обозначает изучение немецкого языка как родного (не матерного!), как неверно ассоциируют студенты-

переводчики на основе значения слова Mutter = мать) с самого рождения в немецкоговорящей семье. Таким образом, оба акронима могут рассматриваться как случаи «ложных друзей переводчика».

Таким образом, для немецкой лингвокультуры характерно изменение состава участников коммуникации, пользователей языка и пополнение словарного состава новыми лексемами. Отдельного внимания заслуживают переименования, к примеру, эвфемистические наименования атрибутов традиционных христианских праздников: *Feiertagsbaum* (праздничная елка) вместо *Weihnachtsbaum* (рождественская елка), *Wintermarkt* (зимняя ярмарка) вместо *Weihnachtsmarkt* (рождественская ярмарка), *Frohes Fest* (счастливого праздника!) вместо *Frohe Weihnachten!* (счастливого Рождества!) и др.

Ещё одной особенностью современной жизни немецкого общества является активная пропаганда идеи **гендерного равенства**, которая находит свое выражение не только в судебных решениях, узаконивающих третий пол, но и в повседневной жизни, являясь результатом насаждения искусственных рекомендаций. Следуя решению Федерального Конституционного Суда Германии о «третьем» или «вариативном» поле, сайты вакансий, научных конференций, официальные документы различных ведомств должны с недавних пор предоставлять возможность указывать пользователям (например, при регистрации) третий пол, предоставлять информацию относительно трёх полов: *männlich, weiblich, divers (m, w, d)*. Научные работы, публикации в СМИ должны отражать принцип равноправия полов, а потому стремиться использовать гендерно-нейтральный официальный язык.

Предпосылками использования гендерно-нейтрального языка явилось ставшее давно привычным требование употреблять при обозначении лиц наряду с маскулитивами феминитивы. Если в 90-е гг. ещё можно было услышать или прочесть: *Liebe Studenten! Sehr geehrte Professoren! Der/die Leser/in*, то несколько лет спустя под влиянием феминистского движения предпочтительным стало употребление наименований обоих полов: *Liebe Studentinnen und Studenten!*, использование на письме заглавной буквы в суффиксе (das Binnen-I) феминитивов: *LehrerInnen, LeserInnen*.

Приверженцы языкового гендерного равноправия дают в десятые годы новые рекомендации, среди которых предложение избегать в речи именованья, указывающие на половую принадлежность, заменять их гендерно-нейтральными номинациями:

– причастиями, например, *Studierende, Lehrende, Radfahrende, Arbeitnehmende*;

– глагольными конструкциями, например, *die, die an der Konferenz teilnehmen*;

– именами собственными: *Horst Bruder und Anna Bruder*, либо

– универсальными вариантами, например, обобщёнными личными обращениями: *Familie Bruder* или, наоборот,

– безличными номинациями: *Person, Personen*.

В университетах Германии и Австрии получило распространение требование сторонников гендерно-инклюзивного языка использовать для обозначения третьего пола/всех возможных гендерных идентичностей паузы при говорении и звездочки при письме (*der Genderstar, das Gendersterchen*):

*Student*innen;*

*liebe*r Mitarbeiter*in;*

*liebe Kolleg*innen;*

*Wissenschaftler*innen,*

*der*die A*rzt*in,*

*Bäcker*innenauszubildende*r,*

*ein*e Beamt*er*in.*

Следует заметить, что подобные нововведения не всеми воспринимаются положительно: в марте 2019 г. Общество немецкого языка (Verein Deutsche Sprache) опубликовало открытое письмо, в котором авторы указывают на абсурдность рекомендаций относительно гендерно-нейтрального официального языка, высмеивают нелепые словоупотребления и подчёркивают несостоятельность идеи языкового гендерного равноправия для достижения равенства полов в обществе [см.: Буренкова, 2020, с. 27–29].

Для характеристики общественно-политических изменений следует обратить внимание на книгу современного немецкого писателя турецкого происхождения Акифа Пиринчи “Deutschland von Sinnen”, подзаголовок которой передаёт отношение автора к происходящим в немецком обществе трансформациям: “Der irre Kult um Frauen, Homosexuelle und Zuwanderer” – «Безумный культ вокруг женщин, гомосексуалистов и иммигрантов». Помимо того, что лексема *Kult* обладает семой *übertrieben* (преувеличенный): 2. b) *besondere, übertrieben sorgfältige Form des Umgangs mit einer Sache* [Duden], автор конкретизирует свою позицию посредством имеющего грубоватый оттенок определения “*irre*” – 2. a) *vom Üblichen abweichend und auf unvorhergesehene Weise ausgefallen, merkwürdig. Gebrauch* **salopp** [ebd.].

А. Пиринчи критикует привилегированное положение мигрантов, женщин, гомосексуалистов в современном немецком обществе, упрекая власти в коррупции и политике двойных стандартов, иронизируя в адрес политиков и функционеров и призывая названные группы населения быть скромнее и считаться с интересами социума [Pirinçi, 2014].

Поддерживаемая немецкими властями политика гендерного равноправия, легализация гражданских партнёрств, узаконивание в 2017 году

однополых браков – всё это внесло коррективы в традиционное понимание семьи и брака. Проведённый диахронический анализ материалов словарей немецкого языка позволяет констатировать изменения в определении понятия семьи, а именно процесс семантической генерализации или расширения значения имени концепта Familie. Если словари прежних лет издания определяли семью как общность родителей и их детей, а под «родителями» подразумевались «мама и папа» или «мужчина и женщина», то современные справочные системы немецкого языка, в частности OWID, трактует семью как «группу лиц, являющихся родственниками благодаря рождению или браку»: “*Mit Familie bezeichnet man eine Gruppe von Personen, die durch Geburt oder durch Heirat miteinander verwandt sind*” [OWID], см.: [Буренкова, 2018].

С формами совместной жизни людей, отличающимися от устоявшихся представлений о семье, связано достаточно большое количество неологизмов немецкого языка современного периода: *Homoehe*, *On-off-Beziehung*, *Regenbogenfamilie*, *Ehe für alle* (Neuphraseologismus, Lehnübersetzung aus dem Franz.), *Freundschaft plus* (Neuphraseologismus, deutscher Titel einer US-amer. Romantikkomödie) и др., они свидетельствуют о появлении в немецком обществе новых семейных форм, отражают пересмотр традиционных семейных отношений.

Regenbogenfamilie – (однополая или радужная семья) Familie mit gleichgeschlechtlichem Elternpaar – семья с однополыми родителями;

Patchworkfamilie (ugs.) – (смешанная семья) Familiengemeinschaft, in der die elterlichen Partner nach Trennung, Scheidung oder Verwitwung eines bzw. beider Partner mit gemeinsamen Kindern und/oder mit Kindern aus den jeweils früheren Verbindungen zusammen leben – семейный союз, в котором разведённые или овдовевшие, один или оба, родители-партнёры живут вместе с совместными детьми и/или детьми от прежних связей;

Latte-macchiato-Mutter – (ламме макиато-мама) Mutter, die ihren urbanen, unbeschwerten Lebensstil auch mit (Klein)kind (in der Öffentlichkeit) bewusst so weiterführen will wie vorher – мать, которая сознательно хочет вести свой прежний, светский, необременённый, образ жизни даже с маленьким ребёнком (в социуме);

Helikoptereltern/Heli-Eltern/Hubschraubereltern/Propellereltern (salopp, oft abwertend) – (родители-вертолеты) Eltern, die ihr Kind in einer Weise behüten und umsorgen, die für übertrieben gehalten wird – родители, которые опекают и окружают заботой своего ребёнка так, что это считается чрезмерным [Neologismenwörterbuch].

Как отмечалось, 2020 год с вспыхнувшей внезапно и стремительно распространяющейся коронавирусной инфекцией стал переломным моментом для пересмотра ценностей человеческого сосуществования, норм и правил общения, поведения. Немецкое общество также не стало ис-

ключением. **Пандемия** внесла коррективы в привычный уклад частной и общественной жизни, условия труда и отдыха, в занятия спортом, обучение и даже моду.

Изменения коснулись и норм общения, например, обязательного для приветствия и прощания рукопожатия, распространённого не только в мужской среде. Пожимать друг другу руки было принято и среди женщин, привычным было даже рукопожатие врач-пациент. 02 марта 2020 года газета «Коммерсантъ» писала: “La bise стал одной из последних жертв китайского коронавируса, унесшего почти 3 тыс. жизней и заразившего около 87 тыс. жизней более чем в 50 странах мира” [Наумов Алексей. Коронавирус передаётся мировым путём]. Речь идёт о традиционном французском приветственном поцелуе, от которого в конце февраля 2020 года французов призвали отказаться с целью снижения физического социального взаимодействия в рамках борьбы с коронавирусом [ebd.]. Немцы заменили рукопожатие на касание локтем – Ellenbogengruß.

Считаться с рекомендациями по нераспространению инфекции приходилось, к примеру, организаторам и участникам 42-ой ежегодной международной конференции Немецкого общества лингвистики (Deutsche Gesellschaft für Sprachwissenschaft; DGfS), проходившей 03–06 марта 2020 года в Университете Гамбурга. Выполнению требований безопасности послужило и удачное обыгрывание логотипа конференции (рис. 1, 2):

Рис. 1. Логотип 42-ой ежегодной международной конференции Немецкого общества языкознания

Рис. 2. Рекомендация организаторов конференции: Мы работаем рука об руку, но не пожимаем их друг другу

Низкие показатели смертности от коронавируса при отсутствии строгого карантина послужили поводом для публикаций в российских СМИ о «немецком чуде», о дисциплинированности немцев, «бронейбойном порядке».

Согласно опросу общественного мнения, проведённому в апреле 2020 года институтом «YouGov» по поручению Deutsche Presse-Agentur, большинство немцев выступали против послабления запрета контактов: 44 % высказывались за продление ограничений, 12 % одобряли даже их ужесточение [Deutsche sind gegen Corona-Lockerungen]. Тем не менее, в том же месяце, в частности, во время празднования Пасхи, запреты нарушались. Психологи объясняют стремление нарушать запреты как раз их наличием: чем строже запрет, тем сильнее людям не хватает того, что в настоящий момент не разрешено. Конечно же, большую роль играет социальная сущность человека [ebd.].

Значительное влияние пандемия коронавируса оказало и на язык, в том числе и немецкий, о чём свидетельствуют многочисленные новые слова, семантические преобразования существующих слов, заимствования и их производные. Помимо новых слов, материалом исследования могут стать шутки, мемы на тему коронавируса. Распространение получили мемы, высмеивающие условия жизни на самоизоляции/карантине, штрафы за нарушение коронавирусных ограничений, закрытие границ, покупки впрок и т. д. Сравните примеры (примеры здесь и далее из [Pinterest]):

Ich will mich mit keinem 2. Haushalt treffen. Der 1. nervt mich schon total. В данной шутке обыгрывается ограничение количества контактов, которое регулируется при помощи понятия Haushalt – домохозяйство: Я не хочу встречаться ни с каким вторым домохозяйством. Меня достало первое.

Meine Putzfrau arbeitet jetzt auch von zu Hause aus. Sie ruft mich an und sagt mir was zu machen ist. Шутка о домработнице, которая в условиях удалённой работы звонит и объясняет, что нужно делать по хозяйству.

Малоподвижный образ жизни на карантине является причиной появления лишнего веса, а использование меры веса в качестве ответа на вопрос времени провоцирует юмористический эффект: “*Wie lange bist du schon in Quarantäne?*” – “*10 Kilo!*” Закрытые парикмахерские салоны как факт жизни в условиях локдауна и использование контаминации лексем Naag и Quarantäne послужили основой шутливого мема HAARANTÄNE, изображающего обросшего шерстью и превратившегося в животное индивида. См. подробнее: [Буренкова, 2021; Буренкова, Панвиц, 2021].

Взросшее внимание государства и общества к проблемам экологии и особенно климата обусловило активное развитие экологического дискурса, формирование подходящего вокабуляра – ***problemgerechte Klimasprache*** или ***klimagerechte Sprache*** – язык, отвечающий проблемам кли-

мата. Перевод многих эконезологизмов требует дополнительного страноведческого комментария, поскольку переводимые лексемы не имеют эквивалентов в русском языке в силу отсутствия обозначаемых ими реалий в русской лингвокультуре, ср.:

Umweltzone – экологическая зона. Это зона с указателями в мегаполисах, где в целях снижения загрязнения воздуха разрешено движение только автомобилям с обязательной наклейкой на лобовом стекле: красного, жёлтого или зелёного цвета, означающей соответствие одному из трёх уровней чистоты выхлопа;

Feinstaubplakette – сама описанная выше экологическая наклейка. Дело в том, что с красной наклейкой проезд в экологические зоны закрыт, передвигаться свободно в городах затруднительно и с желтой наклейкой, а вот за передвижение и парковку в экологической зоне без наклейки придётся заплатить штраф в размере 100 €;

Plakettensünder – водитель, нарушающий экологические правила. Это водитель, который незаконно въезжает в экологическую зону на своём автомобиле с отсутствующей или несоответствующей экологической наклейкой. См. подробнее: [Буренкова, 2024].

Рассмотрение немецких норм и ценностей в диахроническом аспекте, анализ репрезентирующих данные сущности языковых единиц и контекстов использования позволяет сделать вывод о имеющейся динамике ключевых концептов немецкой культуры, к которым относятся *Ordnung*, *Sicherheit*, *Familie* и др. Ключевыми факторами, оказывающими влияние на немецкий язык, выступают такие современные нормы и ценности, как стремление к равноправию и разнообразию (инклюзивности), демократизация форм общения и, конечно же, события, происходящие в мире, в том числе проблемы охраны окружающей среды.

Немецкая лингвокультура, как и любая иная, подвержена влиянию общемировых процессов: глобализации, миграции, пандемии, заимствования. В то же время немецкий язык обнаруживает большое количество новообразований, возникших в силу изменения иерархии ценностей, под влиянием разных видов политкорректности. Как внешняя, так и языковая политика немецкого государства нередко вызывает неприятие со стороны общественных институтов и граждан. Очевидно, что политкорректность в разных её проявлениях: расовая, гражданская, социальная, этическая, физическая, гендерная и т. п., стала в Германии частью общественной жизни, политики, коммуникации, хотя и принимает порой гротескные формы, а некоторые новации в сфере языка противоречат сложившимся языковым и речевым нормам.

1.3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (на материале корпуса текстов «Datenbank für gesprochenes Deutsch»)

Фразеологические обороты играют значительную роль в изучении языковой картины мира. Понятие «картина мира» служит важной доминантой в тезаурусе разных наук и является самым распространённым понятием в лингвистической научной парадигме, ориентируемой на человека, то есть является антропологическим понятием. Большую роль в формировании этого феномена играют научные труды В. фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна, Й. Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа. По определению Г. В. Колшанского, «картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закреплённое и реализованное в своеобразной материальной форме» [Колшанский, 2005, с. 15]. То, как отображается картина мира в языке, является важным направлением лингвистических исследований в области языковой концептуализации. «Языковая картина мира» – производное понятие, нашедшее отражение в разных определениях. Наиболее интересным представляется трактовка этого понятия О. А. Корниловым как «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [Корнилов, 2003, с. 112]. И от понятия «обыденное сознание» можно перейти к обиходно-бытовой речи как способу выражения специфики концептуализации базовых понятий представителями конкретных языковых сообществ. По замечанию В. Д. Девкина, «обиходная повседневная речь – самая древняя и самая основная форма существования языка... Разговорная речь – самое необходимое применение языка» [Девкин, 1979, с. 14]. Разговорная речь характеризуется непринуждённостью, спонтанностью, отсутствием строгой регламентации языковых компонентов, отсутствием связности и стройности высказываний. Устная речь является ситуативно обусловленной, несколько сниженной, стихийной. Важно также подчеркнуть, что разговорность не нужно противопоставлять системности, так как, по справедливому замечанию В. Д. Девкина, «в разговорной сфере живёт своей полной жизнью строй языка с сохранением его основ и передачей их от поколения к поколению, а также с их непрерывным обновлением и совершенствованием» [Девкин, 1979, с. 12]. В настоящем исследовании функционирования темпоральных фразеологизмов в немецкой устной речи мы исходили из тезиса о том, что разговорное существует только с опорой на нейтральное.

Во фразеологическом фонде любого языка важную роль играют темпоральные фразеологизмы, так как категория времени служит важным показателем темпа жизни, ритма деятельности. Учёных всегда интересовал вопрос, как протекает процесс концептуализации и категоризации

представлений о времени в языке. Время понимается по-разному. Оно абстрактно, но может течь циклично или линейно. В любом случае оно исключительно важно для человека, поэтому категория времени наряду с категорией пространства играет ключевую роль в трактовке картины мира любого народа. Так, в Словаре русской ментальности даётся следующее определение времени: «Время – это условная мера движения и изменения бытия с точкой отсчёта от прошлого к будущему через момент настоящего как постоянно наступающего. Три ипостаси времени как выражение вечности, причины действий и событий сгущают или разрежают времена в цикличности их повторений» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, с. 138]. А немецкий философ М. Хайдеггер рассматривает время в преломлении к понятию «бытие». Он говорит о том, что бытие и время имеют место только в событии и выстраивает временную ось: «В “потом” озабочение выговаривается ожидая, в “тогда” удерживая и в “теперь” актуализируя. В “потом” лежит большей частью невыраженно “теперь ещё нет”... “Тогда” таит в себе “теперь уже нет”. С ним выговаривает себя удержание как ожидающая актуализация. “Потом” и “тогда” оба понимаются в виду “теперь”... Правда, она временит всегда в единстве с ожиданием и удержанием, будь они и модифицированы в неожиданное забывание, в каком-то модусе временности увязает в настоящем, которое актуализируя говорит преимущественно “теперь-теперь”... Горизонт удержания, выговаривающегося в “тогда”, – “раньше”, для “потом” – “позже” (“в будущем”), для всех “теперь” – “сегодня»» [Хайдеггер, 2003, с. 201]. Исходя из философских концепций, можно найти объяснение существованию в немецком языке огромного количества лексических показателей времени. А в английском языке время детально структурировано наличием большого количества временных форм глагола. Пласт временной фразеологии представляется исключительно интересным, если необходимо понять механизм концептуализации действительности в сознании носителей определённого языка. И огромную роль здесь играет лексикографическая практика. Как справедливо замечал В. Д. Девкин, «словарь – это приём, метод, способ, средство познания языкового явления. Всё не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятым, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обозримость, комплексность и системность рассмотрения» [Девкин, 2005, с. 17]. Огромную пользу для достижения системности и полноты исследований приносят корпуса текстов. Корпусный анализ «открывает эмпирический доступ к языковому знанию» [Steyer, 2002, с. 218] и позволяет описать словоупотребление в совершенно новом измерении [Steyer, 2003, с. 45].

Корпусные методы дают возможность разрабатывать словари, которые ориентируются на актуальное функционирование языка. Тем более это актуально при анализе устной разговорной речи. Важно упомянуть

также мнение Д. О. Добровольского, который подчёркивал: «Преимущества использования корпусов состоят не только в более подробной и продуманной экзemplификации описываемых выражений, но и в тех дополнительных возможностях, которые корпусный материал предоставляет для формирования словаря и построения словарной статьи» [Добровольский, 2013, с. 575].

У каждого народа есть свой «язык времени». Стремление носителей немецкого языка к жёсткому соблюдению договоренностей, к планированию действий, распределение выполнения одного дела в определённый промежуток времени служат проявлением понимания времени как однонаправленного, одномерного, необратимого процесса. Время движется непрерывно. Каждое его проявление уникально. И это нашло своё отражение во фразеологии немецкого языка: «zur festgesetzten Stunde», «zur rechten Zeit kommen», «Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen». Немцы нацелены на настоящее и будущее: «eine lichtvolle Zukunft vor sich haben», «unverzagt in die Zukunft blicken». Необходимо также отметить, что в основе семантики темпоральных фразеологизмов лежит фразеологический образ. «Фразеологический образ как один из компонентов плана содержания является основным «хранителем» национальной специфики фразеологизма» [Бирих, Мокиенко, 2001, с. 23].

Временные фразеологизмы, являясь частью лексико-семантического поля темпоральности, располагаются в рамках различных идеографических групп внутри сложного конструкта, который можно изобразить в виде схем, включающих микрополя «Безотносительное время» и «Относительное время» [Терехова, 2023, с. 209].

Анализ, опирающийся на идеографическую классификацию, ориентируется на смысловую наполненность систематизации слов и устойчивых языковых комплексов и позволяет выявить и описать значения временных фразеологизмов более подробно. Настоящее исследование базировалось на примерах, отобранных методом сплошной выборки фразеологизмов с темпоральным значением из словаря «Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik» и корпуса устных текстов «Архива устного немецкого языка» и устного подкорпуса FOLK для исследовательских и учебных целей.

В результате проведённого исследования из общего числа темпоральных фразеологизмов, встретившихся при работе с корпусом устных текстов, были выделены по количеству конститuentов три основные идеографические группы. Наиболее многочисленными оказались из ближней периферии «Скорость совершения действия» тематическая группа «Быстро», из дальней периферии «Неограниченная длительность» – тематическая группа «Всегда» (микрополе «Безотносительное время») и тематическая группа «Конец действия» из ядра «Общие обозначения

временного порядка) (микрополе «Относительное время»). Примеры приводятся по транскриптам корпуса с сохранением написания.

- **Скорость совершения действия – быстро:**

«<...>aber dat stellen wir auch uns mit unserm projekt her fest äh die leute sind unwahrscheinlich intressiert an ihrer heimat ihrer sprache h und so weiter un fort dat läuft ja wie hh wie warme **semmeln** ne<...>» – **wie warme Semmeln** – *очень быстро, нарасхват*

«<...>und es hängt jetzt eigentlich nur an der zustimmung der grünen damit wir endlich mal h ähm ((Sprechansatz)) sozusagen **tempo** in die sache kriegen<...>» – **nun aber Tempo!** – *быстро! быстрее!*

«<...>wir ham eigentlich schön verdient aber hm (.) dat geld war ja nix hh we ma dann an land kommt dann is da **ruck zuck** wieder weg<...>» – **ruck zuck** – *в мгновение ока*

- **Неограниченная длительность – всегда:**

«<...>ich isch jetz is auch (.) äh is noch nich angefangen **dauert ne ewigkeit** <...>» – **das dauert ja eine Ewigkeit!** (разг.) – *это длится целую вечность*

«<...>das sehen wir auch hier in dieser aus äh dieser anhörung h ähm (.) dass das sozusagen **für alle zeiten** festgeschrieben wär h das verfassungsgericht ändert beständig<...>» – **für alle Zeit/Zeiten** (разг.) *навсегда*

«<...>hat er auch **alle naselang** irgende ne anzeige antrag auf kontaktverbot okay<...>» – **alle naselang** (разг.) – *беспрестанно*

- **Общие обозначения временного порядка – конец действия:**

«<...>schmecken escht gut die pilze auf jeden fall des **end vom lied** war dass ich die mal gegoogelt hab die gude frau<...>» – **das Ende von Lied** (разг.) – *конец, исход дела*

«<...>du musst nicht mal mei mein studium finanzieren h denn das hab ich ein für allemal h **an den nagel gehämmt**<...>» – **etwas an den Nagel hängen** (разг.) – *отложить в сторону, прекратить/завершить какую-либо работу*

«<...>hab ja nich gesagt die **kommen zum schluss** ► für ande]re die [kommen zum ◀ schluss für mich] <...>» – **zum Schluss kommen** – *завершить*

«<...>und ich hab noch gute erinnerungen die h äh d äh d wir wissen ja nich mehr wie lang wir leben un[d wir müssen sehn dass wir das] **unter dach und fach kriegen** h und das versuchen wir jetzt h und äh das beschäftigt mich natürlich sehr <...>» – **etwas unter Dach und Fach kriegen / bringen** – *устроить, закончить какое-либо дело*

Распределение конститuentов по тематическим группам представлено на рисунке 3. Преобладание в разговорной речи фразеологических единиц из данных идеографических групп свидетельствует о необходимости

для носителей языка не просто донести информацию, а выразить своё эмоциональное отношение к фактам действительности, нашедшим отражение в языке. Стремление к порядку, к получению конкретных результатов деятельности находит отражение наряду с философским осмыслением действительности (бесконечность, однонаправленность, необратимость времени).

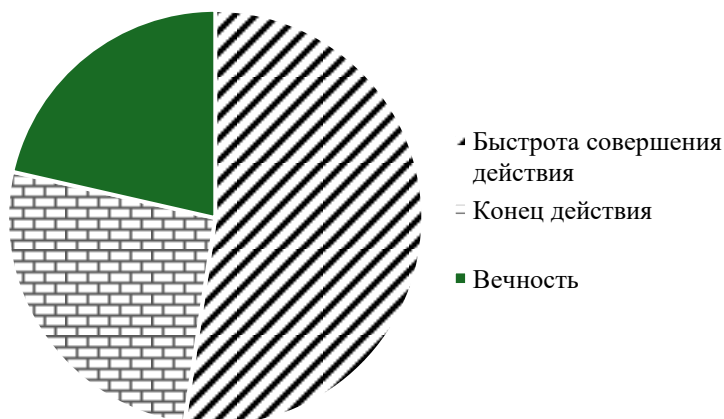

Рис. 3. Темпоральные фразеологизмы в разговорной речи

Социальная природа понятия «время» объясняет его межкультурную и социальную составляющую, а также национально-культурную специфику, которая напрямую связана с лингвистическим выражением времени, и проявляется в языковом континууме и концептуальном кодировании всех сфер жизни языкового коллектива. Темпоральные фразеологизмы, употребляемые в немецкой разговорной речи, подтверждают философский постулат: время – это жизнь.

1.4. НЕМЕЦКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ПРОЗРАЧНОСТЬ И КУРЬЁЗНОСТЬ

Окружающий человека мир находится в постоянном движении. Процесс этого движения то стремительно ускоряется, то сбавляет свой темп. Всё, что происходит в мире: явления, процессы, предметы – требует наименования. Исходя из того, что количество словообразовательных морфем в языке ограничено, усиливается потенциал словообразования. Словообразование в немецком языке остаётся, несмотря на стремительное проникновение в словарный состав заимствованных единиц, основным способом пополнения языкового фонда.

Непреходящий интерес лингвистов к словообразованию вполне объясним с позиций современных исследований в области языкознания, носящих антропоцентрический характер. Изучение процессов словообразования в любых его проявлениях вносит значительный вклад в процесс познания человека как субъекта коммуникативной деятельности и через него – в познание окружающего мира, увиденного глазами представителя той или иной культуры.

История немецкого языка показывает, что словообразовательная система, начиная с ранних периодов его становления и развития, представляет разветвлённую сеть словообразовательных способов и многочисленных моделей. Внешне данная система представляется ясной и прозрачной: сложение слов, префиксация, суффиксация, добавление умлаутов, конверсия и т. п. А внутри самой системы немецкого словообразования можно обнаружить множество интригующих моментов: многозначность словообразовательных элементов, аффиксоцентричность и основоцентричность, идиоматичность корневых морфем, маргинальность и т. д.

Таким образом, немецкое словообразование представляет собой, пожалуй, самое уникальное и самое курьёзное явление среди европейских языков. Словообразовательные модели немецкого языка являются настолько продуктивными и гибкими, что они всегда будут инспирировать как носителей языка, так и иностранцев, его изучающих, на словотворчество, а лингвистов – побуждать к исследованию их феномена и поиску определённых закономерностей.

Актуальность предпринятого исследования заключается в том, что всё происходившее и происходящее в мире, отображается в любом языке (в нашем случае – в немецком языке) и, что лексический уровень языка, как правило, своевременно реагирует на многие локальные или глобальные явления, непосредственно или косвенно влияющие на целостную картину мира. Но порой одно и то же понятие или явление по-разному воспринимается носителем языка и иностранцем, его изучающим и, соответственно, по-разному отображается в их сознании.

Говоря о немецком языке, стоит отметить, что обогащение его лексического состава происходит во многом при помощи собственных языковых ресурсов. Автохтонные (исконно немецкие) словообразовательные элементы составляют основу образования новых лексических единиц. Например, *Entscholz* – так характеризовали немецкие СМИ канцлера О. Шольца в конце его правления. В данном сложном слове ведущая роль принадлежит префиксу *ent-*.

Что же такое словообразование в целом и в чём особенность словообразовательной системы немецкого языка? О многогранности понятия

словообразования свидетельствуют его многочисленные определения. Наиболее ёмкими, на наш взгляд, являются два ниже приведённых.

Словообразование –

1. Раздел языкознания, изучающий структуру слов и законы их образования.

2. Образование новых слов путём соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем либо безаффиксным способом по определённым моделям, существующим в данном языке [Розенталь, Теленкова, 2000, с. 474].

Der Terminus Wortbildung bezeichnet aber nicht nur ein grammatisches Teilgebiet als Ganzes, sondern gleichlautend auch das einzelne gebildete Lexem [Fleischer, Barz, 2010, с. 2].

Проблемы немецкого словообразования исследовали как немецкие, так и отечественные учёные-германисты (В. Фляйшер, И. Барц, У. Телленбах, У. Пюшель, Й. Эрбен, Г. Вельманн, М. Д. Степанова, Л. А. Нефедова и др.). Вопросы разговорного словообразования отражены в исследованиях выдающегося учёного-германиста В. Д. Девкина.

Словообразование принадлежит к перспективным направлениям описания строя современного немецкого языка. Нельзя отрицать ни непосредственную связь словообразования со структурой и семантикой слова, ни то, что оно соотносимо с грамматическими категориями и парадигмами частей речи, а также с синтаксисом, поскольку составные части основы слова сочетаются друг с другом согласно закономерностям, частично сходным с закономерностями соединения слов в предложении. Однако словообразование обладает собственными, только ему присущими чертами. Обобщённые и абстрагированные законы словообразования отличаются от грамматических закономерностей и в качественном и количественном отношении. Если грамматические закономерности более абстрактны и обобщают отношения между предметами и явлениями реальной действительности (отношения лица, числа, времени, модальности и др.), то словообразовательные категории имеют широкое лексико-семантическое содержание. Число словообразовательных средств значительно превышает число грамматических средств, а их многозначность и синонимия отличаются большей сложностью и разветвлённостью. Словообразование обобщает ряд лексических явлений, создаёт определённые лексические системы и в то же время вносит в лексику своеобразную индивидуализацию значений.

Следует отметить, что подходы к данному языковому явлению у учёных-германистов разные. Немецкие германисты рассматривают словообразование в рамках грамматики, отечественные же в рамках лексикологии. Причина, вероятно, в том, что типы словообразовательных моделей в немецком языке довольно разнообразны и ориентированы прежде все-

го, как нам представляется, на структуру лексической единицы. Немецкому словообразованию присуще многообразие словообразовательных моделей и широкий диапазон словообразовательных средств (большинство из которых обладают многозначностью). В отношении коллоквиального словообразования наиболее полно описаны специфические для разговорной речи словообразовательные морфемы и типы (каламбурное словообразование, контаминация, обратное словообразования и др.). Но разговорное словообразование не ограничивается выше указанными способами. Оно заимствует из книжной, научной, деловой речи различные словообразовательные элементы и средства модификации значений. При этом производящая основа часто стилистически нейтральна (*dünn – sich, verdünnisieren umg*). Это тот случай, когда ни аффикс, ни производящая основа, а сам факт образования нового слова придаёт «разговорность» производному слову, некую закодированность значения. Это и будет взгляд на немецкую систему словообразования изнутри. В настоящее время разговорная речь массово используется представителями всех слоев общества для решения самых разнообразных коммуникативных задач. Носитель языка ежедневно участвует в коммуникации в разных сферах и ситуациях и при этом без труда переключается на соответствующий способ выражения своих мыслей или на стиль речи. Это приводит к уподоблению, переносу особенностей одной сферы коммуникации на другую. Таким образом, возникают переходные зоны, размывающие границы между языковыми средствами разной субязыковой отнесённости.

Традиционно считается, что производные единицы мотивированы, т. е. они прозрачны для выведения значения. Обобщённое лексико-категориальное значение словообразовательного элемента в каждом конкретном случае вместе со значением производящей основы создаёт семантическую мотивированность производного слова, которая в большей или меньшей степени поясняет его значение [Степанова, 1979, с. 46]. Так, глагол *verkaufen* мотивирован семантикой приставки *ver-*, придающей глаголу значение «удаления», и семантикой глагола *kaufen*. Для установления между словами отношений словообразовательной мотивации, необходимо, чтобы они обладали и одновременно общими элементами в значении и форме. Словообразовательная мотивированность – это синхроническая выводимость, формальная и семантическая, мотивированного слова и мотивирующего [Белошাপкова, 1989, с. 133]. Общность только формы (*wollen – Wolle*) или только значения (*heilen – Arzt*) не даёт права для установления отношений мотивации.

Известнейший немецкий дериватолог В. Фляйшер выделяет мотивированные словообразовательные конструкции в широком смысле слова, к которым он относит так называемые регулярные конструкции, то есть в узком смысле – мотивированные (морфолого-семантические, типа

Kennerblick) и нерегулярные, то есть в широком смысле – мотивированные (идиоматичные, мотивированные только внешне, структурно, типа Augenblick). Им он противопоставляет слова, которые не мотивированы в широком смысле, то есть полностью немотивированные [Fleischer, 1984, с. 52]. В нерегулярных конструкциях ещё можно распознать элементы, из которых они состоят, и семантическая связь между производной и производящей основой больше не ощущается. К регулярным производным относятся и слова, возникшие в результате вторичной мотивации, сущность которой состоит в том, что слово (или его часть), которое по каким-либо причинам непонятно, переосмысливается или формально преобразуется на основе его сходства с другими словами. Так, глагол *hantieren* (*sich mit etw. beschäftigen*) имеет этимологическое родство не с существительным *Hand*, а с заимствованным глаголом *hanten*, и на самом деле означает «*k-j-n besuchen*». Но с точки зрения синхронии он может соотноситься с *Hand* как формально, так и семантически.

С семантической точки зрения среди регулярных словообразовательных конструкций можно выделить две группы:

1) слова, значение которых полностью складывается из значений их составных частей. Такие слова часто называют «прозрачно-мотивированными». При этом под прозрачной мотивированностью понимают воспринимаемую носителями языка определённую формальную и семантическую зависимость одного слова от другого или других. В этой своей зависимости «прозрачное слово» само говорит о том, что под ним подразумевается. Это «говорящее слово» [Gaugner, 1971, с. 14];

2) слова, значения которых основываются на значениях их составных частей, но вместе с тем не является простой их суммой [Белошапкова, 1981, с. 190].

Различие в семантике слов второй группы не связано с их строением. Эту часть семантики нельзя вывести из состава слова. Её нужно знать. Как отмечают И. Барц и М. Шрёдер, непосредственно составляющие, с одной стороны, следует рассматривать как мотивирующие составные части, которые лежат в основе общего значения словообразовательной конструкции, делают её прозрачной. С другой стороны, значение словообразовательной конструкции охватывается не в полной мере значениями её непосредственно составляющих. Словообразовательные конструкции образуются таким образом, что непосредственно составляющие называют лишь понятийные признаки. Компетентный говорящий знает лексические значения непосредственно составляющих и закономерности их соединения в одно целое. Повседневный опыт помогает ему распознать бинарную структуру слова, отношения между непосредственно-составляющими, выделить нужное значение многозначного аффикса или многозначной основы. Таким образом, обеспечивается первое понимание

значения словообразовательной конструкции даже тогда, когда само понятие ещё неизвестно. Количественный и качественный уровень знания понятий и явлений общественной практики детерминирован социально, только частично одинаков от говорящего к говорящему [Barz, Schröder, 1983, с. 7].

В процессе развития языка семантические связи производных и производящих слов обогащаются, расширяются, а могут и ослабляться, и разрываться. Словообразовательные конструкции, имея в качестве номинативных единиц тенденцию к тому, чтобы стать составной частью словарного состава, развивают семантические и/или фонологические особенности, которые могут привести к их изоляции от составляющих компонентов и/или от словообразовательной модели, по которой они некогда были образованы. Этот феномен называют лексикализацией, идиоматизацией или демотивацией.

Таким образом, в некоторых случаях существующее в настоящее время значение словообразовательной конструкции больше не может быть выведено из значений её составляющих, хотя некоторые признаки в нём сохранились. Полная идиоматизация наступает тогда, когда в структуре наименования не отражено отношение к признакам обозначаемого предмета. Здесь речь идёт о выше упомянутых нерегулярных конструкциях, т. е. морфолого-семантически немотивированных. В. Фляйшер указывает на то, что «полярность между мотивацией и идиоматизацией определяет развитие и применение всех морфемных конструкций. Между обоими полюсами однозначной и полной морфолого-семантической мотивацией с одной стороны, и полной идиоматизацией с другой, имеют место постепенные переходы [Fleischer, 1971, с. 73]. У. Пюшель проводит грань между полностью мотивированными и полностью демотивированными словами, словообразовательными конструкциями, композитами и лексемами, выделяя при этом шесть степеней частичной мотивированности. При этом рассматривается мотивированность, ориентированная как на содержание, так и на форму [Püschel, 1978, с. 164].

В ходе проведённого исследования методом сплошной выборки из лексикографических источников было отобрано более ста примеров, показывающие различную степень идиоматичности. Из-за того, что грань между различными степенями мотивированности очень тонкая, отобранные примеры были классифицированы по тематическим группам:

1. Bezeichnungen der Flora und Fauna: der Löwenzahn, das Rotkehlchen, der Sanddorn, der Schneeball, das Stiefmütterchen, die Eierfrucht, der Faulbaum, der Gänseadler, die Meerkatze.

2. Bezeichnungen des Äußeren, des Verhaltens: der Katzenkopf, der Dunkelmann, der Augendiener, der Bärenhunger, das Milchgesicht, der Schweineigel.

3. Zusammensetzungen mit der temporalen Bedeutung: der Aprilglück, der Brachmonat, der Donnerstag, der Freitag.

4. Bezeichnungen der Militärlexik: der Amphibienkraftwagen, der Dreimaster, das Feldzeichen, der Düsenjäger.

5. Bezeichnungen für Stoffe und Flüssigkeiten: die Glasasche, das Blattgrün, die Blaupause, das Fettauage, das Feuerwasser.

Внутри каждой выше указанной группы можно попытаться выделить более и менее мотивированные образования.

Справедливо утверждение В. Ульриха, что уже в момент возникновения комплексного слова дополнительные смысловые компоненты, наслаивающиеся на значения морфем, могут быть настолько многозначительными, что конструкция отчётливо дистанцируется от входящих в неё компонентов. Во всяком случае, имеются разнообразные переходы между семантически тотально мотивированными, частично мотивированными и немотивированными образованиями [Ульрих, 1972, с. 285]. Немецкий германист Б. Науманн акцентирует внимание на то, что если даже принять деление словообразовательных конструкций на три вида (мотивированные, частично мотивированные, немотивированные), то полностью мотивированных слов окажется очень мало. Преобладающее большинство сложных и производных слов является либо частично мотивированными, либо немотивированными [Науманн, 1986, с. 38–39].

С градацией мотивированности связаны определённые трудности, возникающие при классификации производных слов. Не всегда однозначно можно определить, является ли слово регулярной или нерегулярной словообразовательной конструкцией. Поэтому уместно последовать совету В. Фляйшера и в сомнительных случаях решить в пользу идиоматичной единицы [Fleischer, 1971, S. 52]. Абсолютно нет сомнения в том, «что степень идиоматичности обратно пропорциональна степени мотивированности; чем слабее мотивирована лексическая единица, тем сильнее её идиоматичность [Голев, 1983, с. 158].

Важно отметить и тот факт, что понятие «мотивированность» содержит указание и на принадлежность базового слова или словосочетания к той или иной части речи и семантической группе. Оно работает на собственно словообразовательную характеристику слова. Понятие «внутренней формы» вскрывает характер (природу) наименования, которым является слово, оно работает на ономастологический аспект слова [Ермакова, Земская, 1985, с. 518].

Внутренняя форма слова – важнейшая черта производных слов. Понятие «внутренней формы» слова было введено В. Гумбольдтом. Слово не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, эквивалент того, как он осмыслен речетворческим актом в момент изобретения слова [Гумбольдт, 1984, с. 103]. Теория внутренней формы слова нашла своё про-

должение в трудах выдающегося учёного-германиста В. Д. Девкина. Учёный отмечает, что номинация строится на основе одного признака (реже двух-трёх). «Выбор признака даёт мотивированность слову, что своеобразно объясняет, почему что-то названо именно таким образом» [Девкин, 1979, с. 254]. Вместе с тем, автор указывает на условный характер мотивирующего признака и предостерегает от фетишизации «внутренней формы» со стороны словообразования.

Мотивировочный признак может быть существенным, броским. Нестранно в различных языках имеется одинаковый набор признаков, по которым названы предметы какого-либо одного тематического ряда. Так, например, растения обычно называют по цвету, форме, вкусу, по месту произрастания, по их функции. Но этот признак может быть и второстепенным, совершенно случайным. Это объясняется тем, что «главное назначение внутренней формы в том, чтобы возникла “метка”, чтобы было за что зацепиться памяти... Одним из самых удивительных качеств внутренней формы следует считать то, что ей могут быть присущи два противоречивых свойства – в одних словах возможность выражать часть денотативного значения и асемантичность в других, проявляющуюся в зачёркивании семантики морфемы, несмотря на её видимость знаменательности <...>. В этой двойственной природе внутренней формы заложены большие возможности вольного обращения со словом. Необязательность осмысленности и логичности внутренней формы приводит к тому, что от неё вообще отказываются, заменяют её чем попало и идут даже на то, чтобы создавать номинацию не на содержательной смысловой базе, а чисто формально, например, на базе звукового подобия» [Девкин, 1990, с. 103–106].

Чтобы можно было считать слово морфолого-семантически мотивированным, мотивировочный признак должен выполнять два условия:

1) он должен находиться в непосредственной связи со значением слова, должен выражать признаки, которые входят в структуру признаков лексического значения;

2) он должен быть осознан носителями языка [Schippan, 1984, с. 95–96].

В словосложении (в самом распространённом способе немецкого словообразования) различаются слова с «прозрачной» (Schreibtisch, Bücherschrank, Tagesablauf, Fensterbrett, Stundenplan) структурой и «затемненной» (Meerkatze, Ohrfeige, Schneeball, Nachtschatten) структурой. И в первой группе, казалось бы, всё ясно, но возникает вопрос, почему das Fensterbrett (Fenster + Brett) и (Tag + es + Ablauf)? Вероятно, это связано с семантико-грамматическими связями компонентов, входящих в состав сложного слова. Отсюда следует, что данный подвид, а именно атрибутивный, подразделяется на echte (подлинные, настоящие) и unechte (с добавлением интерфикса).

Особый интерес представляют идиоматичные композиты (сложные слова), композиты с закодированным смыслом, и неправильная их расшифровка может привести к курьёзным ситуациям в процессе общения представителей разных языков и культур. В данном случае актуально высказывание известного немецкого лексиколога Т. Шиппан о том, что «мотивирующий признак может облегчить доступ к значению слова, но может также и осложнять его. Выбор мотивации в различной степени отражается на коммуникативной и когнитивной деятельности. Он может быть направляющим, вводящим в заблуждение, эвфемистическим; препятствовать познанию, вызывая неверные ассоциации» [Schippa, 2002, с. 123]. Например, Eisbein (Eis – лед, Bein – нога) – это не ледяная нога, а известное во всём мире блюдо немецкой кухни – свиная рулька; Ohrfeige (Ohr – ухо, Feige – инжир) – это не сорт инжира, а пощечина, оплеуха. В чём же здесь причина идиоматичности? Прежде всего – это метафорический перенос значения и далее процесс прироста смысла значения. Eisbein в прямом значении употреблялся в немецком языке как примитивно изготовленные крестьянами для своих детей коньки на основе свиной кости. Ohrfeige представляет собой метафорический перенос на основе схожести цвета плода инжира с покраснением, появляющимся на щеке человека, после нанесения удара. Мы совершенно согласны с утверждением А. Н. Кузнецова, о том, что многозначность, изменения в семантической структуре слов и других языковых единиц, вызванные лингвистическими и экстралингвистическими факторами развития языка, всегда находились в центре внимания лингвистов [Кузнецов, 2009, с. 3–4].

Следует обратить внимание и на наличие в составе многих сложных слов немецкого языка компонентов с именем собственным: der Adamsapfel, der Kassandrарuf, der Peterpfennig, die Hiobsbotschaft, die Rolandsäule, der Marientag. Данные слова отсылают нас к определённым сферам познания и, чтобы узнать их истинное значение, нам следует обратиться к источникам, поясняющим их смысл. Некая закодированность значения наблюдается и в новообразованиях эпохи пандемии коронавируса: Corona-Ampel (светофор коронавируса), Corona-Flut (поток, наплыв заболеваний), Corona-Welle (волна коронавируса) и др.

Уместно добавить, что многие впервые обратили внимание на многозначность слова corona, как имени собственного, так и имени нарицательного. А западногерманский город Аахен, где хранятся мощи святой Короны, стал местом паломничества и обращением к святой как заступнице от напасти ковидного заболевания.

В период пандемии были обнаружены новые значения слова «корона» в немецком языке, а именно Virus (вирус), Virus-Erkrankung (вирусное заболевание). Большинство слов, связанных с Covid-19, относятся к сложно-составным словарным единицам немецкого языка, подтверждая этим тот

факт, что именно словосложение (*Zusammensetzung*) остаётся по-прежнему основным способом образования новых слов в немецком языке, например: *die Distanzschlange*; *das Hygienekonzept*; *das Spuckschild*. В смысловом содержании сложносоставных слов следует отметить следующие направленности: каузальную (*Corona-Infizierter*, *Corona-Krise*), локальную (*Gefahrenzone*, *Korona-Impfstelle*), темпоральную (*Corona-Winter*), процессуальную (*Corona-Ausbruch*). Особую группу составляют сложносоставные лексемы с метафорическим, переносным значением: *Corona-Ampel* (светофор коронавируса), *Corona-Flut* (поток, наплыв заболеваний), *Corona-Welle* (волна коронавируса). Анализ отобранного практического материала показал и примеры нелогичных новообразований, например: *Corona-Bürgerfest*, а также слова, значение которых понимается, только исходя из контекста (контекстуальное значение) (*Corona-Fahrt=Coronapatientenfahrt eines Krankenwagens*). В данном случае новообразование представлено в усечённой форме. Здесь прослеживается тенденции к языковой экономии (*Sprachökonomie*). Отсюда следует, что новообразования, возникшие во время пандемии коронавируса, имеют свои особенности и вызывают в ряде случаев определённые затруднения в понимании. *Corona-Sondervermögen*, *Corona-Corona-Überbrückungshilfe* и некоторые другие лексемы представляют интерес с точки зрения анализа структуры второй непосредственно-составляющей, которая сама уже является сложным словом. В данном случае можно утверждать о многокомпонентном составе слова (*Dekompositum*).

Пополнение словарного состава немецкого языка посредством новообразований, отражающих общественное явление Covid-19, поставило и проблему перед немецкой орфографией, а именно широкое использование дефиса при образовании новых лексем. Примерами таких композит, связанных с коронавирусом, могут являться следующие слова: *die Corona-Fälle*; *die Corona-Mutante*; *die Corona-Verordnung*; *die Corona-Party*; *die Corona-Hysterie*; *der Corona-Sommer*; *Zoom-Party*; *corona-frei*; *Corona-App*.

Отдельно стоит выделить такую группу неологизмов, как контаминированные слова. Такие слова образуются посредством структурно-семантической конгломерации частей двух или более слов: *Munaske* (*Mund+Maske*); *Covidiot* (*Covid+Idiot*); *Infodemie* (*Information+Pandemie*). Данные новообразования типичны для разговорной речи, обладают определённым юмористическим эффектом, придавая коммуникации оттенок неформальности, образности, шутливости.

Заслуживает внимания и интерпретация следующих примеров, соединяющих немецкое словосложение и процесс межкультурной коммуникации: *Labskaus*, *Saumagen*, *Bratwurst*, *Zwetschenkuchen* и т. п. *Saumagen* – эта лексическая единица с прозрачной внутренней формой, но она стала

известной во всём мире не только благодаря своей прозрачной словообразовательной структуре, но ещё и тем, что это блюдо было любимым лакомством федерального канцлера Германии Гельмута Коля. Значение Bratwurst тоже мотивировано (braten – жарить, Wurst – колбаса), но в сознании представителя немецкоязычной культуры, это будет Thüringer Bratwurst и это важно учитывать в процессе межкультурной коммуникации. А вот название сливового пирога Zwetschenkuchen имеет в своём составе территориально окрашенный компонент, который употребителен в определённых частях Германии. Но для всех немцев значение слова понятно, так как это кулинарный продукт, известный в стране. Для иностранца, несмотря на прозрачную структуру, он будет непонятен, потому что первый частотный компонент имеет территориальную окрашенность. Таким образом, композиты с прозрачной для носителей языка формой могут вызывать трудности понимания у представителей иной культуры. Это – слова, значение которых основывается на значениях их составных частей, но вместе с тем не является простой их суммой.

«Курьёзность» немецкого словообразования проявляется в полной мере в лексических единицах с «затемнённой» внутренней формой слова. Именно многие композиты, обладающие идиоматичным значением, приводят к разнообразным курьёзным ситуациям в процессе межкультурной коммуникации. Такие слова, как der Schweineigel (подлец), der Schneeball (цветущий куст калины), die Meerkatze (мартышка), der Sanddorn (облепиха) и др. не являются суммой значений их непосредственно составляющих. Значение данных лексических единиц нужно просто знать, чтобы избежать непонимания при общении с представителем не только немецкоговорящих стран, но и представителями другого языка, иной культуры, и для того, чтобы коммуникация состоялась. Приведём ряд примеров. Maronenpilz имеет «затемнённую» внутреннюю форму, и, если не учитывать этот факт, то можно пойти по ложному пути и понять его значение как каштановый гриб, а на самом деле это польский гриб, хотя в самом наименовании отсутствует указатель на Польшу. Идиоматичны и названия других грибов из тематически отобранной лексики – Steinpilz, Herbstpilz, Trompetepilz.

В отношении другого распространённого способа немецкой словообразовательной системы, а именно образования слов с помощью префиксов и суффиксов, следует отметить два основных подхода. Это две основных модели: осново-центрическая модель и аффиксо-центрическая модель. Осново-центрическая модель проста и не приводит к непониманию при общении (sprechen – besprechen, entsprechen, versprechen). Добавление префикса к основе уточняет и расширяет её значение. В качестве префиксальных элементов, образованных по осново-центрической модели, выступают как префиксы, так и префиксоиды (durch-, hinter-,

unter-, vor-, über- usw). Аффиксо-центрическая модель представляет собой несколько иную комбинацию входящих в её состав непосредственно-составляющих. Например, *stehen*–*verstehen* указывает на то, что в данном слове основную функцию в определении его значения выполняет не производящая основа, а первый частотный компонент – префикс *ver-*. Уместно отметить утверждение В. Г. Гака о функции первого частотного компонента. Функцию, при которой первый компонент является выразителем основного действия, основного родового понятия, следует назвать «архисемной», исходя из понимания учёным «архисемы» как общей семы родового значения [Гак, 1971, с. 81]. Первые частотные компоненты, присоединяясь к производящим основам, семантически с ними не совместимыми, несут основное значение, становясь при этом маркерами основных действий, а производящие основы представляют характеристику этих действий. Это есть обменный процесс базиса и признака, и именно в качестве базиса выступает первый частотный компонент, а в качестве ономаσεологического признака выступает основа. Итак, аффиксо-центрическая модель – это модель, изменяющая опорные компоненты в лексико-категориальном плане, в результате её реализации значение опорного слова приобретает принципиально иное значение [Руфьева, 1980, с. 6]. По данной модели построены многие разговорно-окрашенные глаголы, это типичная модель образования глагольных единиц, характеризующихся конденсированностью смысла. Это происходит за счёт неожиданного прироста смысла, вытекающего из семантики составляющих компонентов, и возникает он в результате «перестановки базиса и признака». Данное явление широко представлено в немецких коллоквиальных глаголах. Например, у глагола *auffliegen* «сорваться, провалиться» за счёт того, что его основа переосмыслена, полупрефиксу *auf-* принадлежит основная роль в определении значения слова.

Таким образом, рассмотрев два основных способа словообразования современного немецкого языка, можно констатировать, что их изучение изнутри представляет собой анализ не только вида их соединения, но и является аллюзивной отсылкой к истории немецкого языка и к основным разделам германского языкознания, что и подтверждает актуальность предпринятого исследования и свидетельствует о перспективности исследования словообразовательной системы современного немецкого языка.

Следует отметить, что процесс идиоматизации слова как отражение тенденции к произвольности языкового знака состоит в развитии значения лексической единицы по пути накопления сем, не получающих своего формального выражения в звуковой оболочке слова, которая остаётся неизменной. Уместно подчеркнуть, что идиоматизация слова далеко не всегда имеет результатом демотивацию, она лишь ослабляет его мотиви-

рованность, подготавливая почву для процесса лексикализации и демотивации.

Итак, после детального изучения сложносоставных лексем можно утверждать, что их значение возникло на основе метафорического переноса значения на определённом этапе развития немецкого языка. Но диалог между представителями разных культур может возникнуть и спонтанно, поэтому значение данных «коварных» слов нужно знать, чтобы избежать непонимания. А для лингвистов «курьёзные» слова немецкого языка представляют интерес с точки зрения их возникновения и корректного употребления с учётом стилистической маркированности лексики.

1.5. УСТНОСТЬ vs. ПИСЬМЕННОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Тема устности и письменности в сфере интернет-коммуникации является животрепещущей, т. к. требует осмысления, категоризации и системного описания новых процессов и феноменов динамично развивающегося языка современности, ускоренное обновление которого характеризуется более широким охватом носителей языка, вовлечённых в его изменение, и повышением личной активности «простых смертных» (наряду с политической и интеллектуальной элитой) в модернизации и преобразовании языка [Девкин, 2015, с. 12]. Наряду с терминологическими номинациями «цифровое / дигитальное общение», «цифровая / дигитальная коммуникация», «сетевое общение», «интернет опосредованная коммуникация» для обозначения общения с использованием средств и возможностей технологии Web 2.0 в интернет-лингвистике используется наименование «коммуникация 2.0», под которой подразумевается «общение с помощью сервисов и сети Интернет с возможностью диалогического взаимодействия и обмена текстовыми, графическими, видео- и аудиосообщениями» [Копчук, Андреева, 2023, с. 628].

К основным особенностям / характеристикам цифровой коммуникации обычно относят следующие: синкретичность, гибридизация и креолизованный характер текстов, динамичность, демократизация языка [см. Ахренова, 2009; Барышева, Клушина, 2022; Колокольцева, 2011; Литневская, 2011; Androutsopoulos, Busch, 2020; Beißwenger, Pappert, 2020; Dürscheid, 2016; Imo, 2019; Mostovaja, 2019 и др.].

При этом демократизация языка далеко не всеми лингвистами рассматривается однозначно позитивно. Нередки критические высказывания об «оскудении», сниженности, деградаци(и) этноэстетических принципов, пересмотр(е) культуроречевых норм, замен(е) эталонов [Девкин, 2015, с. 196] и даже об «упадке» современного языка. Безусловно, перечисленные выше явления – грустная реальность, обратная сторона медали процессов демократизации языка, в т. ч. в электронной среде. Тем более важно, что в «хоре сетующих» позитивно выделяются голоса немец-

ких лингвистов А. Андروتсопулоса, М. Байсвенгера, К. Фандриха, П. Шлобински, которые отрицают «упадок языка» (Sprachverfall), обусловленный коммуникацией 2.0. Они считают феномены и тенденции, которые появляются и развиваются в интернет-коммуникации, функциональными вариантами. Данные варианты формируются в конкуренции с процессами нормирования и кодификации языка и являются медиально и коммуникативно оптимизированными [Schlobinski, 2005, S. 126]. К. Фандрих акцентирует внимание на изменении представления о языке, которое вызвано цифровым переломом (digitaler Umbruch) и сформулировано Х. Лобином: «Das Konzept von Sprache als eines stark regelhaften und geordneten Systems, das als kulturelle Errungenschaft wahrgenommen wird und intensiver Pflege bedarf, wird zunehmend abgelöst (aber noch keinesfalls überall ersetzt) durch die Vorstellung einer pluralen, variantenreichen, offenen und dynamischen Ressource» [Fandrych, 2025, S. 8]. В таком понимании языка как плюристичного, вариативно богатого, открытого и динамичного ресурса вариативность и отклонение от нормы уже не оцениваются в ключе соответствия норме как таковой («хорошо / плохо»); центральным становится вопрос уместности (соразмерности) и функциональности языка (Angemessenheit und Funktionalität von Sprache) [Fandrych, 2025, S. 8].

Отмечаемая многими исследователями тенденция современного языка – очень интенсивная динамика развития интернета и соответственно большинства «интернет-обусловленных» либо связанных с интернетом феноменов – ведёт к тому, что многие высказывания и наблюдения лингвистов по данной тематике, которые были опубликованы несколько лет назад, утрачивают свою (топ-)актуальность и должны релятивироваться с учётом реалий сегодняшнего дня, подтверждая мысль В. Д. Девкина о необходимости изучения феноменов языка в «малой диахронии» [Школа В. Д. Девкина, 2010, с. 156]. Я. Андروتсопулос и Ф. Буш предлагают в этой связи уйти от партикулярности в описании отдельных лингвосомиотических категорий и форм цифровой коммуникации. По их замыслу, коммуникативную динамику цифровых языковых процессов необходимо описывать в лингвистической перспективе так, чтобы теоретические и эмпирические результаты исследования оставались релевантными после любого обновления WhatsApp. Это становится возможным благодаря тому, что в фокусе внимания исследования оказываются не технологии, а использующие эти технологии люди и их практический коммуникативный опыт [Androutsopoulos, Busch, 2020, S. 2].

Коммуникативный опыт человек приобретает и накапливает в общении – устном и письменном, интуитивно разграничивая эти сферы по ряду параметров. В лингвистической литературе при сопоставлении категорий устности и письменности устность и устный характер речевого

произведения / текста традиционно связывается, прежде всего, с диалогичностью и разговорностью высказывания и рядом взаимосвязанных параметров – таких, как личное неформальное непосредственное общение / face-to-face-взаимодействие, синхронность, бытовая тематика, непринужденность, спонтанность, неподготовленность, отсутствие четкой структуры устного текста (речевого произведения), небольшой объем реплик, облегченный синтаксис, сниженная лексика, отклонение от норм кодифицированного литературного языка. Письменный текст, как правило, признаётся монологичным и противопоставляется устному как опосредованный различными медиа (в т. ч. традиционными, напр., печатные тексты) в официальном асинхронном общении. К параметрам письменного текста относят широкий диапазон тематики разных сфер и/или функциональных стилей, подготовленность/продуманность и структурированность, формализованность текста на структурном и языковом уровне, обуславливающая развернутый осложнённый синтаксис, разнообразие лексики разных речевых регистров и стилей и обязательное соответствие нормам кодифицированного литературного языка.

При кажущейся прозрачности такого противопоставления устности и письменности ряд жанров и типов текста – и в традиционной коммуникации, и тем более в цифровой коммуникации – невозможно отнести однозначно к устному либо письменному виду текста, в т. ч. потому что в попытках классифицировать тексты в аспекте устности / письменности часто смешиваются разные аспекты формы, содержания, стиля речевого произведения. Успешной попыткой системного подхода к описанию категории устности / письменности в германистике является модель П. Коха и В. Эстеррайхера, согласно которой различают медиальную и концептуальную устность / письменность [Koch, Oesterreicher, 1985, S. 23].

В медиальном аспекте выделяется два кода – фонический и графический – как контрадикторные формы реализации речевых высказываний. Отношения этих кодов образуют строгую дихотомию и подразумевают однозначное разграничение высказываний по аудиальному либо визуальному каналу порождения и восприятия высказывания. В этом аспекте классические / традиционные устные и письменные тексты легко идентифицируются.

В концептуальном аспекте устность и письменность образуют континуум с множеством промежуточных точек, характеризующихся различной степенью эксплицитности высказывания, полноты синтаксических структур, использования невербальных средств и др. Конечные полюсы этого континуума «устный»/ «письменный» ассоциируются с понятиями «близость» / «дистанцированность» («Nähe und Distanz» [Koch, Oesterreicher, 1985, S. 23]. Идентифицировать текст однозначно как устный / письменный можно только на «полюсах» данного континуума:

текст на «устном полюсе» характеризуется повышенным уровнем разговорности, экспрессивности, субъективности, для текста на «письменном полюсе» типично максимальное соответствие кодифицированным нормам языка.

Признавая высокую степень универсальности этой модели, представленной в 1985 г., К. Дюршайдт отмечает, в ней не учитывается ряд факторов, имеющих в современной ситуации: факт появления новых типов текста (чат, мгновенные мессенджер-сообщения) и тот факт, что по данным медиалингвистики средство / медиум коммуникации (Kommunikationsmedium) оказывает влияние на выбор языковых средств выражения [Dürscheid, 2003, S. 37f.]. Действительно, если деловое электронное письмо можно однозначно считать медиально и концептуально письменным текстом, а личный телефонный разговор – медиально и концептуально устным текстом, то при попытке определить место личного электронного письма, текстового или голосового сообщения в мессенджере, иных новых текстов в цифровой среде лингвисты сталкиваются с необходимостью расширять и модифицировать рамки существующей модели. При этом в работах, посвящённых изучению новых жанров и типов текстов в цифровой среде, в аспекте устности / письменности часто говорят о гибридной форме коммуникации / гибридных текстах, синкретичных формах [Чеснокова, 2011], устно-письменных текстах либо устно-письменной речи / форме коммуникации [Барышева, Клушина, 2022; Бутенко, 2021], письменной разговорной речи [Алтухова, 2012 и др.], письменно-устном типе речи [Трофимова, 2004].

В немецкоязычной литературе идёт речь о понятиях «verschriftete Mündlichkeit» и «vermündlichte Schriftlichkeit» [Schlobiski 2005, S. 132], которые соотносятся с позицией Е. И. Литневской, относящей тексты письменных жанров разговорной речи (чаты, смс-коммуникацию) не к промежуточным (гибридным) формам между письменной и устной коммуникацией, а к новым языковым и речевым феноменам письменной разговорной речи, не имеющим аналога в речевой практике предыдущих поколений [Литневская, 2011, с. 80].

На следующем этапе мы остановимся на особенностях коммуникации в мессенджерах. Продукты сервисов обмена мгновенными сообщениями (мессенджеры WhatsApp и др.) представляют собой образцы цифровой / электронной письменности, т. е. цифровые практики письма и чтения в цифровой и сетевой среде, которые отличаются от аналоговых письменных практик [Wenz, 1998]. К их основным признакам К. Венц относит интерактивность, мультимедиальность, гибридность. Автор отмечает, что электронная письменность цифрового текста благодаря использованию материального носителя находится в оппозиции к устной форме коммуникации (в медиальном аспекте – ЛК), вместе с тем концептуально дан-

ные тексты отвечают параметрам устности. Как же достигается концептуальная устность в переписке в мессенджерах как медиально письменном тексте? Исходя из того, что письменная цифровая коммуникация «имитирует» устное общение в форме диалога, т. е. реализует в письменной форме квазиустный разговор / беседу и квазисинхронную ситуацию общения, Л. Б. Копчук и В. А. Андреева выделяют следующие приёмы в мессенджер-переписке молодых немецкоязычных швейцарцев, обусловленные особенностями письменной цифровой коммуникации: использование «фонетического письма»; компенсация невербальных средств коммуникации: графическая передача просодических явлений; сокращения и аббревиация [Копчук, Андреева, 2023, с. 640–641].

Специфика мультимодальности личной коммуникации, не опосредованной материальным носителем (face-to-face-взаимодействие), в сопоставлении с мобильной интеракцией в мессенджере представлена в таблице Д. Файк и П. Кнопп [Feick, Knorr, 2024, S. 169] (рис. 4).

FTF-Interaktion	Mobile Messenger-Interaktion
Redebeitrag	Textnachricht, Sprachnachricht, Links, Textdateien
Mimik	ASCII-Icons ; -), Emoticons 😞
Gestik	Emojis 👍 👏
Blickverhalten	z.T. Emoticons (😞)
Kopf- und Körperpositur	-
Proxemik	-
-	Bilder (Fotos, bildliche Emojis)
-	Video

Tabelle 1: Spezifika der Multimodalität FTF- vs. MIM-Interaktion

Рис. 4. Специфика мультимодальности в непосредственной и опосредованной сетевой коммуникации

Как видим, в мессенджер-коммуникации, элементы устного общения компенсируются за счёт эмодзи (вкл. эмотиконы, гифки и анимированные изображения). По мнению М. Байсвенгера и Ш. Папперта, эмодзи выполняют в цифровой коммуникации следующие функции:

– Обеспечение понимания (Sicherung von Verstehen): *Я хочу, чтобы партнёр понимал / воспринимал мои слова и намерения.*

– Поддержание отношений (Beziehungspflege): *Я даю понять партнёру, что мои отношения с ним важны для меня и что я ценю его потребности* [Beißwenger, Pappert, 2019].

Мультимодальность общения в мессенджере проявляется сегодня также в переключении канала передачи (голосовое сообщение, текстовое сообщение, видео и др.), в переключении (языковых) кодов и др.

Приведём примеры личного общения в приватном чате (рис. 5) и публичного общения в академическом чате между студентами и преподавателем в мессенджере WhatsApp (рис. 7).

Рис. 5. Пример мультимодальности личного чата в мессенджере WhatsApp

Чат (рис. 5) насыщен эмодзи, в первом сообщении они выполняют функцию обеспечения понимания. В ответном сообщении эмодзи служат как интенсификации оценки в аспекте обеспечения понимания, так и поддержанию отношений, особенно с учётом редупликации эмодзи. Заключительное сообщение содержит только вербальный компонент и завершается финальной точкой, которая, однако, не интерпретируется получателем как знак категоричности и завершения обсуждения данной темы, скорее (как и в первом предложении переписки) объясняется при-

вычкой образованного человека завершать предложение знаком препинания.

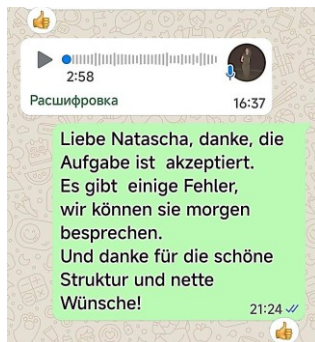

Рис. 6. Пример мультимодальности академического (индивидуального) чата в мессенджере WhatsApp

Пример на рисунке 6 иллюстрирует мультимодальный характер чата: на голосовое сообщение студентки преподаватель отвечает текстовым сообщением, справа внизу отправитель видит значок, что сообщение прочитано и мгновенную (положительную) стандартную реакцию на своё сообщение.

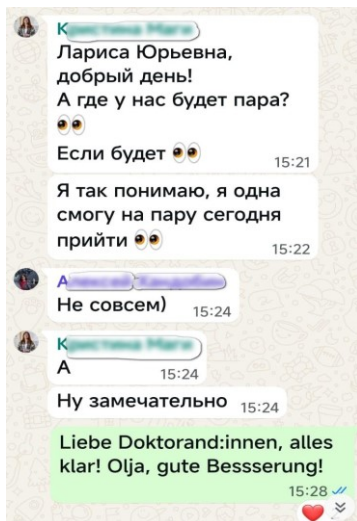

Рис. 7. Пример мультимодальности академического группового чата в мессенджере WhatsApp

Пример на рисунке 7 представляет собой фрагмент переписки по решению организационных моментов учебного процесса. Использование

студентами смайлов, парцелляция текста внутри одного (первого) сообщения и затем в двух ответных сообщениях – яркое свидетельство «разговорности в цифровом письме» («*verschriftete Mündlichkeit*»).

Представленный обзор научных работ и отдельных примеров цифровой коммуникации в мессенджере позволяет утверждать, что концептуальная устность в письменной сетевой коммуникации достигается за счёт как общих универсальных приёмов диалогичности и разговорности, так и специфических для этой сферы элементов (интерактивность, гибридность, креолизация, переключение кодов и пр.), обусловленных техническими опциями и лингвокультурными характеристиками. Особенностью изучения категорий устности и письменности являются некоторые отличия в терминосистемах стран изучаемых языков и России, большая свобода и позитивный взгляд на тенденции развития языка в сфере цифровой коммуникации. Мессенджеры как постоянно развивающиеся платформы обмена моментальными сообщениями представляют широкое поле для дальнейших лингвистических и междисциплинарных исследований в русле мультимодальности.

1.6. О ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ МАРГИНАЛЬНОГО ЯЗЫКА: НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема маргинальности языка напрямую связана с исследованиями разговорной речи в отечественной лингвистике. По мнению Валентина Дмитриевича Девкина, именно разговорная речь должна быть предметом первичной заботы лингвиста, так как, являясь самой древней и самой основной формой языка, она (разговорная речь) – самое естественное проявление языка и самое необходимое его применение.

Это прямое указание на то, что детальное исследование и, в итоге, понимание наипервейшего естественного проявления языка даст ключ к пониманию природы языка в целом. Для этого достаточно взглянуть на параметры описания разговорной речи, предложенные В. Д. Девкиным. Таковыми выступают форма (преобладает устная), спонтанность как фактор времени (вернее, его отсутствия), высокий автоматизм как фактор отбора языковых единиц, ситуативная обусловленность, включая конкретность адресата, субъективная окрашенность речи [Девкин, 1979; 2006].

Важно подчеркнуть, что опираясь на положение о монизме языка, В. Д. Девкин говорит о том, что «разговорность существует только с опорой на нейтральное» [Там же]. В этой связи можно сделать вывод, что маргинальный язык, показывающий разные степени отклонения от канонизированной нормы, является богатым материалом для исследования особенностей функционирования разговорной речи.

Исследование феномена маргинального языка требует глубокого понимания как языковых, так и социальных процессов, происходящих в различных культурах и сообществах. В самом широком смысле, языковая маргинальность охватывает те языковые формы и диалекты, которые оказываются на границе основного языкового сообщества, часто подвергаясь давлению со стороны доминирующих языков. Ситуация языковой маргинальности может возникать в результате исторических, политических и социальных процессов, которые формируют структуру и динамику языковых взаимодействий.

Ввиду этого языковая маргинальность в последние десятилетия стала предметом пристального внимания со стороны лингвистов, анализирующих не только внутренние особенности языков, но и их социокультурные контексты. Современные исследования фокусируются на изучении структурных и функциональных характеристик таких языков, а также на роли, которую они играют в формировании идентичности сообществ, говорящих на них. Наиболее значимые направления исследований включают анализ креольских языков, сленгов, диалектов, а также разговорных вариаций официальных языков, которые часто оказываются маргинализированными в доминирующей языковой культуре. В методологических рамках анализа языковая маргинальность может быть определена как система языковых практик, которая отражает процессы взаимодействия между стандартными и нестандартными формами языка. Д. Фишман подчёркивал, что языковая маргинальность связана с сообществами, чьи языковые практики испытывают давление доминирующих культурных и языковых стандартов [Fishman, 1989]. М. М. Бахтин, в свою очередь, рассматривал маргинальность через призму диалогичности, где маргинальные языки формируют уникальную позицию для выражения «иного» и дополняют центральные языковые практики новыми смыслами [Бахтин, 1981].

Традиционно маргинальный язык определяется как «нелитературный вариант национального языка, употребляемый ограниченно в специфических условиях общения: детский язык, язык для общения с иностранцем (редуцированный и очень упрощённый), интерязык, домашний язык, язык моряков в смешанных судовых экипажах и др.» [Панькин, 2011]. Такое определение указывает на «маргинальность» скорее как «ограниченность», «огороженность, отделённость от главного» или «побочное», то есть как «вспомогательное», отделяет этот термин от негативного подтекста.

Иначе говоря, языковая маргинальность представляет собой не негативное явление, а такое, при котором определённые языки или диалекты оказываются нецентральными феноменами языкового сообщества. Эти языки могут находиться под угрозой исчезновения, чаще подвергаться социальному давлению и, как следствие, изменению со стороны домини-

рующих языков или просто иметь ограниченное число носителей. Нередко понятие «языковая маргинальность» относится к положению языков или языковых форм, которые считаются ненормативными или менее престижными в обществе. Эти языки или формы языка часто ассоциируются с определёнными социальными группами, которые постоянно находятся «в движении» по этническому, социальному или экономическому признаку.

В этом смысле оправдано определение языковой маргинальности как состояния, при котором язык или его носители находятся на периферии культурного и социального пространства [Crystal, 2000]. И действительно, например, в рамках колониальных и постколониальных контекстов множество коренных языков было вытеснено или существенно ограничено в использовании в пользу колониальных языков. Это явление можно рассматривать как результат различных исторических, социальных и экономических процессов, которые ведут к неравенству в языковом статусе. И в то же время Э. Петерсон, исследуя, как такие формы «плохого английского» воспринимаются и оцениваются, а также как они формируют и отражают социальные и культурные иерархии, приходит к выводу о том, что языковая маргинальность может проявляться через различные формы дискриминации, стигматизации и исключения, когда использование определённых языковых вариантов приводит к отрицательной оценке говорящих и ограничению их возможностей в обществе [Peterson, 2019].

Лингвистическое исследование маргинальных языков включает несколько ключевых направлений: документацию, анализ языкового сдвига и изучение языкового контакта. Документация языков, находящихся под угрозой исчезновения, является первоочередной задачей, поскольку она позволяет сохранить знания о структуре, грамматике и лексиконе этих языков для будущих поколений.

Исследователь К. Л. Пайк отмечает, что маргинальные языки часто демонстрируют уникальные особенности, которые могут значительно обогатить наши знания о возможностях человеческого языка [Pike, 1967]. Эти особенности включают редкие фонетические явления, необычные синтаксические структуры и специфические лексические категории. Так, морфология и синтаксис могут показывать грамматические конструкции, которые отклоняются от нормативных стандартов и часто воспринимаются как «неправильные» или «низкопробные» (например, использование двойных отрицаний или нестандартных форм глаголов в английском языке). Или, лексический пласт демонстрирует использование слов и выражений, которые могут быть характерны для диалектов или социолектов, что также приводит к маргинализации.

Исследование сообществ, использующих маргинальные языки, можно наблюдать в социолингвистическом аспекте. Например, вклад в решаю-

щее понимание такого типа нестандартного языка вносят работы Э. Питерсон и Д. Фишмана. В их работах исследуется то, как социальные контексты, структуры и факторы (например, социальный класс, этническая принадлежность, пол, возраст) влияют на языковое поведение, на языковую вариацию и как эти вариации воспринимаются и оцениваются. Социолингвисты анализируют, как все вышеперечисленные характеристики влияют на использование и восприятие различных языковых форм, приходя к заключению, что маргинальные языки часто сталкиваются с дискриминацией и стигматизацией, что приводит к снижению их престижности и использования в общественной жизни. В результате, носители маргинальных языков могут предпочитать переходить на более престижные или доминирующие языки, чтобы избежать социальной изоляции. К слову, работы Д. Фишмана также подчёркивают важность социальных факторов в изучении языкового сдвига и сохранения языка. Он утверждает, что языковая политика и общественные установки играют ключевую роль в поддержке или угнетении маргинальных языков [Fishman, 1991].

Антропологический подход позволяет рассмотреть языковую маргинальность в контексте культурных практик и идентичностей. Антропологи исследуют, как язык функционирует в повседневной жизни сообществ, и какие культурные значения он несёт. Антропологические исследования показывают, что язык является важным элементом культурной идентичности и социального наследия, например, изучение повседневного использования языка в различных культурных контекстах, включая исследование того, как люди взаимодействуют и коммуницируют в реальных социальных ситуациях. Это помогает понять, как языковая маргинальность проявляется и переживается в повседневной жизни. Р. Бенедикт в своих работах подчёркивает, что язык и культура неразрывно связаны, и утрата языка ведёт к утрате культурных знаний и традиций [Benedict, 1934].

Этнографические исследования помогают понять, как маргинальные языки функционируют в диахронии и какие культурные значения они несли ранее и несут сейчас. Например, работа Б. Малиновского показывает, как языковые практики связаны с социальными структурами и ритуалами, и как язык может быть инструментом сохранения культурных традиций [Malinowski, 1922].

Культурологический аспект, в свою очередь, рассматривает влияние маргинальных языков в культуре и их воздействие на нормы и стереотипы; помогает понять, как языки функционируют в рамках культурных систем и как они влияют на культурное производство и передачу знаний. Исследования показывают, что маргинальные языки часто играют важную роль в сохранении фольклора, традиционных знаний и культурных практик. Однако языковая маргинальность может рассматриваться как форма культурного сопротивления и сохранения идентичности в услови-

ях глобализации и культурной гомогенизации. Это подчёркивает важность междисциплинарных подходов к изучению и поддержке маргинальных языков.

Влияние маргинального языка на личностное и социальное развитие – предмет познания психолингвистики. Психолингвистический подход применяется в изучении влияния языковой маргинальности на индивидуальную и коллективную идентичность, а также на психологическое благополучие индивидуума.

Исследования показывают, что носители маргинальных языков часто испытывают чувство неполноценности и культурной утраты, что может негативно сказываться на их самооценке и ментальном здоровье [Grosjean, 1982]. Так, исследования Г. Триандиса подчёркивают важность культурных и языковых различий в формировании индивидуальной идентичности и межгрупповых отношений [Triandis, 1994]. В контексте маргинальных языков это означает, что поддержка и сохранение этих языков могут способствовать улучшению психологического состояния и укреплению культурной идентичности носителей.

Английский язык в Великобритании в этом плане представляет особый интерес благодаря тому, что его функционирование охватывает разнообразные группы, сообщества, субкультуры, составляющие общий языковой ландшафт этой страны. В англоязычной науке для обозначения нестандартных языковых форм функционирует термин “Bad English”. Данный термин может быть использован для обозначения нескольких языковых феноменов, включая «пиджины» (разновидность упрощённого языка), креольские языки, жаргоны, а также специфические формы диалектов, которые не соответствуют нормам «стандартного» английского языка. Такой язык часто воспринимается как неправильный, бедный или неполноценный, что приводит к его статусу маргинального. Иными словами, “Bad English” обозначает некодифицированные формы английского языка, которые отличаются от стандартного английского нормами грамматики, произношения, и иногда словарного запаса. “Bad English” – язык, который существует на периферии стандартного английского языка и используется преимущественно в неформальной, часто стигматизированной среде. “Bad English” может включать в себя различные формы неверного или искажённого английского, который отражает социальные, культурные и экономические различия между говорящими.

Термин “Bad English” используется как словосочетание, обозначающее «уничжительный» термин, детерминирующий ограниченный регистр английского языка, используемый человеком, для которого английский является вторым (иностранном) языком. “Bad English” может быть фрагментарным, неполным и/или отличаться неправильным синтаксисом

и неадекватной дикцией, поскольку знания лексики у говорящего не такие глубокие, как у носителя языка [Peterson, 2019].

Между тем, существует и другой аспект «плохого» английского языка. Согласно автору книги “Making Sense of “Bad English” Э. Питерсон, термин “Bad English” часто используется для описания языка тех, кто говорит на очень локализованной разновидности английского языка [Peterson, 2019]. Данная практика отмечается активной в тех местах, где английский является иностранным или дополнительным языком, “Bad English” часто, но не исключительно, используется для обозначения языка людей, которые воспринимаются как демонстрирующие слишком сильное влияние в английском их родного языка или проявляющие явные признаки изучающего английский.

Иными словами, термину “Bad English” соответствует знаменатель “Non-standartised”, который, по сути, значит «нестандартный английский», то есть показывающий отклонение от нормы, правил или стандартов [Peterson, 2019]. Его не следует рассматривать исключительно как упрощение или «деградацию» языка. Напротив, он может служить выразительным средством, отражающим новые формы идентичности. В частности, В. Г. Костомаров указывает, что субкультурные формы языка часто выполняют функцию отличия, маркируя принадлежность к определённой группе [Костомаров, 1996]. Иными словами, “Bad English” является не только языковым явлением, но и важным социокультурным феноменом в рамках одной страны. При этом, выступая социальным явлением, он может рассматриваться как:

- возможные способы использования английского языка для раскрытия идентичности, не предпочитаемые к использованию доминирующей группой (элитой) из-за допущения лексических/ грамматических ошибок: “*When I akst, “What exactly am I receiving this honor for?” Stormzy, the British musician [The Independent Channel, 2022];*

- английский язык, используемый маргинализированными или обездоленными группами населения или отдельными людьми: “*Its easy to make friends if you let pepul laff at you. Im going to have lots of friends where I go.*” *Flowers for Algernon by Daniel Keyes* [Flowers for Algernon by D. Keys, 1966];

- английский язык, рассматриваемый как форма приобретённого знания, т. е. людьми, говорящими на английском как на втором (иностранном) языке наряду со своим родным языком: *sh /ʃ/ – u [uʃ]*.

Исследование аспектов “Bad English” позволяет понять, каким образом языковая вариативность служит отражением социальных процессов. Язык не существует в отрыве от общества: он является его продуктом и средством общения, поэтому изменение социальных условий неминуемо отражается на языке. В этой связи “Bad English” можно рассматривать

как маргинальный язык, который отражает социальные разломы и напряжённость в Великобритании.

Одним из ключевых направлений исследования маргинального английского языка, как отмечалось выше, является его вариативность, к которой относятся не только отклонения от нормы на уровне лексики и грамматики, но и формы, связанные с территориальной, социальной, профессиональной и культурной составляющими личности. К социальным и культурным проявлениям можно отнести сленг, к профессиональным – жаргонизмы, с территориальными особенностями связаны диалекты. Именно последние, сохраняя прочную связь с географией и социальной структурой, выступают «выразителями» местной идентичности.

На территории Великобритании насчитывается большое диалектное разнообразие, обусловленное как историческими, так и социальными факторами. Наряду с широко известными и часто употребляемыми кокни или скауз, особый интерес представляют северные и северо-западные регионы, например, Манчестер. Речь людей, проживающих в данной местности, отличается особым произношением и использованием лексических единиц, характерных манчестерскому, или манкунскому (Mancunian) диалекту английского языка.

Манкунский, или манчестерский, диалект едва отличается от других северных английских диалектов. Его отличительными чертами являются следующие характеристики: более ярко выраженные гласные в устной речи (например, окончание *-er* становится более ударным с характерным произношением [ʌ]); глухие согласные /k/, /p/, /t/ заменяются в устной речи гортанной смычкой, то есть являются гортанными взрывными согласными, произносимыми с помощью смыкания голосовых связок; звук [ŋ], образующийся в конце слов на *-ng*, становится более гиперболизированным – произносится каждая буква, то есть [ng] с характерным -g [Wells, 1970].

Для примера проанализируем речь Лиамы Галлагера, бывшего фронтмена группы “Oasis” и заметного общественного деятеля, родом из Манчестера. Речь Л. Галлагера представляет собой «богатый» объект для стилистического исследования: его языковой выбор отражает манчестерские корни рабочего класса, нестандартную грамматику, характерные фонетические черты и сильное сопротивление и неприятие языковой нормы, что делает его речь ярким примером “Bad English” в британском обществе. Его языковой стиль также включает в себя элементы британского сленга и жаргона музыкальной субкультуры. Его речь постоянно отличается неформальностью, эллиптическими структурами и фонетическими особенностями, которые отклоняются от стандартного британского английского, что позволяет понять, как диалект может функционировать в качестве социального барьера, а также знака скрытого престижа.

Используя рамки стилистической типологии, проанализируем отдельные фрагменты интервью Л. Галлагера в разных ток-шоу с его участием.

Л. Галлагер часто использует жаргонизмы, сленг и идиоматические выражения, характерные для северного английского языка и британской музыкальной субкультуры. Например, в интервью на Chris Moyles Show (Radio ZX 2022) прослеживается использование профессионального жаргона музыкальной индустрии: “*The tune’s a banger, man. You can not sing along to it.*” [Radio X Interview, 2022]. Жаргонизм *banger* часто используется профессиональными музыкантами для обозначения «хорошей песни». В высказываниях Л. Галлагера она также часто встречается, что даёт понимание о его культурной принадлежности к британской инди- и рок-сценам. Использование лексемы показывает, что музыкант намеренно избегает употребление слов стандартного языка, например *song* или *hit*, пользующихся популярностью в речи «любителей».

Далее, в интервью для журнала Reddit AMA (2017) Л. Галлагер говорит: “*Never liked the word ‘solo’. Sounds a bit naff, dunnit?*” [Source: AMA Transcript, 2017]. В этом высказывании лексема *naff* является маркером британского сленга, характерного для манчестерского диалекта, обозначающий *second-rate*, *nothing*, *a fool*, *in poor taste*, *unappealing*, *дурацкий*, *некрутой*, *неаккуратный*, *отстой* [Green’s Dictionary of Slang, 2025], [Cambridge, 2025]. В этом же примере использование разделительного вопроса *dunnit (doesn’t it)* демонстрирует пренебрежение грамматикой в устной речи, характерное для непринуждённой манчестерской «уличной» речи.

Частое опущение вспомогательных глаголов, артиклей или использование нестандартных конструкций также является характерной чертой речи музыканта. Например: “*Don’t need no auto-tune, mate*” [The Jonathan Ross Show, 2023]. Двойное отрицание (*Don’t need no*) и обращение (*mate*) указывают на неформальность обстановки для более комфортного общения и солидарности с аудиторией. Использование морфологических сокращений и уменьшительных форм обычно характерно для манчестерского и других северных английских диалектов в целом: “*You lot been to our gigs?*”, где *all* заменяется *lot* как маркер английской устной речи, так как данное местоимение множественного числа характерно для неформального британского, использование которого допустимо при обращении к группе людей. Наблюдается также опущение *have* в конструкции Present Perfect из-за отсутствия необходимости полного понимания того, о чём идёт речь, что указывает на спонтанность речи. Профессиональный жаргонизм *gigs*, используемая вместо стандартных *concerts/lives*, акцентирует внимание на профессиональной принадлежности Л. Галлагера.

Говоря о фонетической специфике манчестерского английского, можно отметить следующие особенности в речи Лиамы Галлагера: Т-

глоттализация: /t/ становится гортанным смычным, например, *wha'er* – *what are*; th-fronting: /θ/ становится /f/, например, *fink* вместо *think*; h-dropping: пропуск /h/ в таких словах, как *have* или *him*; монофтонгизация: дифтонг /ai/ в слове *like* становится [a:]: “*I fink it's proper rock 'n' roll, innit?*” [GQ Magazine Interview, 2019].

Такие фонетические черты указывают одновременно на региональную принадлежность Л. Галлагера и способствуют формированию его имиджа, становясь маркерами скрытого престижа его культуры и профессии.

Синтаксически речь музыканта отличается короткими, эллиптическими конструкциями и частым использованием tag-questions (вопросов-тегов) в качестве риторических приёмов. Данную практику можно наблюдать в примерах выше и в следующем: “*We were the best band. That's a fact, innit?*” Фраза *innit* заменяет любой разделительный вопрос, сочетая утверждение со структурой вопроса, характерной для разговорной неформальной речи. Такой шаблон создаёт образ сценической, но при этом «простой», «народной», «близкой к людям» персоны.

Ярким примером маргинального языка в речи Л. Галлагера является следующая фраза, прозвучавшая в интервью, опубликованном на канале “The British Masters”. На вопрос: “*Who was your most hectic teacher?*”, Лиам отвечает: “*I had a geezer called Mr. Smith and he was a cockney and it looked like John Lennon. Proper hippy. Fucking stunk of coffee. But he'd be like you, boy, and he'd grab you by the finger and all that and we made a wrap up about him, called the Sass wrap, we called him Sassy <...>*” [Noisey – The British Masters Season 3, Chapter 4, 2019]. Данный фрагмент представляет собой насыщенную нестандартными языковыми чертами устную репрезентацию мысли, в которой проявляются как фонетические, так и лексико-грамматические особенности, характерные для манчестерского диалекта.

С точки зрения лексики, лексема *geez*er типична для британской диалектной единицы, обозначающей мужчину, часто придающей негативную окраску, что характерно для северных диалектов Великобритании. Прилагательное *proper*, использованное в значении «настоящий» в словосочетании *a proper hippy*, является примером северного диалекта, где используется в качестве синонима к слову *very*. Фраза *Fucking stunk of coffee*, эквивалент общеупотребимой фразы *smell of coffee*, по видимости, изменена, придавая более грубый, «кричащий» окрас, иллюстрируя эмоциональное состояние музыканта, у которого учитель до сих пор вызывает яркие воспоминания. Наконец, упоминание *Sass wrap* может свидетельствовать о локальном школьном жаргоне, используемом сверстниками для самовыражения.

Грамматика в речи музыканта достаточно проста и гибка. Большинство предложений интонационно оформлены кратко, часто без подлежа-

щего и глагола-связки (*proper hippy, fucking stunk of coffee*). Фраза *he'd be like you, boy* – пример передачи косвенной речи через разговорную фразу *be like*, которая распространена в разговорном английском. В самом конце фразы повторение *called* и *we called* создаёт ритм, близкий к устной спонтанной речи, подчёркивая особенность повествования в воспоминаниях музыканта.

На фонетическом уровне в речи Л. Галлагера отчётливо проявляются черты звучания манкунского диалекта. Во-первых, заметна гортанная смычка в следующих лексемах: *proper* – *pro'er* [*prv'ə*], *about him* – *abou'im* [*əbau'im*], что является типичной чертой северных диалектов. Во-вторых, особое внимание «уделяется» произнесению дифтонга [*oi*], например, в слове *boy*. Согласный звук /θ/ становится /f/, например, в имени учителя *Mr. Smith* вместо *think*; h-dropping: пропуск /h/ в таких словах, как *hippy* или *him*; монофтонгизация: дифтонг /aɪ/ в слове *by* становится [*i*]; звук [ʌ] переходит в звучание [ʊ] в слове *fucking*. Все эти нестандартные формы произношения объясняются достаточно консервативным состоянием языка со времен великого сдвига согласных и гласных. Манкунский диалект известен тем, что те звуки, которые подверглись этому сдвигу, на территории Манчестера и близлежащих районов, радикально не изменились. По этой причине, неизменившиеся звуки манчестерского диалекта «выдают» происхождение носителя диалекта. Данный пример является типичным в языковом ландшафте речи Лиамы Галлагера. Подытоживая анализ приведённого выше высказывания, можно отметить приверженность музыканта к эмоциональному, экспрессивному выражению мысли через повторение лексем, использование табуированной лексики, изменение общепринятых фраз, предлагая свой вариант формы. Само произношение музыканта выдаёт его происхождение. Заметно, что Л. Галлагер не пытается избавиться от манкунского «звучания», оставаясь верным своему аутентичному акценту.

Таким образом, Лиам Галлагер использует “Bad English” в живой речи, чтобы: усилить свою идентичность, а именно принадлежность к рабочему манчестерскому классу; маркировать несогласие со языковыми стандартами; маркировать подлинную принадлежность к музыкальной индустрии. Его нестандартная речь отражает не недостаток образования или небрежность, а скорее намеренное использование диалектной аутентичности и стилистического сопротивления. Благодаря скрытому престижу Л. Галлагер завоёвывает авторитет среди своих поклонников, музыкантов и сохраняет языковую солидарность со своей региональной принадлежностью. Его речь представляет собой убедительный пример маргинальной языковой практики как «перформанса» идентичности. С помощью диалектности, сленга, профессионального жаргона, фонетического своеобразия и синтаксической неформальности он воплощает язы-

ковую маргинальность таким образом, что она отражает одновременно региональную гордость и культурное сопротивление.

Следующим ярким примером функционирования нестандартного английского языка, сформированного под влиянием регионального диалекта, выступает речь Джеймса Макэвой, шотландского актёра из Глазго. Будучи выходцем из рабочей семьи, Дж. Макэвой часто использует глазговский английский в публичных интервью и ток-шоу, что отражает его сильную привязанность и преданность своим корням. Его речь демонстрирует диалектные особенности, сленг, неформальную грамматику и нарочитую экспрессивность, что делает её убедительным примером языковой маргинальности.

Вариант английского языка на территории Глазго как разновидность западно-центральной шотландской группы диалектов ассоциируется с рабочим классом. Он часто воспринимается не шотландцами как «сильный», «трудный для понимания», «агрессивный», и исторически подвергался стигматизации в британских СМИ и образовании [Macafee, 1983]. Несмотря на популярную международную карьеру, носителям которой соответствуют клише, правила, языковая стандартизированность, Дж. Макэвой, не раз рассказывавший о своём происхождении, часто намеренно сохраняет свой диалект в публичной речи. Например, в интервью вечернего шоу *The Late Show With Stephen Colbert* на фразу: *“I think of you as English”*, он говорит: *“I’m a professional Englishman. But – I help them out when they’re busy, but in my spare time, I’m Scottish”* [James McAvoy Is Scottish in His Personal Life, 2016]. Данная цитата раскрывает фонетические особенности речи актёра (гортанная смычка в слове *Scottish* [skɒˈɪʃ]). Наблюдается его твердая идеологическая позиция в отношении аутентичности непрестижных языковых норм, акцентируя внимание на том, что для работы ему не трудно быть «правильным», используя стандартное звучание английского языка для своих героев.

Однако в реальной жизни, в интервью и ток-шоу он остаётся верен родному звучанию. На вопрос *“How Scottish are you?”*, следует ответ *“I’m the real deal, the full Square Sausage. Anybody Scottish? Do you know what Square Scottish is? It’s not a euphemism for a kind of big, sexual thing. <...> A Square Sausage is a beef patty that we traditionally have as a breakfast sausage, and people from Scotland are wild about it”*. Данное высказывание является типичным для актёра. В ней также наблюдается «скрытый престиж» Дж. Макэвой, связанный с его принадлежностью к шотландскому народу – он задаёт вопрос аудитории в студии, имитируя диалог с ней, в целях найти того, кто знает, о чём он говорит. Актёр, объясняя значение исконно шотландского термина *Square Sausage*, подводит

к тому, что он – 100 % шотландец, проводя параллель с блюдом, которое известно только в тех местах, откуда он родом. Помимо этого, в речи Дж. Макэвоя наблюдаются и фонетические особенности, присущие шотландскому звучанию, например, утрированная [r] в словах *real, square, traditionally, for, breakfast, from* и *are*.

Кроме того, в рассматриваемом и во многих других видео-интервью Дж. Макэвой часто использует шотландские лексические единицы и региональный сленг, такие как: *wee – very small, pure – absolutely/wholly* (например, *pure mental*), *mucker – companion/friend/an unpleasant person, numpty – fool/an incompetent* [Green's Dictionary of Slang, 2025]. Примером такого сложного для понимания диалекта может послужить видео-скетч американской передачи *Saturday Night Live* (*Air Traffic Control – SNL*), где высмеивается аутентичное шотландское звучание вместе с его диалектом. В видео разыгрывается сценка авиасообщения, в процессе которого никто не понимает шотландского диспетчера: *“Listen to me, in front of you is a wee size of a keebler.” – “I’m sorry, what? <...> Say again! I’m so sorry your accent is very thick. Is it possible to not have it? Over?”* [Saturday Night Live, 2019]. Помимо лексем, присущих шотландскому диалекту, в данном примере также прослеживается утрированный [r] в словах *front, keebler*.

В речи Дж. Макэвоя встречаются нестандартные грамматические обороты, такие как: двойное отрицание (*Ah didnae say nothin’*), опущение вспомогательных слов (*He no comin’?*), элизия в произношении местоимения (*yirsel’ – себя*). Часто встречается блендинг в результате сращения отрицательной частицы диалектной формы (-*nae*) и вспомогательного глагола: *cannae (can not – не может), dinnae (don not/did not – нет), widnae (would not – не будет)*. Эти морфологические варианты усиливают лингвистическую идентичность Глазго и отличают речь Дж. Макэвоя от «хорошего» британского английского. Синтаксически разговорный язык Макэвоя включает в себя: эллиптические предложения: *“Goin’ tae the pub?” (Are you going to the pub?)*; использование маркеров разговорного английского: *“See when ye...”*, *“Y’know?”*. Эти неформальные структуры создают ритм повествования и устность, характерные для спонтанного разговорного диалекта.

Языковой стиль Джеймса Макэвоя, согласно стилистической типологии, выполняет следующие функции: демонстрация аутентичности (актёр избегает чрезмерного стандарта речи или отрыва от своих корней), солидарности (поддерживает культурную связь с шотландской аудиторией/аудиторией рабочего класса через устную речь) и сопротивления (отказывается от необходимости соответствовать принятому произношению

или нормам, ориентированным на Лондон; притворяться или стараться быть похожим).

Речь Джемса Макэвоя служит примером “Bad English” как маркера идентичности, сопротивления, культурной аутентичности и личного престижа актёра. Благодаря постоянному использованию лексики, фонетики, грамматики и синтаксиса, соответствующих реалиям диалекта Глазго, актёр бросает вызов языковой иерархии в публичной индустрии. На его примере можно убедиться в том, что региональные диалекты остаются жизненно важными, выразительными и социально значимыми, особенно когда их используют общественные деятели. “Bad English” как маргинальный язык имеет статус не «плохого» языка, а нестандартного, имеющего свои особенности, употребление которого в обществе носителей стандартного английского языка направлен на самовыражение и проявление идентичности.

Причиной формирования и проявления маргинального языка в речи может стать билингвизм. Известно, что термин «билингвизм» синонимичен ряду других терминов, например, «двуязычие», что соответствует их применению в отечественных научных публикациях. Аналогичным образом используются термины «многоязычие» и «мультилингвизм», «одноязычие» и «монолингвизм» [Шайгерова, 2019]. На основе данного положения проведём параллель между понятиями «билингвизм» и «бидиалектизм». Если в первом случае подразумевается владение двумя языками как «родными», во втором – диалектами, или вариантами одного языка. В своей работе о языковых контактах Уриель Вайнрайх описывает идеального двуязычного говорящего как того, кто может *переключаться* (*switch*) с одного языка на другой в соответствии с изменениями речевых ситуаций (собеседники, темы и т. д.), но не в неизменной речевой ситуации и, конечно, не в пределах одного предложения [Weinreich 1968]. Автор, приводя описание двуязычию, использует глагол *to switch*. Отсюда происходит такой термин, как *code-switching*. *Code-switching*, или *переключение кодов*, относится к смешиванию билингвами (или мультилингвами) двух или более диалектов одного языка или языков в дискурсе, независимо от места, времени и окружения. Такое смешение в пределах одного предложения, составной части или даже слова привлекло наибольшее внимание лингвистов [Fano, 1950].

Яркий пример переключения кодов в реальной жизни проявляется в речи американо-британской актрисы театра, кино и телевидения, писательницы Джиллиан Андерсон. Актриса попеременно использует американский и британский варианты английского в зависимости от контекста, обстановки и аудитории. Родившись в США, Дж. Андерсон провела годы

своего становления и в Лондоне, и в Мичигане, в результате чего приобрела естественную способность переключаться с одного варианта английского на другой. Переключение Джиллиан Андерсон между BE и AmE не случайно, а скорее носит стратегический характер, служа социальным и связанным с её идентичностью целям.

В отличие от предыдущих примеров, демонстрирующих “Bad English” через диалект, сленг, жаргон, фонетические или грамматические особенности, языковая маргинальность Джиллиан Андерсон возникает не из-за отклонения от стандартных норм, а из-за смешения и чередования двух «престижных» вариантов, периодически приводящего к общественному недопониманию, критике или, наоборот, восхищению. Её случай демонстрирует, как даже «стандартная», «правильная» речь становится социально маргинальной, когда она не соответствует ожиданиям слушателей. Проанализируем её речь в интервью, выступлениях и дискуссиях, фокусируясь на лексическом выборе, фонетической вариативности, синтаксическом стиле и «скрытом престиже» переключения кодов.

Дж. Андерсон неоднократно публично высказывалась о способности смены акцента. В 2021 году в интервью Scott Lawrence она отметила: *“It goes back and forth because I grew up in both places, so it depends who I’m talking to. So usually when I’m talking to Brits it slides into British and vice versa for American. Sometimes it’s conscious because I know someone will be thrown by it so I’ll consciously do it, but the majority of time... if I’m at a dinner party and I’m sat between one of each on either side I literally can’t help it”* [X-Files Gillian Anderson has a British and American Accent, 2021]. Фраза *I grew up in both places* указывает на то, что актриса провела значительное время как в США, так и в Великобритании, в результате чего оба варианта английского языка стали для неё естественными, что отражает внутреннюю языковую гибкость актрисы. Дж. Андерсон подчёркивает, что выбор варианта английского зависит от того, с кем она говорит (*when I’m talking to Brits it slides into British, vice versa for Americans*). Используя глагол *to slide*, она указывает на естественное и плавное переключение, что подтверждает автоматизм процесса code-switching. Однако Дж. Андерсон признаёт, что иногда её выбор может быть осознанным (*Sometimes it’s conscious because I know someone will be thrown by it*). Из сказанного следует, что актриса учитывает возможную реакцию собеседника, что указывает на осознание актрисой того, что язык – не просто средство общения, а социальный маркер, способный вызвать эмоции у принимающей стороны.

Джиллиан иногда использует британскую лексику, которая значительно отличается от американских эквивалентов. Например, *loo* вместо

bathroom, *sorted* вместо *figured out*, *flat* вместо *apartment*. Дж. Андерсон переключается и фонетически, меняя при этом произношение, соответствующее акценту большинства. Например, чёткое произношение /r/ в *car* – /kar/; опуская /r/ в ВЕ *car* – /ka:/; сдвиги гласных в АЕ *bath* – /bæθ/ против ВЕ /ba:θ/; *T-flapping* в АЕ *better* – /'berər/ против чистого /t/ в ВЕ. Одним из наиболее выразительных примеров сознательного переключения между вариантами английского языка в публичной речи является выступление Джиллиан Андерсон на церемонии вручения Emmys (Emmy Award) за роль в сериале “The Crown” в 2020 году. Несмотря на то, что речь была записана в Лондоне, актриса использовала американский акцент и соответствующую ему лексико-грамматическую структуру, демонстрируя тем самым ситуативное переключение на американский вариант английского, обусловленное контекстом самой премии и её адресатом – американской публикой: “So, so, first, I wanna say “Thank you” to Peter Morgan for creating this role and to Netflix for...um...for everything...uh everything an...um...but I really wanna dedicate this award to a woman who was my manager for 20 years – Connie Freiberg. Who believed in me when no one else would and...uh...who believed I had talent when I didn't even think that I had talent. Who always advised me to take the high road, who was one of the best friends that I've ever had in my life, and who wore the same dress five years, running to every award show three times a year that we went to <...> Connie, I love you, this is for you, thank you” [Emmy Awards, 2020].

Явную ориентацию на американского зрителя демонстрирует «блендинг» *want* to в *wanna*, что типично для американской грамматики и произношения. Звук [t] в слове *dedicate* произносится как американский альвеолярный [r]. Общее интонационное движение является плавным, с характерным для американской речи интонационным «снижением» в конце фраз. Повторы и обильное количество междометий указывает на эмоциональность и спонтанность речи актрисы, которые являлись неосознанными в отличие от выбранного диалекта. С точки зрения лексики, использование фразы *to take the high road* является маркером американского варианта английского языка, т. к. используется в переносном смысле. В американском английском это – устойчивое выражение, получившее идиоматические значения *to take the course of action which is safest and most familiar*; *to display an attitude perceived as morally superior* [Collins Dictionary, 2025]. Обращаясь к грамматическим особенностям, фраза *She was my manager for 20 years* выдаёт нормы американского английского, т.к. для описания действия, начавшегося в прошлом и продолжающегося по настоящее время, используется Present Perfect. Past Simple употребля-

ется в AmE вместо Present Perfect, – такая замена допустима и часто встречается, даже если есть маркеры времени (*since, for*).

В синтаксисе Джиллиан Андерсон можно отметить использование формального языка, естественного для стандартного британского с характерной для него «высокой» лексикой (*I was utterly overwhelmed by the response, and, frankly, quite moved*) и более «простые» разговорные конструкции в американских интервью (*It was crazy. I couldn't believe it*), что позволяет заключить то, что её британский английский имеет тенденцию быть более размеренным и литературным, в то время как её американский английский расслаблен и идиоматичен. Эти стилистические контрасты также отражают скрытые стратегии престижа, о которых писала Элизабет Питерсон в “Making Sense of “Bad English”, а именно сознательное или бессознательное соответствие культурному коду каждого контекста. В интеллектуальной или драматической обстановке (например, “*The Fall*”, “*The Crown*”) она усиливает свой BE, в то время как в мейнстриме или голливудских интервью она «облегчает» свой язык для AE.

Таким образом, бидиалектизм, или переключение кодов, Дж. Андерсон выполняет несколько функций, а именно приспособление или адаптация к аудитории, нескрываемое отражение её происхождения и ассимиляция через проговаривание и обсуждение, смена «языка» для получения признания от соответствующей аудитории. Более того, следует подчеркнуть, что реакция общественности на переключение кодов (*Why is she faking a British accent now?* и *Why is she faking a British accent now?*) (комментарии на YouTube) подтверждают, что переключение кодов бросает вызов ожиданиям слушателей, тем самым подтверждая, что даже “Good English” при постоянном переключении кодов становится “Bad English”.

Из представленного выше материала очевидно, что языковая маргинальность является сложным и многогранным явлением, требующим междисциплинарного подхода для полного его понимания. Лингвистические, социолингвистические, антропологические, культурологические и психолингвистические подходы в исследовании конкретных проявлений маргинальности определённого языка позволяют выявить основные аспекты и последствия его маргинализации. Эти знания могут стать ключом к пониманию причин использования маргинального языка, для дальнейшего понимания его функции; делающей вклад в культурное и языковое разнообразие мира.

1.7. МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РАЗГОВОРНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (ПО СООБЩЕНИЯМ ЧАТА REDDIT "BLACKPEOPLETWITTER")

Исследователи-языковеды со вниманием относятся к разного рода формам общения, бытующим в настоящее время. Ведутся исследования не только письменной, но и устной речи, художественных текстов и разговорных высказываний. Современная коммуникация демонстрирует непрерывные процессы слияния и разъединения её видов и форматов, меняется выбор языковых средств вслед за событиями в культурной и экономической жизни общества. В речи проявляются изменения благодаря техническим новинкам, таким как электронные устройства для человеческого общения. В то же время их появление даёт возможность отследи́ть новые формы коммуникации, в том числе, неформальную речь.

Разговорная речь, как указывает О. А. Лаптева в статье Большой российской энциклопедии, это «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия» [Лаптева, 2025]. В. Д. Девкин понимает разговорную речь как речь непринуждённую, несколько сниженную, спонтанную, устную, преимущественно ситуативно обусловленную, чаще диалогическую [Девкин, 1979, с. 11].

Разговорная речь проявляется не только в живом (офф-лайн) общении, но и в виртуальном его варианте. Исследователь А. Е. Войскунский даёт следующее описание виртуальной коммуникации: «Виртуальная коммуникация, общение с удалённым партнёром или группой, опосредствованное компьютером и системой телекоммуникаций (компьютерной сетью). Осн. виды письм. В. к.: общение в режиме реального времени (чат); общение с перерывами между сообщениями – электронная почта (англ. e-mail); ньюсгруппы (телеконференции для мн. участников) и др.» [Войскунский, 2025]. Рассмотрим явление «чат-коммуникации», которая определяется исследователями как один из видов письменной виртуальной коммуникации.

Природу чат-коммуникации и других сходных речевых жанров одни исследователи определяют как письменную форму разговорной речи, другие описывают гибридный характер чат коммуникации, то есть совмещение черт устной разговорной речи и характеристик письменных сообщений.

Так, в целом онлайн коммуникация в сети определяется как письменно-звуковая форма речи или новая гибридная форма [Голев, 2013, с. 14; Кибрик, 2009, с. 3–21; Литневская, 2007, с. 393–478].

А. А. Зализняк и И. Микаэлян [Зализняк, 2006, с. 157–162], рассматривая переписку по электронной почте, называют виртуальный вид общения *спонтанной письменной* речью.

Исследователь А. В. Занадворнова уточняет этот термин и предлагает оперировать термином *«непринуждённая письменная речь»*. [Занадворнова, 2024, с. 86–96].

Вслед за исследователями Н. Д. Голевым [Голев, 2013, с. 14] , Е. А. Земской [Земская, 1968, с. 5], Е. И. Литневской [Литневская, 2013, с. 170], М. Н. Кожинной [Кожина, 2008], М. Ю. Сидоровой, В. С. Савельевым [Сидорова, 2008, с. 398], Т. Н. Колокольцевой [Колокольцева, 2016, с. 102–108], А. В. Занадворнова склоняется к мнению о существовании *письменной разговорной речи* или *письменной формы разговорной речи*.

Е. И. Литневская указывает также, что среди таких письменных форм могут быть названы чаты, форумы, гостевые книги и другие формы интерактивного общения, переписка по электронной почте, смс-сообщения, общение на «афтарском языке» [Литневская, 2010, с. 1186–1189].

Итак, исследователи едины во мнении о том, что чаты общения представляют собой письменную форму разговорной речи.

Н. А. Кубракова [Кубракова, 2009, с. 140–145] выделяет такие виды чатов в сети и мессенджерах:

- специализированные;
- развлекательные;
- чаты знакомств.

Анализ речевых высказываний в чатах, как отмечает Н. А. Кубракова, указывает на усиление тенденции разговорности в чат-коммуникации и трансформации черт, характерных для разговорной речи, в современной чат коммуникации.

В отличие от устной разговорной речи чат-коммуникация происходит посредством компьютера, а значит, является опосредованной, что отличает чат коммуникацию от разговорной речи. Чат-коммуникация «в текстовой своей форме лишена паралингвистических средств (мимики, жестов, интонации), которые составляют значительную часть непосредственного общения» [Там же].

Такая черта разговорной речи, как неофициальность, «ярко проявляется в чат-коммуникации и даже усиливается вследствие действующей в ней анонимности» [Там же]. Однако также было отмечено, что в специализированных, профессиональных чатах общение скорее можно назвать официальным.

Исследователь указывает на фактор ситуативной обусловленности разговорной речи. Для чат-коммуникации не характерна полная форма ситуативной обусловленности, хотя остаются такие параметры, как обшая апперцепционная база участников и их личностные характеристики.

Н. А. Кубракова также описывает характеристики коммуникации в чате. Это участие в общении неограниченного числа собеседников в режиме реального времени, в котором происходит обмен текстовыми со-

общениями. Это и наличие политематичности в чате, которое также сближает чат-коммуникацию с разговорной речью.

Перечисленные характеристики упоминаются также в труде британского исследователя Д. Кристала [Crystal, 2001, p. 129–130]. В дополнение к уже указанным чертам, по его мнению, стоит отметить следующие лингвистические характеристики англоязычной чат-коммуникации [Там же]:

- чрезмерное использование местоимения «я»;
- частое использование «it» для введения персональной точки зрения;
- использование глаголов со значением внутренних переживаний или описания эмоций;
- повторяемость риторических вопросов, вопросов с окончанием «не так ли» и вопросов после утверждений.

Ряд характеристик англоязычного чата на уровне лексики отмечен также в работе отечественного автора Я. А. Ильинской [Ильинская, 2020, с. 62–63]: наличие разных вариантов сокращений целых слов, словосочетаний и предложений, использование при этом варианта с аббревиатурами, с числами и другими символами, которыми располагают электронные устройства.

Англоязычная чат коммуникация реализуется на разных платформах. Это Facebook, Twitter, Instagram, Snapchat, Reddit. Рассмотрим специфику коммуникации на платформе Reddit.

Исследователи А. Г. Фомин, Н. А. Смакотина отмечают: «С точки зрения информационно-структурной организации веб-площадка Reddit.com является сочетанием черт форума и сетевого чата. Контент сайта в виде публикаций текстов, ссылок, видео и картинок, а также комментариев к ним создаётся пользователями площадки – подписчиками различных тематических сообществ (реддитов и сабреддитов), созданных модераторами сайта Reddit.com на основе интересов зарегистрированных пользователей сайта (реддиторов). Публикационная активность реддиторов формирует топикальные темы площадки (topics), в рамках которых публикуются сообщения в ленте доски Reddit.com. Интерфейс веб-сайта Reddit.com содержит графические параметры, такие как размер и шрифт заголовков публикаций, и включает древовидную систему комментариев и голосования пользователей (стрелочками вверх / вниз). Визуальный компонент интерфейса достаточно информативен, т. к. отображает не только рейтинг публикации по системе лайков / дислайков, но и по количеству комментариев, что отражается на продвижении публикаций на сайте в топикальной теме» [Фомин, 2024, с. 328].

Другие исследователи называют Реддит социальной сетью, которая представляет своим пользователям множество функций. Эти функции дают возможность обсуждать интересующие их темы, делиться друг с

другом графической и текстовой информацией, выражать собственные мнения и эмоции. «Реддит ставится в один ряд с открытыми социальными сетями Facebook, Twitter, Instagram, Snapchat» [Браницкий, 2022, с. 8].

Для письменной разговорной речи, как и для других стилей и жанров, характерны определённые закономерности по использованию механизмов метафоры и метонимии.

Метафоры делят по разным критериям: на языковые и речевые; на антропоморфные, зооморфные, синестезию; различают признаковую и идентифицирующую метафору [Иванова, 2011, с. 61–62].

А о другом явлении, метонимии, исследователи Т. С. Круглова, Р. С. Луценко, Ю. В. Рубайло говорят так: «Чаще всего классификация метонимий сводится к трём главным группам: или в основание деления кладутся отношения пространственные, временные и причинные, или же категории сосуществования, последовательности и логической внутренней связи» [Круглова, 2012, с. 171–172]. Они также отмечают: «Метонимию можно характеризовать, и в соответствии с этимологией этого слова, как своеобразное именование, переименование предмета сложного логического или материального состава по существенному конститутивному его элементу. И если метафору иногда определяют как сжатое сравнение, то метонимию можно было бы определить как своего рода сжатое описание» [Там же].

Исследователи приводят и вариант классификации метонимии: «Принято различать собственно лексическую (номинативную) метонимию, синтаксически и семантически связанную метонимию и ситуативно обусловленную метонимию» [Там же, с. 172].

Случаи метонимии объединяют в классы языковой и речевой метонимии: «языковая (лексическая, узуальная, регулярная) метонимия, исследование которой лежит в плоскости лексикологии, и речевая (окказиональная, нерегулярная, дискурсивная) метонимия, изучением которой занимается, в частности, стилистика. И. Р. Гальперин указывает на то, что «метонимия, так же как и метафора, с одной стороны, – способ образования новых слов и стилистический приём, с другой. Таким образом, метонимия тоже делится на «языковую и речевую». [Гальперин, 1958, с. 130].

Н. Д. Арутюнова в этой связи пишет о том, что метафора и метонимия выполняют разные функции, которые соотносятся с определёнными синтаксическими позициями.

Так, метафора используется в сфере предиката (шире, атрибутов), обеспечивая характеризующую функцию, а метонимия применяется для идентифицирующей функции и встречается в части субъекта [Арутюнова, 1999, с. 352].

При обращении к разговорной речи исследователи отмечают определённую специфику употребления. Так, О. В. Федосова отмечает, что, например, в испанской речи «разговорная метафора активно функционирует в области характеристики внешности человека, его физических данных, ментальных способностей, морально-нравственных качеств, возраста, речевых особенностей, рода занятий, профессии, социального статуса, здоровья, душевного и физического состояния, поступков, страстей, характера, политических взглядов, национальности, отношений с деньгами, а также в других областях антропосферы» [Федосова, 2008, с. 54].

Другим исследователем также отмечается, что для разговорной речи характерны свои способы формирования метафоры и метонимии. «В РР (разговорная речь) распространены стереотипные метафоры и сравнения, которые понятны и используются всеми участниками общения, независимо от их возраста, пола, социально-профессионального статуса. Однако встречаются во всех исследуемых тематических группах и индивидуально-авторские метафоры и сравнения, причём используются они преимущественно в речи молодёжи...» [Яхина, 2007, с. 11].

Д. А. Дерюгина указывает на то, что метонимия в разговорной речи является полифункциональным процессом. Автором исследования были выделены функции метонимии в русской разговорной речи: «экономия сил и средств, эмоционально-экспрессивная, функция языковой игры, номинативная, функция эвфемизации, ассоциативная, опознавательная». [Дерюгина, 2021, с. 845–846].

В настоящей работе анализ вербальных сообщений (в терминах А. Г. Фомина и Н. А. Смакотиной – «собственно вербальных»), представлен знаками языка, то есть, содержат вербальный канал передачи информации [Фомин, 2024, с. 329]. Сообщения были заимствованы из темы обсуждения под заголовком «Ignoring the gunshots, what killed this man?». На момент сбора данных в этой теме были размещены 270 сообщений.

Тема представлена как ответная реплика на репост от пользователя (HRH N*mp***) в ответ на вопрос одной из реддиторов (MA LE BO). Таким образом, представляется возможным проследить, какой обмен сообщениями предшествовал обсуждению:

1 пользователь (MA LE BO): *Without blaming apartheid that ended 31 years ago, why do black South Africans still struggle economically?* (Если не винить во всём только апартеид, который завершился 31 год назад, почему африканцы в ЮАР все ещё не преодолели трудности в экономической сфере? (перевод мой – Г. Ч.)

2 пользователь (HRH N*mp***) : *The apartheid you don't want to blame.* (Про апартеид, который ты не будешь винить.)

3 пользователь (BaldHourGlass667 OP): *Ignoring the gunshots, what killed this man?* (Если не упоминать выстрелы, что убило этого человека?)

Тема обсуждения начинается с поста реддитора, которая задаёт вопрос о причинах неуспеха чернокожих африканцев в ЮАР в экономической сфере, после того как период апартеида уже завершился. При этом

реддитор указывает, что не следует экономическую нестабильность страны и чернокожих граждан этой страны объяснять периодом апартеида.

Большинство реддиторов восприняли такой вариант вопроса крайне негативно, так как им не давалась возможность указания на апартеид как на самый важный фактор экономического неуспеха в ЮАР. Данную тему для обсуждения выбирали пользователи, для которых тема расизма является значимой и не оставляет их равнодушными.

Первый обзор и фиксация данных из древовидного обсуждения проводились через 9 часов после публикации первого сообщения в чате, и собраны все ответные сообщения обсуждения за этот временной промежуток. Все последующие сообщения реддиторов для лингвистического анализа не использовались. Количество вербальных сообщений составило 270, это количество стало основой для анализа [Ignoring the gunshots, what killed this man?, 2025].

Было обнаружено, что и в этом речевом жанре находит подтверждение мнение Д. И. Яхиной [Яхина, 2007, с. 11] о том, что для разговорной речи характерны языковые метафора и метонимия.

Преобладающее количество обнаруженных высказываний с метафорой и метонимией представляли реализацию механизма языковой метафоры и языковой метонимии, также были обнаружены редкие случаи речевой метафоры.

Языковая метафора в таблице 1 представлена курсивом.

Таблица 1

Случаи языковой метафоры

It's funny when people <i>throw out</i> phrases like "31 years ago"...
I was looking up Jewish population statistics, and the total world Jewish population <i>hit</i> 16 million this year...
Took 80 years for Jews <i>to recover</i> their population to pre-Holocaust numbers...
Actually I was arguing with someone else about the lingering effects of apartheid and this dipshit said "if apartheid <i>had discriminated</i> against white people, there wouldn't be lingering effects, we don't <i>wallow in it</i> ."
To which I just started <i>to lecture</i> him on how fucked the North still is as a result of a far milder apartheid...
That I was able <i>to cross paths</i> with her really illuminated how not long ago that really was...
Our history isn't so far <i>removed</i> as we would really like to think...
Slavery didn't <i>go away</i> , it just <i>went behind bars</i> .
The Home Mortgage Disclosure Act <i>tried to fix</i> this in the 70's...
In 2015 the CFPB <i>took over and got strict</i> on banks following the regulations...
They <i>passed</i> those benefits down to my parents...

Как можно видеть по примерам в таблице, метафора используется в предикатной части в разных глаголах, на что уже ранее указывали исследователи [Арутюнова, 1999, с. 120–124]

Метонимии, обнаруженные в чате по выбранной теме, касались следующих объектов номинации:

– Наименования государственных и политических групп: *government, conservatives, republicans, ANC, confederates*.

– Наименования географические и локационные: *the Philipines, Japan, South Africa, US, France, Haiti, Florida, Union, The Post Civil War South, Fringe*.

– Наименования расистских и антирасистских движений и механизмов: *apartheid, slavery, Jim Crow, segregation, racism, KKK, Tulsa Race Massacre, Civil Rights Movement, Black America*.

– Наименования хронологических периодов: *First World War, the Great Recession*.

Примеры метонимии приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Случаи метонимии

Many people's older relatives lived through <i>Jim Crow and segregation</i> .
I was born over 120 years after <i>slavery</i> ...
It's insane that there's 100 years between you and <i>slavery in the US</i> , and here in the UK my grandfather who was born around the end of the <i>First World War</i> nearly shot a US Marine sergeant in front of his men because he couldn't understand that in England black people were allowed to be in the pub.
My mother AND father were born in <i>the South</i> as second-class citizens during <i>Jim Crow</i> .
<i>Slavery</i> didn't go away, it just went behind bars.
<i>The Republicans</i> didn't go nearly far enough in dealing with those traitorous southern <i>conservatives</i> .
<i>The Home Mortgage Disclosure Act</i> tried to fix this in the 70's.
In 2015 the <i>CFPB</i> took over and got strict on banks following the regulations.

В таблице приводятся примеры частотных вариантов метонимии, которые можно обозначить как модели целое – часть, действие – время, место – совокупность жителей/событие. Можно предположить, что выбор реддителями данных моделей для своих высказываний ограничивается темой обсуждения.

Частотной речевой конструкцией можно назвать синтагматическую схему (или последовательность употребления) метафоры и метонимии. Мы видим, что метонимия наблюдается в субъектной части, а метафора – в предикатной (табл. 3).

Таблица 3

Последовательность употребления метафоры и метонимии

<i>The Republicans</i> didn't go nearly far enough in dealing with those traitorous southern <i>conservatives</i> .
<i>The Home Mortgage Disclosure Act</i> tried to fix this in the 70's.
In 2015 the <i>CFPB</i> took over and got strict on banks following the regulations.

В первом примере лексема «*The Republicans*» иллюстрирует проявление метафоры, а глагольная форма «*didn't go*» – метонимии. И в остальных случаях эта последовательность не меняется: метонимия реализуется в лексемах *The Home Mortgage Disclosure Act, CFPB*, а метафора используется с лексемами *tried to fix, took over and got strict on*.

Случаи речевой метафоры демонстрируют желание реддиторов придать экспрессии своему сообщению, для этого выбирались такие лексемы как *tear* в примере: *If I tear your house down*. В своём сообщении автор описывает возможный неприятный инцидент с недвижимостью, чтобы показать насколько финансово неблагополучно и социально незащищенными были чернокожие граждане в ЮАР после изменения статуса апартеида.

Другие случаи использования речевой метафоры представлены в таблице 4.

Таблица 4

Why do people think that when regime or political change <i>the scars are instantly healed</i> What part of “systematic” are people not understanding haha.
It’s like the whole black fatigue thing. People online act like it’s some <i>wide spread sediment</i> vs a strong perception by terminally online people who don’t interact with black folks on a regular basis outside of seeing clips of the worst of us on Twitter to form a real opinion.
FREEDOM IS NOT ENOUGH But freedom is not enough. You <i>do not wipe away the scars of centuries</i> by saying: Now you are free to go where you want, and do as you desire, and choose the leaders you please.

В обсуждениях на платформе Reddit используются также модели расширенной или устойчивой метафоры. Такой вариант метафоры основан на узнаваемом фрейме или сценарии. Так, например, чтобы пояснить, насколько тяжело чернокожим гражданам ЮАР добиться экономического процветания, один из реддиторов (TriliflopsFMP) использует в сообщении расширенную метафору:

This analogy is about slavery, but I feel like it rings true for any institutionalized oppression. I forgot where I heard it so I won’t take credit, but the way that I try to explain it to people that “don’t get it” because “slavery was so long ago” is this:

Imagine playing Monopoly with some friends. And at the beginning, because of the skin color of the people playing, only you get to play for the first FOUR HUNDRED rounds. No black or brown people get to play while you buy up all the property and make all the money. Then, people of color get to start playing, but they only get half of the benefits each turn. Half of the money they should be getting. Half the property they should be getting. Half the rent they should be paid. And then after 100 turns of that, everyone gets to play

with the same rules. Are you going to ask them after 50–60 turns why they haven't caught up and why they're complaining that this isn't set up fair? Because if you do, you're an asshole.

В этом примере проводится аналогия между экономико-социологическими условиями в ЮАР и игрой «Монополия». Во фрейме узнаваема и схема игры, и участники, и правила, которые в этом случае изменены только в слоте с характеристиками игроков: игроки с определённым цветом кожи не могут принять участие в игре в первых раундах. А позднее, получая это право, все же не имеют возможности выиграть.

Другой участник обсуждения в чате «Ignoring the gunshots, what killed this man?» (Fallingice2) использовал такой же вид метафоры, но уже с образом снежного кома:

Think of 2 snowballs rolling down a hill getting larger as it goes down. one starts at the top and has been rolling for over a hundred years while the other started 75% of the way down and only for 31 years. which snowball do you think is larger and has more momentum? The past matters, and people build on the previous generations foundation. its the same everywhere. people assume after slavery in the us, blacks were now equal on the same foot, when most couldnt read or had access to capital. its not hard to figure out.

В этом случае экономические возможности чернокожих граждан ЮАР сравниваются со снежным комом, который катится с меньшей высоты или дистанции, чем другой большой ком снега. Таким способом сравниваются финансовые возможности чернокожих людей, которые однозначно менее выгодны.

В ходе исследования теоретические положения о более частом использовании в неформальной речи языковой метафоры и языковой метонимии по сравнению со случаями речевой метафоры и метонимии нашли своё подтверждение. В то же время тексты сообщений в чате Реддит «Ignoring the gunshots, what killed this man?» показали частотность использования сочетания метонимии в субъектной части и метафоры в примыкающей предикатной части высказывания (метонимия + метафора).

1.8. ПЕРЕДАЧА ЧУЖОЙ РЕЧИ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

Словосочетание «чужое слово» многозначно. В лингвистике, ориентированной на межкультурную коммуникацию, слово «чужой» воспринимается в оппозиции: свой – чужой. Чужим будет воспринято разговорное слово в официальном докладе или, напротив, научный термин в диалоге на бытовые темы. О чужом слове можно говорить и в случае переключения кодов в (субординативном) билингвизме, когда к «своим» словам вдруг примешивается слово иноязычное, т. е. «чужое». На уроке учитель просит ученика пересказывать текст «своими словами» – значит ли это, что книжная речь звучит как слово чужое? В лингвостилистике

используется понятие «чужой» речи как способ её передачи – прямая, косвенная и несобственно-прямая речь в разных типах текста и дискурса.

Проблеме передачи чужой речи и её прагматическому (коммуникативному) потенциалу в разговорной речи посвящён данный параграф. Материалом для исследования послужили фрагменты диалогов из немецкоязычной художественной литературы и записи устной разговорной речи.

Генетически именно устное речевое произведение является первичным, письменная же его фиксация – вторична. В 70-х гг. XX века, на фоне интереса к функционально-прагматическому аспекту языка и становления лингвистики текста, В. Дресслер, критикуя ориентацию Р. Харвега преимущественно на письменный текст, подчёркивает: «Исходным пунктом исследований должна быть всё-таки, где только возможно, устная речь» [Дресслер, 1978, с. 115–116]. Отнесение понятия текст в равной степени к письменным и к устным речевым произведениям подчёркивает Г. Вейнрих [Weinrich, 1976].

Разговорная речь как лингвистический феномен неотделима от экстралингвистических факторов: обстоятельств и коммуникативной ситуации, адресанта и адресата речи, канала связи. Таким образом, реализация коллоквиальных высказываний в форме диалога или монолога, в устной или в письменной форме представляет собой дискурс в его классическом представлении как высказывании, взятом в событийном аспекте.

В настоящей работе за исходную точку зрения берётся представление о разговорном монологе как дискурсивном речевом произведении одного лица, которое не прерывается в течение длительного промежутка времени другим собеседником, характеризуется интонационной цельнооформленностью и обладает относительной автономностью в структуре естественного диалога вследствие смысловой, структурной и коммуникативной целостности [Амзаракова, 1985, с. 10–11].

Обычно содержание разговорного монолога лежит вне предметной ситуации общения, но тематически связано с ней, определяется контекстом. Можно выделить четыре пути возникновения темы разговорного монолога:

- просьба участников коммуникации, прямое побуждение к монологическому говорению;
- возникновение самостоятельного замысла у его автора в результате развития темы разговора;
- самостоятельный замысел автора РМ возникает до начала беседы и тема РМ определяет тему разговора;
- экстралингвистическая обусловленность замысла, связанная с предметной обстановкой протекания речи (монолог-репортаж, совет, инструкция).

Тема задаётся либо предваряющими репликами собеседников (интродукцией), либо первыми предложениями разговорного монолога и раскрывается по мере развертывания высказывания. При этом функция заголовочного высказывания не сводится только к концентрации тематического содержания, она состоит в том, что создаёт ту рамку смыслового напряжения, которая способствует правильному пониманию содержания и облегчает восприятие разговорного монолога.

Впечатление смысловой целостности разговорного монолога возникает у слушающего благодаря единству смысловой доминанты текста, наличию смысловой "нити, которая создаёт линейный характер восприятия сообщения" [Гальперин, 1981, с. 130]. Разговорный монолог воспринимается как целостный уже в процессе его произнесения, т. е. смысловая целостность воспринимается как процесс. Говорящий преследует определённую цель, реализуя своё намерение, и в соответствии с этим развертывает текст. Прекращается говорение только тогда, когда говорящий считает свой замысел, положенный в основу монолога, полностью реализованным. Реплики слушающего не разрушают целостности разговорного монолога, а, напротив, подтверждают процесс восприятия речи. Если продолжительное высказывание закончено в смысловом отношении, т. е. его содержание соответствует сформулированному в интродукции, то у слушателя не возникает, как правило, потребности стимулировать продолжение корректирующими вопросами. В таком случае роли говорящий / слушающий меняются.

В содержательной структуре разговорного монолога важное место занимает тема, т. е. предмет, обсуждаемый в высказывании. В своё время мы выделили типы и жанры разговорного монолога на основе темы, интенции и коммуникативной ситуации. В нарративном типе сообщения это рассказ и репортаж, в дискриптивном типе – объяснение, дефиниция, характеристика и рецепт. В директивном типе воздействия – инструкция, приказ, план действий, в аргументативном типе – это совет, рекомендация, нотация, убеждение, выговор, нравоучение. К импрессивным типам относятся эмоциональный рассказ, руссуждение «по поводу», исповедь, «болтовня» [Амзаракова, 1985, с. 84–85]. В каждом из названных жанров возможно использование говорящим пересказа «чужих» слов и высказываний.

Монологи, передающие чужую речь, т. е. описывающие разговор, представляют собой своеобразную цитацию. Цитация в непринуждённом рассказе – весьма распространённая черта монологического говорения. Прямая речь придаёт достоверность передаваемому сообщению, способствует убедительности и наглядности речи, приближает изображение к слушающему. Другой причиной широкого распространения цитации (в виде прямой и косвенной речи) в диалоге является экономия умственных затрат на обобщённую обработку содержания передаваемого разговора.

Среди современных работ анализу способов передачи чужой речи посвящают свои исследования Чой Чжи Ен [Чой Чжи Ен, 2001], Е. С. Зорина [Зорина, 2011], Н. Л. Байдикова [Байдикова, 2018], О. А. Блинова [Блинова, 2021]. Под чужой речью понимаются в целом высказывания и их фрагменты, передающие слова и мысли, не принадлежащие субъекту речи. Чаще всего анализируются прямая речь, косвенная речь и несобственно прямая речь в художественных текстах. Прямая речь в художественном дискурсе создаёт эффект динамичности, естественности, вовлечённости читателя в событийное пространство.

С функционально-смысловой точки зрения, высказывания, передающие разговор, представляют собой своеобразную контаминацию описания, повествования и рассуждения. В них выделяются два плана изображения:

- описание самой ситуации коммуникативного акта (где, когда, кто говорит, как говорит, в какой последовательности и пр.),

- содержание передаваемой чужой речи, которое может представлять собой как повествование, так и рассуждение или собственно описание. Другими словами, на описательном фоне разворачивается повествуемое событие.

Самым распространённым способом передачи чужой речи в разговорном дискурсе является её драматизация посредством изменения тона, тембра, и других просодических средств. На случайно, ввод оформляется самыми простыми, но самыми ёмкими по семантике глаголами речи [Храмова, 1981, с. 70]: *sagen, antworten, fragen*, поскольку другие оттенки описываемой речи передаются просодическими и паралингвистическими средствами.

Ср. русск.: «А вот Люся двоюродная сестра живёт, паровое отопление у них, они задыхаются. <...> И вот я *говорю*: Люся не могу в такой духоте, ты меня извини, но я, я *говорю* ухожу. Она: Ну дак мы окно откроем, чего ты? Только пришла. Я *говорю*: Ну как ты здесь? Ну, меня же тоже дома не было я уходила, а сейчас мы откроем. И открывает окно» [Инфантова, 2006]. Интересно, что вводом оформляется прямая речь говорящего (подчёркнуто сплошной линией), а высказывания партнёра (подчёркнуто пунктиром) выделяются в звучащей речи интонационно и по содержанию. Для прямой речи рассказчика этих критериев недостаточно: надо отделить свою же речь как автора от своей речи как части передаваемого диалога, поэтому ввод необходим.

Словами автора, т. е. вводом, создаётся описательный контекст, представляющий перед слушающим ситуацию передаваемого диалога. Характерно, что глагол ввода употребляется, как правило, в презенсе, хотя описывается ситуация, имевшая место в прошлом. Для этого имеются, на наш взгляд, следующие причины: I) сама прямая речь, когда она цитиру-

ется, является показателем прошедшего времени – таким образом, прошедшее время глагола ввода избыточно; 2) на презенс ввода действует иррадиация глагольных форм предыдущего контекста; 3) презенс употребляется в стилистических целях для "репортажности", наглядности изображения. Всё это можно проследить на одном примере: *Als sie 'raufkam, hab' ich sie mir vorgenommen, ganz klar. Kattrin, sag' ich, wenn du einen festen Freund hast, bring ihn ruhig mal mit. – Tut mir leid, sagt sie, ich hab' keen' festen Freund. – Und der, sag'ich, mit dem du dich eben geküßt hast? – Ach der, sagt sie, tote Hose, der Mann, den kenn' ick bloß so (Röhl).* Презенс глаголов ввода рельефно выделяет диалог из всего повествования, а претерит предыдущего контекста, иррадируя на последующие глаголы, позволяет безошибочно отнести описанный диалог к сфере прошлого. Главной функцией глаголов речи здесь остаётся функция указания на принадлежность речи тому или иному лицу, т. е. функция описания коммуникативной ситуации.

Настоятельное подчёркивание принадлежности речи приводит к удвоению глагола речи, к избыточному его повторению: *ick sag zu ihm, Junge, sage ick, wir machen uns ein' gemütlichen Tag...* Ср. русск.: "Я ему и говорю: знаешь, говорю, оставь эту затею". Подобную избыточность в разговорной речи можно наблюдать не только на примере глаголов речи. Это вообще достаточно частое явление диалектной речи, которое исходит из устного характера и одномоментности говорения. В продолжительном высказывании нагрузка на возможности запоминания особенно велика, поэтому явления избыточности в виде синтаксически излишнего повтора характерны для разговорного монолога: *Und die ham genau zehn Kinder ham die...*

Чужая речь передаётся и формой косвенной речи. Интересно, что чем пространнее передаваемая реплика, тем больше вероятность появления косвенной речи и конъюнктива. С одной стороны, это связано с неестественностью длительного «перевоплощения» коммуниканта в говорящее лицо: такое возможно и естественно только в ситуациях «сценок», когда кто-то, специально копируя речевую манеру знакомого ему лица, «играет» этого знакомого. С другой стороны, передача обширной реплики, продолжительного высказывания третьего лица в форме прямой речи нарушила бы принцип достоверности коммуникации, поскольку даже в благоприятных условиях общения собеседник не в состоянии дословно запомнить – а затем и передать – высказанную его партнёром продолжительную тираду.

В русской разговорной речи обычно особым тоном передаётся речь критикуемого (без сохранения фотографичности). В немецком языке используют для этого дополнительное средство – конъюнктив.

К прямой речи, представляющей собой незначительные по протяженности высказывания, в монологе прибегают тогда, когда ставится цель передать сам процесс разговора. Если же говорящего интересует содержание передаваемой речи, то он скорее прибегнет к речи косвенной. Кроме того, выбор формы передачи чужой речи зависит и от того, передаётся ли речь одного лица или диалог. В первом случае предпочтение отдаётся косвенной речи, во втором – прямой. Так, в нижеследующем примере натурщица, рассказывая о художнике, все время ссылается на его слова: *Er heißt nicht wirklich Eder, sondern Edersedel. Das "sedel" läßt er weg, weil er es lächerlich findet. "Eder, das bin ich", sagt er, "Edersedel" war ich in der Schule; nur wegen dem verfluchten Namen bin ich zweimal sitzengeblieben"...* Während er malt, redet er ununterbrochen von sich selbst. Anderen schneidet er das Wort ab. Er sagt, er braucht Ruhe bei seiner Arbeit. Wenn er selber spricht, bleibt die Ruhe erhalten, weil er nur ausspricht, was er sowieso denkt. Das Sprechen nennt er eine Nebenäußerung, die Hauptäußerung sei das Malen. Wenn er malt, muß er sprechen; solange er geschwiegen habe, sei seine Arbeit ihm mißlungen. Denn er könne sich nicht teilweise zurückhalten und teilweise verausgaben. Ich weiß nicht, was schlimmer ist, das Reden oder die Malerei (Höfele).

Слова Эдера, переданные прямой речью, являются иллюстрацией к предыдущему высказыванию: «Он находит своё имя смешным». Затем переход к косвенной речи обусловлен тем, что для говорящего, характеризующего Эдера посредством его высказываний, важно не то, как он говорил, а что говорил, т. е. содержание речи.

Распространённой формой передачи диалога, участником которого был сам говорящий, является воспроизведение собственных слов в прямой речи, а слов партнёра – в косвенной речи с применением глаголов, описывающих речевой акт: *nennen, meinen, behaupten, sagen* и т. д. Обычно таким приёмом пользуются, пытаясь показать себя перед слушающим в лучшем свете, когда особый вес придаётся своим словам:

(1) *Stellt mir Frau Schluffmusen son grämlichen Raben vor: Herr Schadolske, der Trauerredner.* (2) *Wat denn, sag ick, is ja nett von Ihnen, aber ick hab kein Redner bestellt, wat zu sagen is, sag ick da drinne.* (3) *Wird der Kerl doch kiebig und fragt mir nach meine Rednererlaubnis.* (4) *Drauf ick, janz bescheiden: So wat hab ick nich, aber der Dote war'n Freund von mir.* (5) *Sagt die Schluffmusen: Herr Kleinekorte, es ist üblich, ... /.../* (6) *Nee, erwidere ick, /.../* (7) *Nu hättense mal den Kerl sehen sollen,* (8) *der /.../ krähte*

los: Er läßt sich doch von ein Amateur wie mir nich um sein Broterwerb bringen, und ob ich wüßte, deß pro Beerdigung fünfundzwanzig Eier für ihn dranhängen? (6) Und wenn ick ihm diese Leiche nich lasse, jeht er bis zum Staatsrat (Wiesner).

В приведённом примере передаётся полилог. Предложения 1, 2, 4, 5, 6 содержат прямую речь, при этом основное содержание разговора приходится на прямую речь говорящего (2, 4, 6). На долю других участников разговора приходятся лишь краткие высказывания в форме прямой речи (8, 9) и описательные предложения (3). Косвенная речь передаёт в данном примере довольно просторную реплику партнёра.

Исследователи немецкой спонтанной речи отмечают типичность бессоюзного присоединения предложений после глаголов говорения и мышления [Wackernagel-Jolle, 1971; Hang, 1973; Храмова, 1982]. Присоединяемые предложения имеют форму главного предложения: *...der krähte los: Er läßt sich doch von ein Amateur wie mir nich um sein Broterwerb bringen.* Это размывает границы между прямой и косвенной речью: существенным ориентиром для их различения остаются личные местоимения, обращения и модальность предложения. Так, вышеприведённый пример путём трансформации личных и притяжательных местоимений легко переводится в речь прямую: *...der krähte los: ich lasse mich doch von ein Amateur wie Sie nich um mein Broterwerb bringen.* При этом трансформации ввода не требуется. При явной тенденции к замене конъюнктива индикативом в передаче чужой речи значимость конъюнктива в контексте возрастает: один модальный или вспомогательный глагол в конъюнктиве окрашивает своей модальностью весь контекст передаваемой речи (в приведённом примере это глагол *wissen*: *ob ich wüßte*).

Передача разговора и цитация в виде прямой речи придаёт разговорному дискурсу пластичность, делает его динамичным и наглядным. Не случайно, в таких продолжительных высказываниях часто содержится ещё один признак динамизма: начальное местоположение сказуемого во вводе, что в целом подчёркивает экспрессивность высказывания. Необходимо отметить, что экспрессивность разговорного монолога с чужой речью во многом определяется характером ввода. Наибольшей экспрессией обладает диалог, передаваемый средствами просодии, вообще без ввода или же безглагольным вводом: *Er: "... Sie: "...* В приведённом примере: *"Drauf ick, janz bescheiden:..."* Ср. русск.: *"Она: Ну дак мы окно откроем, чего ты?"*

В разговорном дискурсе чужая речь может передаваться и без прямого указания на её принадлежность определённому лицу, а посредством особого отбора лексики, использования любимых словечек из речи изоб-

ражаемого лица. Такая стилизация возможна только с опорой на пресуппозиции слушающего и на широкий речевой контекст: *Als ich meine Frau und das Kind nicht zu Hause fand und bloß ein Brief da war, zur Mutter gegangen nach Westpreußen und so weiter, verfehlte Existenz, son Mann und die Schande und so weiter...* (Döblin).

В заключение следует подчеркнуть, что для передачи диалога в разговорном монологе предпочтение отдаётся формам прямой речи, что вполне соответствует тенденции к экономии и избыточности разговорной речи и ведёт к фотографичности изображаемого.

Раздел 2. РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

2.1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСОВ: КАК НАША ЖИЗНЬ ВЛИЯЕТ НА ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Начнём с примеров взаимодействия дискурсов.

Фантастика и наука: писателю Александру Беляеву принадлежит идея замены хрусталика глаза искусственным аналогом, и человеку возвращается зрение, полноценное зрение. Эта фантастическая мысль была высказана задолго, за шестьдесят лет до изобретения «хрусталика», но ведь высказана была!

Танец и красота линий: выдающаяся итальянская балерина Карла Фраччи (1936–2021) как-то призналась, что, конечно, *танец – это красота линий*. Но для меня, говорит она, *танец – это поэзия, поэзия чувств*. О да, она прославилась не только в балете и не только в кино-съёмках. Синьора Фраччи также известна тем, что единственная из балерин мира станцевала Гамлета. *Почему столько зеркал в классах, где идёт подготовка балерин и танцовщиков? Ты встань так и так протяни руки, чтобы получилась красивая линия, и потом поменяй ее, но опять же следи за телом, линия будет тебе диктовать движения, их красоту, отточенность*. Театральный режиссёр Юрий Завадский не пропускал ни одного балета с Галиной Улановой – балериной. Он был очарован движениями этой артистичной женщины.

Цирк и ощущение счастья. Эту мысль высказал Франсуа Перро. *Есть большая планета, где войны, коррупция, предательство, а на маленькой планете цирка ничего этого нет. И давайте задумаемся, может быть у маленьких планет можно чему-нибудь поучиться?* (ТВ, «Правила жизни». 28 февраля 2022 г.). Случайно ли, что М. Горький, когда ему было восемь лет, впервые посетил цирк и был очарован зрелищем на всю жизнь?

Театр и стихотворение. Молодёжный театр на Фонтанке (СПб.) отмечает свой юбилей. *«В театре надо писать стихи о жизни» – под таким лозунгом работает театр. Мы уходим от быта. Театр – это не жизнь, это стихотворение о жизни. Всегда есть гиперболизация, есть некоторое обобщение, это всегда выход за пределы действительности. В театре разговор идёт по душам. Мы говорим о любви, но говорим не приземлённо, мы говорим о больших смыслах. Это, однако, не лекция. Товстоногов сказал: что такое стихи? Они тоже о жизни, но они поднимают нас. «Я сочетаю в себе режиссёра и поэта». Так говорили руководитель театра и его сотрудники 11 июня 2025 года.*

Речь пойдёт о нетрадиционных способах мышления, которые могут быть добавлены к способам, уже имеющимся и хорошо себя зарекомен-

довавшим. Идея о соединении науки и искусства, соединения преднамеренного и случайного не нова. Слово воспринимается как яркий, весомый инструмент, открывающий новые глубины познания. Эвристические, непредсказуемые ходы мысли таятся в оригинальном использовании языка. Рассмотрено и обобщено свыше сорока разнообразных, действующих в современном мире форм такой работы. Исследование продолжалось многие годы. С одной стороны, учитывались замечательные лекции академика Татьяны Владимировны Черниговской [Черниговская, 2016, 2017, 2021], в которых говорилось о взаимосвязи точных наук и наук гуманитарных. С другой стороны, было немало отдельных публикаций о том, что между науками и искусством существует теснейшая связь, и многолетнее чтение различных книг подтверждало эту связь. Нам пришла в голову мысль проверить, насколько это реально. Так постепенно родилась идея книги «Слово и мысль: на один шаг вперёд» [Харченко, 2024]. На неё в настоящее время получено пять рецензий: Д. А. Романов «Слово как проекция мысли [Романов, 2024], А. А. Кретов. О самом главном [Кретов, 2024], А. Р. Попова «О новой книге В. К. Харченко «Слово и мысль» [Попова, 2024]. Л. Г. Брутян Рецензия на монографию В. К. Харченко «Слово и мысль. На один шаг вперёд» [Брутян, 2024]. А. Р. Попова Формирование языковой личности студента и преподавателя-филолога. О «школе мышления» В. К. Харченко [Попова, 2024a].

В данной статье мы продолжаем эту тему. Как теоретически осмысливаются эти понятия? О взаимодействии дискурсов пишет В. Д. Девкин в своих книгах, намёки на взаимодействие дискурсов можно пронаблюдать в лексикографических списках [Девкин, 2005, с. 666–670; Малинович, 2004, с. 4–15].

Распространённый в философии принцип рассеяния заставляет задуматься, как приспособить теорию Юлии Кристевой по интертекстуальности и как приспособить концепцию дискурса Мишеля Фуко, предложившего принцип рассеяния к современной интеллектуальной практике: так называемые расходящиеся пути. А мы-то привыкли сводить к чему-то маленькому, редуцировать, как говорил Виктор Владимирович Литвинов, выступая в Белгороде 14.05.1999. Именно принцип рассеяния, расходящихся путей даёт нам возможность широко взглянуть на материал, не сводить его к чему-то маленькому, не редуцировать. «Принцип рассеивания, или «деструктурирование» (по терминологии Дериды), в философии Мишеля Фуко обозначает процесс размытия границ и центральных понятий в дискурсах. Это означает, что традиционные структуры знания и власти, основанные на центральном понятии, начинают распадаться, и значения смещаются, возникают новые, неожиданные смыслы и связи». *«На наш взгляд, принципиально важным и методологически необходимым достижением теории Мишеля Фуко является также вывод о том,*

что дискурс и дискурсивная практика не суть конечные состояния, которые необходимо анализировать как результат случайных, несистематических предшествующих событий или субъективных психических актов; напротив, во-первых, их организация и функционирование подчиняются исторически и социально обусловленным правилам «сцепления» высказываний и конструирования объектов и, во-вторых, они представляют собой своего рода ресурс, материал создания и изменения действительности, а также для создания новых дискурсов и дискурсивных практик», – читаем у Е. А. Кожемякина [Кожемякин, 2025, с. 9]. Подчеркнём последние слова в приведённой цитате: «для создания новых дискурсов и дискурсивных практик».

Ещё одно подходящее сравнение – это «сад расходящихся тропок», по Хорхе Луису Борхесу [Борхес, 1997, с. 353–359]. *«Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных миров»* [Чистюхина, 2005, с. 96].

Нередко бывает, что великие пианисты современности, в частности Денис Мацуев, признаются, что, читая, например, письма Сергея Прокофьева, они по-иному стали исполнять произведения композитора [ТВ «Сати. Нескучная классика», 16 июня 2025 г.].

«Вспомнил в связи с этим одно из высказываний Маркса, которое часто цитировал покойный академик Николаев: *результаты литературы и искусства закрепляются именно в науке*» [Есин, 2014, с. 440].

Обратимся ещё раз к примерам, предоставив случаи совмещения дискурсов.

Музыка и спорт. Музыка и цифры. Музыка и парфюмерия. Музыка и грудные дети. Романс и сцена. Математика и музыка. Музыка и поэзия. Математика и культура. Архитектура и музыка. Вокзал и музыка. Пословицы и хор. Фотограф и музыка. Бах и джаз. Художник и музыка. Танец и поэзия. Танец и красота линий. Танец и ароматы. Преподавание и цирк. Цирк и счастье. Инструмент и Бог. Писательство и Бог. Церковь и горение. Артист и религия. Одиночество и творчество. Фантастика и наука. Писательство и осязание. Портрет и взгляд. Насмотренность и творчество. Писательство и художество. Парфюмерия и художество. Фотограф и осязание. Музей и творчество. Консерватизм и современность. Отсутствие прогресса в языке. Литература и неблагополучные дети. Теория мира – не войны. Музей и гражданское воспитание. Родной язык – рабство. Отцы и дети. Дом как малая церковь. Приметы и быт. Многодетность и выбор. Колыбельная и мать. Музей и семья. Связи через поколения.

«Математика есть часть культуры» (Ю. И. Манин). *«Не мы выбираем математику своей профессией, а она нас выбирает». И она выбирает определённый тип людей, которых в каждом поколении по всему свету несколько тысяч, не более того.*

Вера и ветер: такой образ привёл в своём выступлении в пасхальную ночь 16 апреля 2023 года патриарх Кирилл. *Зачем веровать? А затем, что современный человек, оснащённый и образованием, и знанием окружающей жизни, он похож на парусник, колеблющийся на одном и том же месте, тогда как вера – это ветер, дующий в его парус, и парусник движется, и человек счастлив этим движением.* Какой сильный образ и какое новое слово в оснащении верующих!

Художник и шашки. Анатолий Зверев рисовал всегда и чем угодно, и часто лишь набрасывал рисунок, но этого бывало достаточно для полноценного впечатления. Позднее его манеру стали называть экспрессионизмом, хотя дело не в названии. Он умел схватывать главное в лице женщины и переносить это на лист бумаги. *А ещё он играл в шашки, более того, написал об этой игре книгу, больше похожую на собрание заметок.* Здесь просматривается некая непредсказуемость шага, его не выводимость из предшествующего изложения.

Монеты в помощь: В. В. Розанов, выдающийся философ, учёный, педагог, когда писал свои книги, то трогал старинные монеты. *Осязание помогло ему. И потом, старинные монеты, монеты из прошлого... От чего нумизматика пробуждает столько мыслей? Своей бездумностью. И «думки» летят как птицы, когда глаз рассматривает и вообще около монет «копашься».* Душа тогда свободна, высвобождается (В. Розанов. Опавшие листья).

Приведённые примеры здесь и в начале статьи – это несколько больше, чем метафоры. Это выход в другие зоны мозга, позволяющие отождествлять реальное и воображаемое, отождествлять данное нам и будто бы не данное, виртуальное. Мы видим, как среди повторяющихся действий проступает нечто новое: композитор и художник, математик и скрипач, писатель и фармация. Иногда это новое приходится домысливать, но примеры в любом случае впечатляют. Представляется, что здесь есть некая дань мозгу, его возможностям – самым непредсказуемым, но таким, которые не только не влияли на основной вид деятельности, но по-своему поддерживали его. Итак, мы ведём речь о действиях, могущих казаться странными, не совсем адекватными. Общеизвестно, что *Эйнштейн играл на скрипке*, причём играл плохо, но это ему помогало мыслить.

Попробуем очертить несколько подробнее параллель **живопись и музыку**.

Живопись и музыка: В. А. Жуковский в письме немецкому художнику К.Д. Фридриху обсуждал вопросы слияния живописи и музыки – из статьи Н. Соловьева «Поэт-художник Василий Андреевич Жуковский» // «Русский библиофил». 1912. № 7–8. С. 42.

Стих оркестрован. «В поэзии Маяковского стих оркестрован» (Н. И. Хаджиев). «Я даже поэзию воспринимаю через карандаш, краски,

пение». XIX век – век гениев: Пушкин, Лермонтов. Гоголь, Достоевский, а дальше? Был один человек, он не сопоставим ни с кем. Это Хлебников [ТВ, 29.04.2025]. «Возится со словами, как крот». Сергей Бирюков о Велимире Хлебникове и функции коллективного сознания народа в творчестве одного человека // Газета НГ EX LIBRIS. 29.06.2022 г.

Яркость краски и пение. «Я хочу, чтобы цвет на моих картинах пел, не считаясь ни с какими правилами и запретами». Матисс даёт огромный урок честности, – говорит Бенуа // losko.ru/henri-matisso-biography (дата обращения: 20 апреля 2025).

Душа художника – многострунный рояль. «Цвет – это клавиши, глаз – молоточек, а душа – многострунный рояль, – писал он, подчёркивая связь между живописью и музыкой. Его увлечение музыкой было не случайным. Кандинский обладал синестерией – редким даром, позволяющим «слышать цвета». Например: жёлтый он ассоциировал со звуками фанфар, а синий с глубоким звучанием виолончели» (Василий Кандинский: художник-синестет) // Artplay Media (дата обращения: 27 апреля 2025).

Живопись и музыка. Микалоюс Константинос Чюрлёнис написал около 300 произведений в духе модерна (ар-нуво), сочетающих влияние символизма с элементами народного искусства, цитатами и реминисценциями из японской, египетской, индийской культур, ему было свойственно стремление к синтезу искусств и к поискам аналогий музыки и изобразительного искусства. Последнее особенно проявилось в таких произведениях, как «Соната солнца», «Соната весны» (1907), «Соната моря», «Соната звёзд» (1908). «... Отправной точкой его живописи служит, как это удостоверяет изучение его картин, зримая реальность. От неё он устремляется к тому, что ей внеположено, что прозревает он за её пределами... Живописная обработка элементов зрительного созерцания по принципу, заимствованному из музыки... вот его метод» (Вячеслав Иванов. Чюрлянис и проблема синтеза искусств // Н. К. Чюрлянис. Петроград: Аполлона, 1914.)

Краски звука. Владимир Минин говорил: «Я мог во время репетиций экспериментировать с красками звука» – «А у звука есть краски?» – «Конечно!» «...А бывает полная певица, у неё всё дрожит, красок много!» «Ведерников предполагал широту мазка!» (ТВ, 6 канал, Наблюдатель, 07.05.2025).

Живопись и крик. Картина норвежского художника Эдварда Мунка называется «Крик» (1891). Там изображено действительно пугающее пространство, мост и на мосту женщина, широко открывшая рот в крике. Жуткое чувство вызывает эта картина. У неё несколько копий, её пытались неоднократно украсть, она действительно изображает кричащего человека.

Мы привели семь высказываний. В двух из них (в позициях В. А. Жуковского и Микалоюса Чюрлёниса) параллели с музыкой, скорее, метафоричны: *соната солнца*, *соната весны*. Здесь есть соответствия с музыкальными произведениями по названиям их частей и в целом всего строя. Но в пяти других: это тембр звука и *краска*, яркость краски и *пение*, богатство стиха и *стих оркестрован*, искусство *слышать* цвета – это уже проникновение в стихию звучания через музыку, живопись и *крик* – это напрямую соотносится с нашими чувствами. На соотношении живописи и музыки точку ставить рано, нет, здесь открываются новые глубины: ...и *пение* (каков эффект!), ...и *оркестровка* (каков объём!), и жёлтый цвет и *фанфары* (новое восприятие звучания), ...и *крик* (какая точность передачи вопиющего звука).

Приведём другой пример: в современной искусствоведении есть точка зрения о внутреннем единстве **балета и живописи**. В телепередаче 14.05.2025 (6 канал, Наблюдатель) говорилось о связи **балета и изобразительного искусства**. «Танец как сюжет». Рассказывалось о выставке в еврейском музее Центра толерантности в Москве: «Танец XX века: Матисс, Кандинский, Дягилев и другие». Оказывается, эти связи прочерчивались давно. И танец, и живопись – эти искусства, в общем-то, небывальские, их объединяет пластика. Говорилось, что великая танцовщица Айседора Дункан репетировала свои движения, глядя на античные вазы. Она восстановила античную хореографию по рисункам античных ваз. Рисунок её танца во многом восходит к сюжетам тех лет. Она танцует, а её спрашивают: откуда вы знаете про древнее искусство? Здесь проступает память крови: может быть, у нас есть возможность генетической памяти? Современный постмодернизм не чужд изобразительному искусству, он взывает к художественным формам древнего египетского творчества. В модернизме тоже было весьма значимо обращение к архаике.

Но и это не всё. Балет связан с живописью ритмом кисти. Веласкес – это спокойная кисть, а подходя к полотнам Ван Гога, мы ощущаем истеричность мазка. Ритмизация всегда очень индивидуальна. Художник передаёт лигатуру в движениях, а кинематограф? Можно запечатлеть кадр, серию кадров. Поразительна возможность танца, как и живописи, выразить чувства. За границей, в Нидерландах, художник David Hohnе любит форму панорамы. Он рисует картину, глядя на знаменитую старинную вышивку.

Приведём другие совмещения.

Хор и общество, упорядоченность общества. Спрашивали: что такое хор? Как его определить? Ответ был таким: хор – это идеальная модель общества. В хоре важно слышать голос рядом поющего партнёра, хоровое искусство вечное, оно не должно исчезать. И распространение в современной жизни «буллинга», травли детей возможно связано с недоста-

точностью хоровой культуры. Чувство партнёрства, создание новой песни в хоре требуют взаимного расположения всех поющих. Можно проследить, как развиты хоровое пение и сплочённость нации в грузинской культуре, в эстонской, в культуре Испании, да и в нашей стране, в России, в сёлах сто лет назад было принято петь хором, причём не только во время застолий.

Коллекции и время. Коллекции содержат в себе временную ось в отличие от музея, где она помещены на постоянной основе, во-первых. А во-вторых, коллекционер всегда рискует, он собирает свою коллекцию по наитию и не знает, что останется через время. Так обозначила отличие коллекций от музейной экспозиции Ольга Свиблова (ТВ 6 канал «Наблюдатель»). Речь шла о коллекциях современной живописи. А если взять иные коллекции: камней, статуэток, афиш, монет, сервизов, ключей и далее со всеми остановками? Люди, их собирающие, открывают через них нам наше прошлое, а это ценно. Сохранятся ли эти коллекции в наших квартирах – вопрос не простой. Дети ещё могут их сберечь, но внуки? У меня есть крошечная «коллекция» прописей 1957 года. Не могу на неё смотреть без восхищения. Не означает ли она, что надо вернуться к каллиграфии, что каллиграфия – это тоже искусство?

Дневник и живое настоящее. Когда читаешь многолетние дневники писателя Сергея Есина, то замечаешь, как часто он упрекает себя за то, что не записал событие в тот же день. Почему так? Меняется жанр, исчезает напряжение сегодняшнего дня, подробности, краски дня бледнеют. А вот если запись идёт в тот же день, вечером, то дневник становится по-настоящему дневником, в котором есть и работа в Литинституте, и путешествия, и знакомые люди, и работа на даче, и ссоры с женой, и примирения, и состав кушанья, и состояние здоровья. Меня удивляет, что я готова перечитывать эти дневники, погружаясь в настоящее, будто бы это настоящее отделено от моего сегодняшнего дня.

«Диктую эту страничку В.Я. сразу, как только вернулся, душа ещё горит – ведь Сложность дневника заключается в том, что почти немедленно детали перегорают, кажутся не такими важными и нужными. А в искусстве деталь – это бог [Есин, 2013, с. 151]. «Когда чуть «химичишь» и в Дневнике день вчерашний выдаешь за день сегодняшний, сразу пропадает нерв. Искренность и следование за временем – необходимое условие в работе писателя. Лучше, чем в жизни, не придумаешь...» [Есин, 2013, с. 398].

Художественный театр и церковь. Система Станиславского в те годы эффектно работала. В Америку приехал театр, посетители удивлялись: старые декорации, обветшалые костюмы, но когда начали играть... У них был особый свет, они приносили в спектакль этику! «Жизнь и приключения...», борьба за интонацию! ... Сталин из-за занятости при-

ходил обычно ко второму действию, но был до конца. Они меняли интонацию! Не система это была, а метод, метод работы с артистом. «Три сестры» в постановке Немировича-Данченко: люди, как в церковь ходили, театр заменял всё! Как только ты вслушиваешься в речь играющего человека, ты приближаешься душой к художественному театру. *«Артист никакой, ходит, сидит, кот у него в руках, а заговорит – у меня мурашки. Почему? – Система Станиславского!»*. Не театр подражает жизни, а жизнь театру (ТВ, 6 канал, «Наблюдатель», 26 мая 2025 г.).

Как видим, намечаются самые различные подходы к совмещённому материалу. Вот ещё связки: **парфюмерия и живопись, парфюмерия и музыка.**

Парфюмерия и живопись. «Поскольку для меня парфюмерия это искусство, настоящий парфюмер должен быть художником». Эрнест Бо создавал «зимние духи»: здесь и тающие зимние ноты, прохлада дождя, горного потока.

Музыка и парфюмерия – это работало ещё в XIX веке, но парфюмерия срабатывала и в художественном отражении. *«Поскольку для меня парфюмерия – это искусство, настоящий парфюмер должен быть художником»*. Заметим, что Эрнест Бо коллекционировал живопись и русскую, и французскую. Создавал «зимние духи»: здесь и тающие зимние ноты, прохлада дождя, горного потока. Как удивительно пахнет заполярное озеро, удивительно, как свет влияет на пространство!

И наоборот: иногда нам полезно признать, что танец – это поэзия, и духи – тоже поэзия, и историческое знание сродни поэзии, и даже суеверие относится к поэтическому профилю. Как возвышают наше восприятие такие параллели!

Танец и поэзия. Выдающаяся итальянская балерина Карла Фраччи (1936 – 2021) как-то призналась, что, конечно, танец – это красота линий. Но для меня говорит она, танец – это поэзия, поэзия чувств.

Духи и поэзия. Жан-Клод Эллена говорил: «Духи – это история запаха, а иногда поэзия памяти» (ТВ, «Культура», 23 января 2024 года).

Великая поэзия – высшая форма истории. «Мы же не будем терять мысль о том, что великая поэзия – высшая форма истории. Ей свойственны поэтические технологии “симпатического письма”, опора на содержательную “недосказанность”, затенённую правду». Может быть, авторы этой технологии эпохи барокко не из каких-то враждебных намерений правду затеняли и полураскрывали, а милосердно избавляли массового читателя от непосильного и трудоёмкого освоения ненужной ему в быту информации» [Гранцева, 2022, с. 310].

Суеверие и поэзия. [На обсуждении докторской диссертации в Казани] Суеверие – это поэзия жизни, как говорил немецкий поэт. То есть я считаю, что у неё есть такая филологическая одарённость (12.05.2011).

И в жизни, самой обычной, мы по-другому будем себя вести, если прислушаемся к параллелям.

Преподаватель и клоун: *[Доцент о подготовке песни на юбилей факультета] «Да не ходи на сцену!» Я думаю, что ж меня так зомбируют? И сейчас так же. Они говорят: да что вы! Что мы, клоуны, что ли? Да мы, преподаватели, и должны быть клоуны! Ведь шутит над собой только тот, кто уверен в себе! (29.10.2013).*

Музыка и грудные дети: *«Никогда я не думала, что маленьким детям так нужна музыка! Они впитывали её, как сухая земля пьёт воду. Даже самые маленькие, грудные» (И. Грекова. Вдовий пароход).*

Инструмент и Бог: *«И всегда помни: твой Бог говорит с тобой языком твоего инструмента» (Никколо Паганини).* Мы же по-другому будем играть на музыкальном инструменте, если будем передавать голос Бога.

Гениальные люди переключают свой мозг на иное восприятие. И В. В. Щеулин, известный лингвист, автор, помимо лингвистических книг, двух замечательных трактатов, как раз и доказал это, может быть, даже сам не осознавая этого. Увлечение живописью – это как раз и форма работы с труднейшим материалом, таким, как написание трактатов. И когда мы спросили учёного в интервью, какие художники ему близки эмоционально, то в ответе прозвучали имена не только И. Шишкина, В. Поленова, И. Крамского, Ф. Васильева, но и Ю. Клевера, К. Флавицкого, П. Лагорио, А. Шильдера, Я. Рейсдала. Таким образом, основательность знаний и умение переключать мозг – это две стратегии, которым можно учиться.

Здесь великолепна сама идея: читать – чтобы учиться. «Беллетристы любят писать о том, как решение задачи приходило к великим учёным в самые неожиданные моменты – во сне или за картами, – свидетельствует профессор Р. М. Фрумкина. – О невеликих не принято писать. А зря. Ведь вопрос не в том, каков масштаб задачи, решение которой является человеку, когда он, например, едет в автобусе. Важно, что для серьёзного исследователя жизнь концентрируется вокруг поиска решения» (Знание – сила. 1994. № 6. С. 103).

Есть ли что-либо похожее в научных изысканиях, или как обстоят дела в «обычной» науке? О, в ней, например, привлекательны новые маршруты и в изучении, казалось бы, давно изученных вещей. Например, «Спящие красавицы». Это о возможности взглянуть с позиций, казалось бы, устаревших идей, но идей, открывающих новые веяния. Так, Аристотель – что можно взять у него? Но В. А. Садикова по-своему перечитала Аристотеля, и её мысли обусловили новую методику, основанную на топках.

«Топика понимается как система структурно-смысловых моделей высказывания и рассматривается как универсальная основа, формируемая в

сознании человека на самых ранних этапах его развития и используемая им в речевой деятельности в дальнейшем». ...Таким образом, смысл и цель топики – снабдить человека базовой системой метакатегорий (на уровне мышления) и структурно-смысловых моделей (на уровне высказывания), чтобы дать ему возможность *убедить другого в истинности своего мнения*. ...Род и Вид, Общее и Частное (Конкретное), Целое и Части, Определение, Имя, Причина и Следствие, Сравнение, Сопоставление, Противопоставление (Противоположное), Действие и Претерпевание (испытание воздействия), Обстоятельства (места, времени, цели, образа действия), Свойства и Качества, Свидетельство, Пример, Символ [Садикова, 2011, с. 110, 112]. «Топика как диалектическая система реализует закон единства языка/речи/мышления в практике общения людей независимо от сферы общения, уровня владения языком, возраста, национальности или принадлежности общающихся к определённом социуму [Садикова, 2013, с. 298].

Маленький ребёнок уже понимает, что грудь, руки, голос, улыбка, – это Части Целого, Имя которому «мама». Если он заплачет – мама подойдет и успокоит. Значит, здесь есть Причина и Следствие. Он получает доречевой опыт. Он приходит в мир и начинает осваивать ... топику. Так постепенно формируется мышление.

Возьмём теперь другой жанр. «Новые жанры» – это как раз о возможности сочетать изученное с открытием новых жанров, например: стихофраз. Мы ведём речь об исследовании А.Р. Поповой, создающей новый жанр. Приведём концовку стихофразы «Язык мой, брат мой». *Язык мой, свет мой. Ты разрастаешься от малых трав до победных крон. Проходит зрелость... А нету старости – забвенья, немощи, похорон! Язык мой, боль моя многолюдная. Не сноб для избранных – ты с толпой. Я неуклюже, всерьёз люблю тебя. И я учусь говорить с тобой* [Попова, 2022, с. 228]. Дадим ещё два отрывка из стихофразы «Подруга. Свет в окошке».

А всего-то и было: школа – забудь, не лезь, и семейный дом – скандальный, а не тепличный. Две влюблённости – похожие на болезнь, и филфак – диплом, в котором одни «отлично». ... Мы такие успешные, в пору засесть и выть, юморные и стильные, просто мороз по коже... Потому и не горбимся – видя покой и высь. Потому и не гаснем, слетаясь на свет в окошке.

Мыслей здесь много, и все они сложные, неоднозначные и потому действуют на читателя изнутри, узнаваемо, как бы «говоряще». Мы видим, что здесь идёт внутреннее переключение привычных для нас примелькавшихся тем на нечто новое: современная методика и Аристотель, привычное восприятие фразеологизма и опрокидывание его смысла в новых областях.

Где ещё формируется умение переключать темы? Казалось бы, нигде, но пристальный взгляд на принципиально новые вещи опровергает это предположение. Так, в Белгородском университете по субботам в 14.00 для всех желающих проходят семинары медленного чтения. Инициатор их и лектор доктор философских наук профессор Павел Анатольевич Ольхов. На недавнем семинаре обсуждались страницы «Илиады» Гомера. Приходят люди по своим специальностям самые разные, но что-то ими движет.

Здесь же можно говорить о перечитывании книг. «В детстве перечитывание было моим любимым занятием. Прочту книгу и сразу же берусь за неё снова – ужасно не хотелось расставаться с её героями. В детстве (как, кстати, и в Средневековье) в книге ищут ведь не новое, а, наоборот, – знакомое. Проживают его в очередной раз» [Водолазкин, 2016, с. 361]. Обратим внимание на автора цитаты. Это Евгений Германович Водолазкин, написавший знаменитую книгу «Лавр», в которой были также переключения мысли. «Есть смысл перечитывать любимые, даже знакомые книги – открываются подробности, о существовании которых ты и не предполагал» [Есин, 2012: с. 312].

Мы не случайно заговорили о чтении. Томасу Элиоту принадлежит замечательная мысль: *«Автор, работающий над своей рукописью, – по преимуществу критик, ибо просеивание, комбинирование, конструирование, вычёркивание, исправление, опробование – весь этот каторжный труд в большей мере удел критика, чем художника»* [Элиот <https://>]. Великие писатели поначалу были великими читателями, поэтому чтение – это всегда ещё и творческий процесс на будущее, на перспективу. Только потом мы и сами не осознаём, откуда у них удивительный стиль, как он пришел к ним, не божий ли это промысел? И не в чтении ли таятся мысли о взаимодействии дискурсов?

Темы исследования надо разнообразить, и охват авторов может быть большим, чем мы изначально планировали. Нас не случайно куда-то влечёт, не всё мы в себе понимаем. Творческая жизнь должна быть не только интенсивной, но и многопрофильной: многообразие помогает интенсивности.

Что ещё можно посоветовать? Присмотримся к выбору тем сочинений. 1). *Пришвин: «В лесу я стараюсь ходить тихо». Случайно ли сегодня возникла эта тема?* 2). *«Прежде Русь стихи писала, Рифмам не было числа, А теперь практичней стала: На проекты налегла»* (Н.А. Некрасов «Современники»). *Что вы думаете о вечных вопросах России?* 3) *День жизни старого «Москвича».* 5) *Пенсионерка как бизнес-леди.* 6) *Муки реализма или соблазны «сюра»?* 7) *Пока жив русский язык, поэзия неизбежна»* (И. Бродский). 8) *Позвольте представиться! (Автобиографические мотивы в творчестве)* [Есин, 2012, с. 300, 280]. Мы представили здесь некоторые темы, которые были предложены поступающим

в Литературный институт в 2010 году. При освещении их вполне возможным является искусство переключения дискурсов, хотя напрямую об этом не говорится.

Разумеется, в решении этой проблемы взаимодействия дискурсов много ещё не решённых проблем, например с названием оттенков цветов через их воздействие на осязание. При строительстве Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге использовалось (внимание!) 1 200 различных оттенков мозаики. И по средам в этот музей приводят плохо видящих или вообще не видящих детей и разрешают им прикасаться к мозаичным полотнам, и они через пальчики чувствуют это многообразие красок, но как это выразить, какими словами? Здесь есть, что исследовать.

Итак, мы затронули интереснейшую тему, и здесь таится немало открытий. Но об этом пока лучше говорить сдержанно, затаённо, ориентируясь, прежде всего, на примеры, которых (подчеркнём это!) немало.

2.2. ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ СОЧУВСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

Интернет-коммуникация привела к становлению принципиально новой формы социального взаимодействия – интернет-сообществу. Интернет-сообщества могут возникать на базе различных сетевых ресурсов: форумов, социальных сетей, онлайн-игр, чатов, блогговых платформ, видеоконференций и т. д. Достаточными условиями являются объединяющая тема, возможность высказаться, регулярные взаимодействия с другими пользователями. При этом индивид включается в коммуникацию лишь при появлении актуальной для себя темы и взаимодействует лишь с теми членами своей социальной сети, которые вызывают у него интерес. Коммуникация в сообществах позволяет пользователям Интернета удовлетворять свою потребность в общении, идентифицировать себя с группами, близкими по интересам [Фролова, 2015, с. 1084].

Одним из активных и распространённых способов включения в коммуникацию при появлении актуальной для индивида темы является интернет-комментарий, способствующий эффективному взаимодействию с теми членами социальной сети, которые вызывают у него интерес. В настоящее время интернет-комментарий относится к самостоятельному и чётко структурированному тексту, отличающемуся ясным содержанием, логикой и завершённостью, и служащему удовлетворению потребности участников в свободном обмене мнениями [Бирюкова, 2018, с. 80]. Для интернет-комментария как сетевого жанра могут быть характерны «ярко выраженная аксиологичность и высокая степень экспрессивной насыщенности» [Колокольцева, 2024, с. 168].

В нашей работе в качестве материала исследования выступили англоязычные интернет-комментарии, выражающие сочувствие как «отзывчи-

вое, участливое отношение к чужому горю, переживаниям; сострадание» [Евгеньева, 1999]. Методом сплошной выборки были отобраны комментарии к публикациям на англоязычной интернет-платформе Reddit. В результате анализа англоязычных интернет-комментариев с элементами сочувствия были выявлены их языковые особенности:

1) Использование модальных глаголов является достаточно частым явлением в англоязычных интернет-комментариях с элементами сочувствия.

Так, в проанализированных нами примерах мы видим, что модальный глагол *have to* при выражении сочувствия зачастую используется для указания на необходимость или обязательство, с которым сталкивается человек в сложной ситуации. Например:

а) *Unfortunately you are going to have to go after his insurance for at least a nominal amount of damage or they could try to go after you later... <...> It is something that you have to experience to understand [I killed someone today..., 2023];*

б) *Unfortunately this is the reality of the work we do and we always have to force ourselves to look at the bright side [Struggling with a mistake..., 2023].*

В приведённых примерах следует обратить внимание на то, как внешняя необходимость, вынужденность или обязанность усиливается в начале текста наречием *unfortunately* для выражения особого разочарования по поводу создавшейся ситуации или факта, подчёркивающего, что он неудачен или не соответствует желаемому.

Более сложная конструкция *could have + participle II* также встречается в англоязычных комментариях, выражающих сочувствие и сострадание. Например, в тех случаях, когда автор комментария считает, что негативной ситуации можно было избежать:

а) *What kills me about this is they could have shot non fatally yet chose to shoot center mass... [Parents called for mental..., 2024];*

б) *<...> I blame myself and I think of all the things I could have done differently to prevent it... [I killed someone today..., 2023].* Конкретно в данном комментарии автор описывает собственный опыт, подобный ситуации, приведённой в публикации, касающейся причинения смерти по неосторожности при управлении транспортным средством и последующим посттравматическим расстройством и эмоциональным состоянием глубокого сострадания и сожаления.

И наоборот при помощи конструкции *could have + participle II* автор комментария может выразить автору корневого поста сочувствие и сожаление о том, чего не произошло: *<...> This could have been for me one more specific day... [Parents called for mental..., 2024].*

Также данная конструкция используется в комментировании и для представления ситуации с позитивной точки зрения. В таких случаях

комментаторы сочувствуют автору публикации, аргументируя тем, что субъект объективно не мог предвидеть наступление негативных последствий и не располагал достаточными средствами либо возможностями для предотвращения возникшей неблагоприятной ситуации: *It's not your fault that the motorcyclist lost control of his vehicle and ended up / hitting and or sliding under your car... there was nothing else you could have physically done than what you already have... it was just an accident...* [I killed someone today..., 2023].

2) Условные предложения Conditionals используются также для того, чтобы указать человеку, оказавшемуся в негативной ситуации, на отсутствие в этом его вины и таким образом поддержать его: *It's hardly your fault. If anyone was in your exact situation at that exact moment, I'm sure they would have ended up with the same outcome.* [I killed someone today..., 2023].

3) Безличные предложения могут подчёркивать трагичность ситуации: *<...> Avoidable and sad.* [Parents called for mental..., 2024].

4) Также одним из частотных способов выражения сочувствия является развёрнутая конструкция *I wish you the best*, которая в контексте сочувствия жертвам и их близким дополняет поддержку. Например: *<...> I wish you only the best!* [My whole family died, 2023].

5) Риторические вопросы, выражающие сочувствие с элементами негодования, встречаются в проанализированных англоязычных интернет-комментариях. Такие вопросы не требуют ответа, а подчёркивают недовольство автора комментария по поводу ситуации. Например:

a) *Why does this keep happening???* [Parents called for mental..., 2024]. Так, автор комментария может использовать риторический вопрос как приём для выражения своего отрицательного отношения и осуждения законодательства США под постом с видеозаписью убийства психически нездорового человека, подчёркивая абсурдность ситуации. Недоумение автора комментария также усиливается знаками препинания в виде трёх вопросительных знаков.

b) *What did the old lady do to deserve that?* [An elderly Asian woman..., 2024]. В этом комментарии автор, используя риторический вопрос, подчёркивает своё недовольство безнаказанностью убийцы пожилой женщины.

b) *BuT wHaT cOuLd ShE hAvE dOnE bEtTeR tO aVoId ThIs?* [Nurse allegedly killed..., 2023]. В данном примере используется риторический вопрос с чередованием заглавных и строчных букв не только для привлечения внимания к своему комментарию, но и для выражения возмущения в сторону безысходности ситуации и недовольства по отношению к системе охраны порядка.

6) Были найдены комментарии с применением цитирования для выражения сочувствия: *"Every surgeon carries within himself a small cemetery, where from time to time he goes to pray – a place of bitterness and regret, where he must look for an explanation for his failures"* – René Leriche [Struggling with a mistake..., 2023]. Данная цитата выражает мысль о внутренней ответственности хирурга перед своими пациентами и неизбежностью эмоциональных переживаний, связанных с врачебными ошибками и неудачами.

Таким образом, проведённый анализ позволил выявить основные, наиболее частотные, грамматические и лексико-семантические средства выражения сочувствия в англоязычных интернет-комментариях с элементами сочувствия на базе интернет-платформы Reddit.

2.3. ВЫРАЖЕНИЕ ОПТИМИЗМА АМЕРИКАНЦЕВ В ДИАЛОГАХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ “JUST FOR THE SUMMER” ЭББИ ХИМЕНЕС

В последнее время актуальной и интересной проблемой современной лингвистики выступает проблема определения характера высказываний / текстов. Лингвисты занимаются исследованием языкового выражения оптимизма / пессимизма для описания и уточнения национального коммуникативного поведения изучаемого народа. Описание языковых средств, отражающих оптимизм и позитивное мышления американцев, поможет глубже и более упорядочено проанализировать данные феномены, и послужит материалом для более детального изучения американской культуры. В данном параграфе рассматривается феномен оптимизма как ядерная характеристика американской лингвокультуры, которая отражается в диалогах художественного произведения.

Поднимая вопрос об отражении феномена «оптимизм» в художественной литературе, нельзя не упомянуть о связи литературной, нормативной речи с разговорной. В. Д. Девкин считает, что разговорная речь является единосистемной с литературной [Школа В. Д. Девкина..., 2010, с. 18]. По мнению учёного, «в разговорной сфере живёт своей полной жизнью строй языка с сохранением его основ и передачей их от поколения к поколению, а также с их непрерывным обновлением и совершенствованием <...>. Как бы ни были существенны свои внутренние чисто разговорные нормы, описание всего разговорного происходит с опорой на литературный стандарт» [Там же, с. 19]. Некоторые особенности разговорной речи мы наблюдаем в диалогах художественных произведений. Более того, диалогическое общение информативно, т. к. отражает коммуникативные ценности и установки, коммуникативное поведение персонажей художественного текста.

Коммуникативная культура неоспоримо является частью культуры, а также выступает результатом социально-коммуникативной активности

членов отдельно взятой социальной группы. Вопросом коммуникативного поведения занимался И. А. Стернин, который определил данный термин как «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [Стернин, 1989, с. 280]. Л. В. Куликова расширила это понятие и предложила понимать под национальным коммуникативным поведением не только «устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, но и опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова, 2006, с. 145]. Таким образом, национальное коммуникативное поведение есть результат национального общения, которое складывается из традиций, устоев, норм определённой страны. Национальное коммуникативное поведение любой лингвокультуры передаёт устоявшиеся коммуникативные ценности, которые были приняты в определённом национальном сообществе.

Национальное коммуникативное поведение отражается в литературе исследуемого народа, т. к. каждый художественный текст отражает индивидуальную интерпретацию действительного мира. В. П. Белянин считает, что автор «описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом» [Белянин, 2000, с. 44]. Отсюда следует, что художественный текст передаёт авторские взгляды через стиливое оформление текста, через употребление конструкций, лексики, тем самым «сообщает» о своём создателе, включая оптимистичный или пессимистичный настрой.

Одним из первых, кто заметил особенность *“positive thinking”* и ввёл данный термин относительно американского народа, был Н. Пил, в своём труде «Сила позитивного мышления» [Пил, 1952]. Н. Пил «увидел и правильно назвал то, что прочно сидело в подсознании американцев, прочно закрепившись в их подсознании как один из аспектов менталитета» [Виссон, 2003, с. 30]. В соответствии с позицией автора вышеуказанного труда, с детства в американский народ закладывают силу позитивного мышления, что всё плохое обязательно закончится и всё будет хорошо. Как утверждает сам Л. Виссон, у американского народа преобладает «жизнеутверждающий дух», который появился в период заселения континента [Там же, с. 29]. Т. В. Ларина также соглашается с Н. Пилом и Л. Виссоном, утверждая, что оптимистичный взгляд на жизнь является одной из особенностей менталитета американцев [Ларина, 2011, с. 53]. Вопросом феномена *“positive thinking”* американцев занималась М. В. Кичибеклова, которая считает, что оптимизм и позитивное мышление выступают базовыми характеристиками американской культуры и является стилеобра-

зующей доминантой американского коммуникативного поведения [Кичбекова, 2014, с. 109]. В связи с этим, оптимизм американцев как неотъемлемая черта американского коммуникативного характера и менталитета выступает предметом для нашего научного исследования. Оптимистичный настрой американцев отражается в их коммуникативном поведении через разнообразные лексико-грамматические и стилистические средства. Исследуемый нами лингвокультурологический феномен находит отражение в художественных произведениях, в диалогах произведения *“Just For The Summer”* Эбби Хименес (Jimenez).

Рассмотрим некоторые примеры, которые наиболее ярко отражают оптимизм американского народа. На страницах анализируемого художественного произведения часто встречается экспрессивная эмоционально-оценочная лексика. Так, в первом примере диалога между главными героями мы видим лексику и выражения с положительной семантикой, такие как *“do the best someone can”, “to be fine”, “to be happy”, “have a good life”*:

““She was a single mom, Justin, doing the best she could. She couldn’t afford overnight daycare and I was really independent. Honestly, it was fine 99 percent of the time.”

I shook my head. “Emma...”

“I genuinely don’t believe she meant to hurt me. She was doing what she had to do. It was what it was. I’m fine. I turned out okay. I’m happy and I have a good life” [Jimenez, 2024, p. 83].

Из вышеприведённого примера видно, что мать главной героини была матерью-одиночкой, которой было не просто в жизни, и, несмотря на то, что с главной героиней никто не занимался, не уделял должного внимания, она всё равно счастлива, и у неё сложилась хорошая жизнь. Персонаж также использует фразу *“don’t believe she meant to hurt me”*, показывая своё позитивное мышление и оптимизм по поводу ситуации в детстве.

Другим ярким проявлением оптимизма являются фразы с положительной семантикой в речи главного героя *“believe the best in people”* и *“there’s any chance”* в примерах:

““Why are you telling me this?” I said, my tone more clipped than I liked.

“Because you have this thing where you always believe the best in people—especially with her <...>” [Там же, с. 187].

““Did something happen?” she asked.

I peered at her quietly. “Just tell me if there’s any chance,” I said” [Там же, с. 216]. Таким образом, главная героиня всегда верит в лучшее в людях, несмотря на негатив с их стороны, и не теряет надежды на лучшее.

Ещё одним способом, отражающим феномен «оптимизм» выступают идиоматические выражения, которые часто встречаются в коммуника-

тивном поведении американцев. Один из главных героев романа использует идиому “*turn over a new leaf*”:

““*Do you think Maddy’s right?*” *I asked. “Should I tell him?”*”

“*That’s hard,*” *he said, putting my plate in front of me and sitting back down. “If she’s turned over a new leaf, I can see why you wouldn’t want to get involved. It’s kind of messed up to bring up old stuff”*” [Там же, с. 128]. Данное идиоматическое выражение имеет смысл нового начала, отражает позитивные изменения в жизни, в особенности после какого-то сложного периода. Главный герой использует его в своей речи, говоря о своей знакомой, которая начала новые отношения с другим молодым человеком после долгого перерыва.

Грамматические конструкции будущего времени с модальным глаголом “*will*” и конструкции “*to be going to*” также отражают оптимизм коммуникантов:

““*Mom, that’s really great,*” *I said, relief in my voice.*”

“*Baby, I am doing so well. I have never been this Zen. I’m in a really good place, you’d be so proud of me. And Neil? He likes me. I like him.*”

We’re having fun. Nothing bad is going to happen, we’re just enjoying each other, I don’t want you to worry about it”” [Там же, с. 119].

““*I want to order Thai food,*” *she said. “And get so much of it the car will think it’s a person in the front seat and the seat belt reminder will keep going off.*”

“*If I live, I will take you anywhere you want to go”*” [Там же, с. 241].

Вышеупомянутые грамматические конструкции с семантикой будущего времени используются главными героями для демонстрации веры в светлое будущее, их оптимистичного настроя.

Следующим примером оптимизма выступает стилистический приём антитезы, через который герои показывают своё позитивное мышление:

“*She gasped. “Wow. He really is ugly. Like a tiny gargoyle.”*”

I tilted my head. “I don’t know. He’s so ugly he’s almost adorable” [Там же, с. 18]. В данном примере видно, что, несмотря на то, что собака имеет некрасивую внешность, персонажи произведения считают её своеобразно милой.

В другом примере главные герои хоть и называют своего знакомого «противным», но всё же считают его хорошим человеком:

““*Do you like him?*” *she asked.*”

““*He’s funny, for one. He’s smart. And handsome –*”

“*Gross,*” *she said.*”

“*He is. Sorry, it’s just true.*”

“*I also think he’s a really good person”*” [Там же, с. 206]

Таким образом, вышеуказанные примеры показывают, что ментальная установка «оптимизм» американского народа находит отражение не

только в повседневной разговорной речи, но и в художественной литературе, в диалогах персонажей. Из приведённых примеров видно, что умение мыслить оптимистично и позитивно осуществляется через использование разных лингвистических конструкций, которые имеют положительную семантику: через эмоционально-окрашенную лексику и выражения, идиоматические выражения, стилистические приёмы, грамматические конструкции.

Полученные результаты приводят к выводу о том, что позитивное мышление и оптимизм американцев характерны для их этнокультурного социума и отражаются в коммуникативном поведении. Оптимизм является характеристикой американской культуры, имеет устоявшийся характер и может рассматриваться как релевантный признак коммуникативного поведения американского народа.

2.4. ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА КОНФИГУРАЦИЮ ВНУТРЕННЕЙ ПРОГРАММЫ РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПОДЧИНЕНИЕМ

В современной лингвистике отчётливо прослеживается тенденция к поиску оригинальных стратегий лингвистического анализа. Прежде всего сказанное касается вопросов взаимодействия элементов языка и механизмов формирования гибридных семиотических структур [Девкин, 1979, с. 51; Нечаева, 2016, с. 189].

В научной литературе экстралингвистические факторы рассматриваются как явления внеязыковой действительности, которые оказывают влияние на отбор и организация языковых средств, а также на эффективность речевого общения. Примечательно, что одним из первых, кто обратил внимание на значение экстралингвистических факторов в процессе структурирования речевого высказывания, был российский лингвист В. Д. Девкин, который внёс огромный вклад в развитие синтаксиса германских языков. Учёный утверждал: «Включенность элементов ситуации в высказывание может быть настолько существенной, что сообщение становится понятным только с опорой на внесловесный контекст, на реальное окружение говорящих» [Девкин, 1979, с. 54]. К таким элементам ситуации учёный относил степень официальности обстановки, фактор среды, места, времени, тип контакта, присутствие, кроме собеседника, других лиц [Там же]. Мы разделяем мнение В. Д. Девкина о существенном воздействии элементов ситуации на разговорную речь и развиваем идеи учёного на примере психолингвистической грамматики подчинения.

Конфигурация внутренней программы речевого высказывания с подчинением определяется не только особенностями взаимодействия говорящего с окружающей действительностью, но и его индивидуальными способностями к категоризации и интерпретации, социальным контекстом.

На уровне модельной абстракции представляется возможным определить следующие функциональные элементы внутреннего программирования речевого высказывания с подчинением: внеантропологическое онтологическое событие (ВОС) и психологическую ситуацию (ПС).

Внеантропологическое онтологическое событие запускает процесс генезиса языковой личности, поскольку детерминирует способ включения воспринимаемых и отражаемых сознанием говорящего структур бытия в психологическую ситуацию, которую следует интерпретировать как сложную, иерархически построенную систему с открытым контуром, характеризующуюся нелинейностью, динамичностью и неустойчивостью. По степени воздействия ВОС на категоризационно-интерпретационную деятельность говорящего стоит обратить внимание на наличие «сильных» и «слабых» ПС.

Целесообразно говорить об уникальности ВОС, которая согласно исследованиям Ж. Делеза закрепляется в понятии «сингулярной точки». По мнению философа, сингулярная точка – это точка актуализации проблемы, но не какой-то конкретной, а такой, которая требует смещения мысли, её абстрагирования от устоявшегося порядка вещей объективной реальности. «Фактически сингулярность («событийная первичность» – Е. С., С. С.) <...> побуждает событие как к беспрестанному делению, так и новому воссоединению в одном и том же Событии; она заставляет сингулярные точки распределяться согласно подвижным и коммуницирующим фигурам» [Делез, 2011, с. 153–154].

Вектор развития ПС задаётся сингулярностью ВОС. Влияние ВОС на категоризационно-интерпретационную деятельность говорящего позволяет разграничить «сильные» и «слабые» ситуации. В свою очередь «сильные» ПС – это те, в пределах которых пространственно-временные факторы, законы объективной реальности детерминируют поведенческие сценарии и паттерны (иначе – набор стереотипных поведенческих реакций, последовательность действий). «Слабые» ПС характеризуются вариативностью реакций, обусловленной индивидуальными особенностями воспринимающего [Росс, 2000, с. 34; Рягузова, 2008; Mischel, 1977, с. 100–129]. Обратимся к анализу практического материала:

1. *So viele Geschlechter waren verblutet, seitdem sie die Sonnenaltäre der Kelten hier auf den Hügeln verbrannt hatten, so viele Kämpfe durchgekömpft, daß sie jetzt glauben konnten, die besitzbare Welt sei endgültig umzäunt und gerodet* (A. Seghers, 1993, S. 5);

2. *Und: wenn schon Land dem Feind überlassen, dann nur zerstörtes* (M. Gebhardt, 2015, S. 45);

3. *In vielen Abteilen war gar kein Platz mehr, so dass die Menschen auch draußen, auf den Gängen, standen* (H.-J. Ortheil, 2015, S. 14);

4. *Denn Mendel Singer hatte in Amerika, wo alles eilte, erst gelernt, langsam zu wandern* (J. Roth, 1975, S. 110);

5. *Es war ihm, als würde allmählich das Geräusch seiner Schritte, sein Atem, das Wispern des Harsches, das Achzen im Waldholz, das Raunen des Wassers unter dem Eis der Emmer, ja als würde alles um ihn herum anschwellen und immer lauter und mächtiger tönen* (R. Schneider, 2007, S. 18).

Анализ представленных выше примеров позволяет констатировать, что речевые высказывания (1), (3) фиксируют ВОС, которые актуализируют ПС так называемого «сильного» типа. Так, в речевом высказывании (1) указывается на начальную границу существования ВОС, репрезентируемого главной частью. Связь между компонентами главной и зависимой частей в рассматриваемом речевом высказывании осознается говорящим как отклонение от обычного хода событий, вызывающее значительные перемены в окружающей действительности. С этой целью используются глаголы предельных способов действия с результативным значением *verbluten* и *verbrennen*, которые представляют процесс как единое целое, охватывая его от начала до конечной точки, а не как последовательность отдельных этапов. Использование данных глаголов подчёркивает целостность и одновременно наступления результата.

Что касается речевого высказывания (2), то реализация ВОС главной части находится в непосредственной зависимости от события придаточной части. Эта «зависимость» интерпретируется говорящим сквозь призму «культурного сценария жизни» (по определению Н. В. Гришиной), который представляет собой набор общепринятых и обязательных в определённый исторический период событий.

В речевом высказывании (3) даётся указание на причину существования ВОС придаточной части. На интерпретацию взаимосвязи между этими событиями оказывает влияние индивидуальное восприятие говорящего, который представляет эту взаимосвязь как отображение закономерных логических отношений. Об этом свидетельствует союзное слово *so dass*, имеющее валентность следствия, т. е. подчиняющее себе придаточную часть со значением следования, а также локативные сирконстанты *in vielen Abteilen, draußen, auf den Gängen*.

Речевые высказывания (4), (5) фиксируют ВОС, актуализирующие ПС слабого типа. Согласно анализу научных исследований переживание подобных событий может привести к «антропному сингулированию» (термин К. А. Кедрова), т. е. к смыслообразованию, формирующему экзистенциальную идентичность говорящего [Кедров, 2001, с. 150; Бакеева, 2014, с. 311–315; Гришина, 2020, с. 174–175].

В речевом высказывании (4) определяется место реализации ВОС главной части. В рассматриваемом высказывании концепция пространства представляется как относительная, так как говорящий, помимо ука-

зания на местоположение, приписывает ему уникальное качество, определяемое лишь его восприятием,

Особенность речевого высказывания (5) заключается в том, что в нём ВОС главной части квалифицируется посредством ВОС придаточной части. Оценка значимости происходящих событий зависит от возникающих у говорящего ассоциаций, связанных с явлениями окружающей действительности. Указанные ассоциации носят личный, эмоциональный характер, поэтому становятся неотъемлемой составляющей экзистенциального опыта. Они остаются в памяти говорящего на долгий период и воспроизводятся при необходимости. По этой причине в данном высказывании используются глаголы слухового восприятия в функции предикатов: *anschwellen, tönen*.

Проведённый анализ закономерностей процессов конфигурации внутренней программы речевого высказывания с подчинением показал, что в основе внутренней программы речевого высказывания лежит воспринимаемое и отражаемое сознанием говорящего внеантропологические онтологическое событие, которое характеризуется сингулярностью (иначе – событийной первичностью). Внеантропологические онтологическое событие запускает процесс генезиса говорящего, детерминируя способ включения воспринимаемого и отражаемого её сознанием фрагмента. Психологическая ситуация представляет собой когнитивный конструкт, посредством которого говорящий встраивается в социальный контекст. Психологическая ситуация включает в себя такие экстралингвистические факторы, как пространство, время, законы объективной реальности.

2.5. СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕПУТАТОВ ГЕРМАНСКОГО БУНДЕСТАГА (на примере выкриков с места в ходе парламентских дебатов)

Настоящее исследование посвящено особенностям парламентской коммуникации в Германии. Материалом для анализа послужили пленарные дебаты, являющиеся, как известно, ключевой составляющей публичного парламентского общения [Принципалова, Саванкова, 2023, с. 154]. Парламентский дискурс является по своей сути институциональным, то есть строго регламентированным. Следовательно, он не должен предполагать отступлений от утверждённого порядка выступлений: несанкционированных высказываний, спонтанных реплик, не одобренных председателем и др. Однако именно в германском бундестаге выкрики с места, перебивающие реплики, спонтанные вопросы, восклицания стали неотъемлемой частью парламентской коммуникации. Более того, в протоколах заседаний они отражаются предельно точно, без попыток заменить грубые лексические единицы и «непарламентские выражения» эвфемизмами.

Важно отметить, что выкрики с места, несмотря на их явно выраженную агрессивность и то, что они преследуют цель перебить оратора, сбить его с мысли, вызвать замешательство, не приводят к остановке заседания, прерыванию коммуникации. Более того, они не являются случайными. Будучи неотъемлемой частью политических дебатов и дискуссий, такого рода высказывания имеют важное значение: они являются средством осуществления нападок на оппонента, действенным инструментом реализации имиджеразрушающей коммуникативной стратегии, и в то же время – способом самоутверждения и зарабатывания «политических очков».

Отметим, что парламентская коммуникация в Германии носит, по мнению ряда исследователей, характер перформанса, включающего в себя элементы театральности, порой в ущерб конструктивному началу [Зими́на, 2021, с. 133]. Соответственно, и диалоги, происходящие в ходе дебатов, отличаются известной степенью постановочности. Истинным адресатом как выступлений, запланированных в повестке, так и несанкционированных выкриков с места, является широкая публика, которая, пусть и не присутствует в зале, однако является настоящим объектом воздействия политических акторов. Существующее положение вещей точно охарактеризовала Х. Д. Кэмпер, обозначившая в своём исследовании германский парламент как *Schaufensterparlament* («nach außen kommuniziert wird im Parlament, inhaltlich gearbeitet und abgestimmt wird in den Ausschüssen») [Kämper, <https://www.ids-mannheim.de/>, S. 7].

В фокусе исследовательского интереса Х.Д. Кэмпер оказываются, впрочем, не столько особенности парламентского дискурса в общем, сколько те изменения, которые произошли в парламентской коммуникации Германии со времени появления в рядах депутатов политиков, представляющих партию «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, далее в тексте – AfD). На основе анализа, опирающегося на солидную эмпирическую базу, а также данных германских СМИ, исследователь отмечает: «seit die AfD in den Parlamenten sitzt, sind die Debatten lebhafter, lebendiger, weniger langweilig» [ebd., S. 3]. Таким образом, подчёркивается, что с появлением новой партии дебаты стали более оживлёнными и менее скучными. Автор указывает на то, что принципы и основы ведения заседаний и проведения дебатов остались прежними, однако при этом увеличилась частотность выкриков с места, перебивающих реплик, изменилось и их качество. Данное утверждение исследователь иллюстрирует, например, фактом частого нарушения словесных табу (*Tabubrüche*) [ebd., S. 4].

Явным новшеством, по мнению Х.Д. Кэмпер, является то, что что политики, представляющие в парламенте партию AfD, осознанно делают ставку на провокационное поведение, во многом связанное с эмоциями и

спонтанным выражением чувств – «mit Emotion und spontanem Gefühlsausdruck» [ebd., S. 4]. Их целью является всякий паз превратить свои действия в парламенте в событие, для этого применяются тщательно выверенные и искусно применяемые инструменты, способствующие привлечению наибольшего внимания. В числе методов, которыми пользуются депутаты от AfD, автор называет и выкрики с места.

Наблюдения Х. Д. Кэмпер представляют несомненный интерес, именно они побудили выбрать в качестве материала для анализа транскрипт заседания германского бундестага от 20 декабря 2024 года, в ходе которого депутаты от партии AfD (впрочем, как и их политические оппоненты) проявили себя ярко и активно. Заседание состоялось накануне досрочных выборов в германский парламент, что обусловило высокий эмоциональный накал и значительный уровень полемичности высказываний политиков, как выступающих с трибуны, так и высказывающихся с места. В завершении обсуждения вопросов повестки слово было предоставлено депутату от партии AfD Беатрикс фон Шторх, которая выступила с резкой критикой деятельности глав Федерального и одного из региональных ведомств по защите конституции ФРГ и осудила их попытки признать AfD правозащитной организацией. Политик потребовала прекратить произвол и преследование её партии, обьявив применяемые в отношении AfD меры и ограничения антидемократичными и имеющими единственную цель – вывести сильного политического противника, каковым, по её мнению, является AfD, из предвыборной гонки.

Высказывания г-жи фон Шторх, особенно в отношении представителей Федеральных ведомств по охране конституции, носили эмоционально-оценочный характер и отличались выраженной пейоративностью. Приведём ряд примеров: *Gefahr für die Demokratie, rücksichtslose Instrumentalisierung des Verfassungsschutzes für die parteipolitische Interessen u obsessiver, persönlicher Kreuzzug gegen die AfD* и др. Глава внутренней разведки Т. Хальденванг именовался не иначе как *treuer Parteisoldat, willfähiger Handlanger*. В определённый момент оратор перешла на личности и позволила себе в отношении чиновника характеристику *strunz-dummer Haldenwang*. Рамки работы позволяют привести лишь некоторые примеры, призванные проиллюстрировать, насколько эмоциональными, хлёткими, подчас грубыми номинациями оперировал г-жа фон Шторх. Её речь сопровождалась многочисленными выкриками со стороны оппонентов, что, ожидаемо, не помешало политику довести выступление до конца.

После в дебатах приняли участие политические противники – депутаты, представляющие следующие партии: «Социал-демократическую партию Германии» (SPD), «Христианско-демократический союз Германии / Христианско-социальный союз Германии» (CDU/CSU), «Свободную де-

мократическую партию Германии» (FDP), «Союз 90/Зеленые» (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN). Их позиция в отношении обсуждаемого вопроса была практически единодушной: органы внутренней разведки, стоящие на страже Конституции, справедливо причисляют AfD к правоэкстремистским организациям. В рядах данной политической партии много радикально настроенных элементов, представляющих собой угрозу демократии. Партия является деструктивной силой, подрывающей основы демократического общества. Ораторы, подобно г-же фон Шторх, открыто осуществляли нападки на представляемую ею партию, их выступления также содержат многочисленные примеры вербальной агрессии, напр.: «*die Verfassungsfeinde, ... die mit unserer freiheitlich-demokratischen Grundordnung nicht vereinbar sind*»; «*Deswegen glaube ich, dass an dieser Stelle mal ein Dank an alle Behörden und Behördenmitarbeiterinnen und -mitarbeiter angezeigt ist, die sich tagtäglich mit diesem Schmutzkram, der von Ihnen ausgeht, beschäftigen müssen*»; «*Liebe Frau von Storch, mehr gibt es eigentlich nicht zu sagen. Sie sind ein rechtsextremer Verdachtsfall, und das ist auch gut so!*»; «*Und ich will Ihnen ehrlich sagen: Es ist die AfD, die seit Jahren hier rumpöbelt, Ordnungsrufe sammelt und all diese Verfahren gegen sich laufen hat.*»; «*Sie sind keine Alternative für Deutschland. Sie sind eine Schande für Deutschland.*» и др.

Роли в политическом перформансе перераспределились таким образом, что настала очередь Б. фон Шторх и её однопартийцев выкрикивать с места и перебивать выступающих с трибуны, пытаясь дискредитировать их лично или представляемые ими партии, оспорить высказывания и суждения, оправдать собственные слова и поступки, а также повысить имидж собственной партии, и, в конце концов, получить поддержку избирателей. Далее приведём и прокомментируем некоторые примеры.

C. Wegge (SPD):

«*Sie versucht, mit falschen Vorwürfen und absurden Unterstellungen staatliche Institutionen und ihre Amtsträger/-innen verächtlich zu machen.*» (Zuruf von der AfD: Was war denn absurd?). Представители AfD выражают несогласие с тем, что их обвинения в сторону органов внутренней разведки расцениваются как «инсинуации» (*absurde Unterstellungen*); «*Wer also noch Anhaltspunkte für die Bestrebungen der AfD gegen das Demokratieprinzip sucht...*» (Zuruf von der AfD: Bla, bla, bla!). Данная реакция содержит скорее не содержательный, а эмоциональный посыл: потенциальному адресату даётся понять, что речь оппонента – ничто иное как пустая болтовня; «*Und der Verfassungsschutz ist verpflichtet, die Öffentlichkeit zeitnah zu informieren, zu welchen Bewertungen das Amt gekommen ist. Das gilt übrigens aktuell auch wieder. Wie wir wissen, wird es zeitnah ein neues Gutachten zur AfD als Gesamtpartei geben.*» (Zuruf von der AfD: Pünktlich zur Wahl!). Представители AfD привлекают внимание к

тому факту, что расследование и обнародование его результатов намеренно осуществляются во время предвыборной гонки, что расценивается как попытка вывести из борьбы сильного политического противника; «Liebe Kolleginnen und Kollegen, unsere Demokratie ist wehrhaft. Dazu gehört der Verfassungsschutz, der uns wichtige Hinweise geben kann, aber auch Artikel 21 Grundgesetz.» (Beatrix von Storch, AfD): *Wie in jeder Diktatur! Der Geheimdienstchef entscheidet, ob die Opposition existieren kann!*). Данный пример демонстрирует попытку Б. фон Шторх обратить против политических оппонентов их собственное оружие. Будучи многократно обвиненной в том, что представляемая ею партия является по сути антидемократической, она называет немецкую политическую систему диктатурой, в которой шеф тайной полиции решает судьбы оппозиции.

Н. Hoppenstedt (CDU/CSU):

«Es ist natürlich klar, dass Sie das als AfD stört, dass sich der Verfassungsschutz mit Ihnen befasst, ...». (Beatrix von Storch, AfD): *Der Verfassungsschutz ist die Regierung!*). Политик обвиняет ведомства по охране Конституции в предвзятости и подчинении воле правительства; «Da ist zum Beispiel Ihre frühere Bundestagskollegin Malsack-Winkemann, (Karsten Hilse, AfD): *Ah!*) die hier in der letzten Wahlperiode saß, (Benjamin Strasser, FDP): *Wo sitzt sie jetzt noch mal?* – (Beatrix von Storch, AfD): *Ist sie verurteilt, oder was? Ist sie verurteilt? Ist sie verurteilt?*); «Sie hat mit einer Truppe zusammen... (Beatrix von Storch, AfD): *Das ist Verleumdung, was er macht!*) ... (einen Staatsstreich geplant)». Приведённые примеры показывают, что речь оратора, вызвавшая сильный эмоциональный отклик у депутатов AfD, прерывается множественными выкриками и восклицаниями, включающими в себя междометие *Ah!*, многократно произнесенный вопрос *Ist sie verurteilt?* и, в качестве своеобразной кульминации, лексическую единицу *Verleumdung*, цель употребления которой – показать несостоятельность и клеветнический характер обвинений в адрес коллеги по партии.

Л. Eckert (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN):

«Hans-Thomas Tillschneider, AfD-Landtagsabgeordneter und stellvertretender Landesvorsitzender in Sachsen-Anhalt, erklärte, bei der deutschen Fußballnationalmannschaft handle es sich nicht um eine – Zitat – „echte Nationalmannschaft“, sondern um eine – Zitat – „bunt zusammengewürfelte Söldnertruppe der Deutschland AG“...» (Beatrix von Storch, AfD): *Wegen dieses Schwachsinn muss die AfD verboten werden! Vollkommen klar! Ein Irrer! AfD verbieten! Klar!*). В ситуации, когда оппонент обвиняет представителя партии в расизме, приводя цитаты из выступлений последнего, Б. фон Шторх сложно опровергнуть нападки, поскольку они обоснованы. Цель её высказывания – дистанцироваться от коллеги, назвав его сумасшедшим, и назвать единичный случай подобно-

го рода неподобающего поведения недостаточным для запрета целой политической организации.

Dr. Ralf Stegner (SPD):

«Frau Präsidentin! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Die AfD jammert hier rum. Die Aktuelle Stunde ist eigentlich völlig überflüssig.» (Dr. Christian Wirth, AfD): *Sie sind überflüssig!*). В ответ на осуществляемые оппонентом нападки и попытки признать поднятый представителями AfD вопрос недостойным обсуждения в парламенте, букв. «лишним», представитель AfD в своём выкрике переходит на личности, называя тем же словом самого ритор; «Zitat: „Am besten das Pack zurück nach Afrika prügeln.“ Und: „Auf der Stelle erschießen, dann wird sich das ganz schnell legen.» (Beatrix von Storch, AfD): *Alles Leute, die gemäßregelt worden sind oder sich entschuldigt haben!*). Поскольку цитаты однопартийцев носят откровенно расистский характер и содержат призыв к насилию, Б. фон Шторх вынуждена оправдываться, заявляя, что эти люди или уже понесли дисциплинарное наказание, или принесли извинения; «„Ich würde niemanden verurteilen, der ein bewohntes Asylantenheim anzündet!“ – Das ist ein glasklarer Mordaufruf, meine sehr verehrten Damen und Herren!» (Beatrix von Storch, AfD): *Da kennen Sie sich ja aus! AfDler töten ist völlig in Ordnung!*). Защищаясь, представитель партии AfD указывает на двойные стандарты, согласно которым преследование или даже убийство её однопартийцев – привычное дело для оппонентов; «Das Einzige, was man mit Ihnen tun kann, ist, Sie zu bekämpfen, bis Sie endlich aus den Parlamenten verschwunden sind, meine sehr verehrten Damen und Herren.» (Beatrix von Storch, AfD): *Viel Erfolg! Machen Sie das!*). Данный пример демонстрирует готовность противостоять противнику, намеревающемуся сделать всё для того, чтобы AfD «исчезла» из парламента; «Rechtlich sind Sie gesichert rechtsextrem; das kann man hier gar nicht bestreiten. Sie sind Verfassungsfeinde und gefährlich, ...» (Beatrix von Storch, AfD): *Was ist denn das für eine Lüge? Entschuldigung! Sie sagen wissentlich die Unwahrheit!*) ...und es ist gut, wenn der Verfassungsschutz Sie überprüft.» (Beatrix von Storch, AfD): *Das ist unfassbar!*). Примечательно, что речь оратора, в ходе которой он называет AfD правоэкстремистской организацией и признаёт правомочность расследования деятельности данной партии, дважды прерывается выкриками Б. фон Шторх, которая обвиняет оппонента в намеренной лжи, и называет его позицию «(уму) непостижимой».

Canan Bayram (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN):

«Aber es ist mir nicht egal, weil die AfD den Menschen in diesem Land Angst macht. Die macht den Menschen Angst, die nicht in einer Gesellschaft leben wollen, wo Leute von Rechtsextremisten angegriffen werden, ...» (Beatrix von Storch, AfD): *Deswegen kommen so viele hierher! Aus Angst?*). В ответ на утверждение оппонента о том, что AfD внушает страх тем, кто

не хочет жить в обществе, где возможны нападения правозэкстремистов, г-жа фон Шторх указывает на растущую популярность партии, спрашивая с иронией, не страх ли приводит новых избирателей в ряды AfD; «Aber wichtig ist nicht nur mit Blick auf die Wahl, dass wir uns dieses schöne Land auch nicht kaputtmachen lassen.» (Volker Münz, AfD): *Das machen Sie kaputt!*). Отвечая на обвинение в том, что AfD хочет разрушить страну, представитель партии обвиняет оппонента в том же, буквально повторяя его слова; «Debatte zum Staatsbürgerschaftsrecht: Bei uns gehört jeder dazu, egal woher er kommt.» (Beatrix von Storch, AfD): *Genau, die ganze Welt, egal! Syrer, Eritreer, Pakistani, alle gehören dazu! 6 Milliarden!*) Несмотря на то, что Б. фон Шторх неоднократно пришлось опровергать обвинения в пропаганде расизма, её выкрик позволяет толковать их как небезосновательные. Вольно или невольно политик даёт понять своё истинное отношение к проблеме мигрантов; «Dass wir jetzt an zwei Tagen, gestern und heute, zweimal über Institutionen debattieren, die für den Schutz unserer Verfassung notwendig und richtig und vor allem auch wichtig sind, und Sie beide Male auf der entgegengesetzten Seite zum Schutz der Verfassung stehen, ...» (Beatrix von Storch, AfD): *Das Gegenteil ist wahr! – Karsten Hilse, AfD*): *Sie hebeln die Demokratie aus! Sie hebeln ganz normale demokratische Vorgänge aus!*) ... das wundert mich überhaupt nicht.» В своей реплике, прерывающей речь оппонента, К. Хильзе совершает вербальную агрессию, ставя оппоненту в вину «выведение из строя» демократических процессов в обществе.

F. Griewel (FDP): «Es gibt die Parlamentarische Kontrollkommission, ...» (Beatrix von Storch [AfD]): *Ja, ohne uns!*) ...auch in Thüringen.» (Beatrix von Storch, AfD): *Nee, gibt es nicht!*); «Die Parlamentarische Kontrollkommission hat übrigens einen sehr umfangreichen Kontrollrahmen, darf also sehr weitgehend kontrollieren. Das müssten Sie eigentlich in diesem Falle gut finden.» (Beatrix von Storch, AfD): *Wir sind ja nicht dabei! Nicht demokratisch!*). Данные примеры демонстрирует тактику, обозначаемую рядом исследователей как *Selbstviktimisierung*, то есть позиционирование себя как жертву, преследуемую гонителями. Такой ход позволяет, в том числе, привлечь внимание и заручиться поддержкой избирателей; «Liebe Kolleginnen und Kollegen der AfD, ich bin mir sicher, dass die Menschen in diesem Land entscheiden können, wer sich für unsere Verfassung einsetzt, ...» (Beatrix von Storch, AfD): *Deswegen haben wir die Wahlen gewonnen, besonders in Thüringen! Da sind wir der klare Wahlgewinner!*)» ...wer auf dem Boden der Verfassung steht, und das tun Sie eben nicht.» (Karsten Hilse, AfD): *Ein 0,8-Prozent-Mann spricht hier!*) Приведённые реплики преследуют, в отличие от предыдущего примера, иные цели: самоутвердиться, показать сильные позиции партии, подчеркнуть её политические успехи, заодно указав оппоненту на его собственную несостоятельность.

J. Oster (CDU/CSU): «Und alsbald war da die Menge der Bürgerinnen und Bürger, die sprach: Ehre sei dem Grundgesetz, den vernünftigen Staatsmännern und -frauen und der sittlichen Reife unserer Demokratie und den Menschen in Deutschland ein Wohlgefallen» (Karsten Hilse, AfD): *Sie verhöhnen gerade das Christentum! Sie nennen sich eine „christlich-demokratische“ Partei und verhöhnen das Christentum! Das ist abartig, was Sie hier tun!*). Приведённый пример интересен тем, что оратор, выступающий последним, по случаю наступающего Рождества выбрал для своей речи необычный стиль, больше подходящий для проповеди во время церковной службы – торжественный и несколько напыщенный. Содержание выступления, однако, мало отличалось от предыдущих: ритор указывал на необходимость защиты Конституции и неправомочность действий AfD. Избранный им высокий стиль вызвал негативную эмоциональную реакцию, оппоненты обвинили политика в насмешке над Рождеством его действия «извращёнными», особенно с учётом принадлежности к «христианско-демократической» партии.

Анализ языкового материала позволяет сделать ряд выводов и обобщений. Проанализированный транскрипт парламентских дебатов содержит значительное количество зафиксированных несанкционированных высказываний: выкриков с места, перебивающих реплик и др. Наибольшей активностью среди представителей партии AfD характеризуется Б. фон Шторх. Лексический состав высказываний позволяет говорить о преобладании политической лексики, поскольку они являются частью парламентской коммуникации, напр.: *die Diktatur, die Wahl, die Opposition, die Regierung, der Verfassungsschutz* и др. Наряду с этим политики употребляют и обиходно-разговорные лексические единицы: частицу *ja*, отрицание *nee*. Возможно предположить, что подобного рода «неподобающие» выражения – это своеобразная провокация, призванная вывести из себя оппонента. Поскольку выкрики с места большей частью носят эмоциональный характер и выражают негативно-оценочные суждения, в них обнаруживается соответствующая лексика: *Verleumdung, Unwahrheit, Schwachsinn, Lüge, Irrer, absurd, überflüssig, unfassbar, tören, kaputtmachen* и др. В отношении преобладающих синтаксических структур отметим, что большинство высказываний представляют собой восклицательные предложения. Значительная их часть – нераспространённые или содержащие незначительное количество второстепенных членов: «*Der Verfassungsschutz ist die Regierung!*», «*Sie sind überflüssig!*», «*Deswegen kommen so viele hirher!*», «*Das machen Sie kaputt!*» и др. Ряд предложений имеют эллиптический характер. Это обусловлено, возможно, стремлением говорящего «успеть» произнести свою реплику, а также нарочитой «лозунговостью» ряда высказываний: «*Vollkommen klar!*», «*Wie in jeder Diktatur!*», «*AFD verbieten! Klar!*» и др. Сложные предложе-

ния представлены единичными случаями. Отметим также, что ряд выкриков с места, в соответствии с коммуникативным намерением политических акторов, имеют ироничную окраску: «*Viel Erfolg! Machen Sie das!*»). Вопросительные предложения являются таковыми лишь формально. Очевидно, что говорящий не рассчитывает на ответ оппонента: «*Ist sie verurteilt, oder was? Ist sie verurteilt? Ist sie verurteilt?*»

Таким образом, наблюдение над языковым материалом позволяет согласиться с утверждением, что парламентские дебаты с участием депутатов от партии AfD носят оживлённый, пусть и не во всех случаях конструктивный характер. Находясь в оппозиции по отношению к представителям практически всех остальных политических сил в стране и представляя порой радикально противоположные общепринятым взгляды и убеждения, представители AfD пытаются утвердиться на политической арене, привлечь внимание общественности и завоевать доверие избирателей, используя различные инструменты, в том числе и выкрики в ходе парламентских дебатов и дискуссий.

2.6. ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДКАСТА В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Прагматика политического подкаста определяется его двойственной функцией: с одной стороны, он удовлетворяет потребность аудитории в экспертной оценке событий, с другой – формирует эмоционально-ценностную связь через имитацию неформального диалога.

Доступность политического подкаста как жанра обусловлена технической простотой и стратегиями адаптации языка под целевую аудиторию. В отличие от академических лекций или официальных отчётов, подкасты используют разговорный регистр и метафоры, апеллирующие к повседневному опыту.

Синтез вербальных и невербальных семиотических систем, т.е. креолизация является свойством речевого жанра политического подкаста, который редко ограничивается «чистым» аудио. Он включает музыкальные джинглы, звуковые эффекты (например, сатирические «фанфары» при упоминании оппонента в «Pod Save America»), монтажные склейки, имитирующие живой диалог, а также визуальные элементы в описаниях эпизодов (хештеги, мемы, инфографику). Креолизация служит также инструментом стирания границ между «высоким» анализом и попкультурой.

Процесс креолизации в политическом подкасте проявляется в гибридизации разнородных семиотических систем – вербальных, аудиальных, а в случае видеоподкастов и визуальных. Например, в подкасте «Pod Save the People» ведущий ДеРэй МакКессон использует афроамериканский вернакулярный английский и отсылки к хип-хоп-культуре, создавая эф-

фект «своего» для молодёжной аудитории, что служит прагматической цели мобилизации через аутентичность. Такая стратегия не просто адаптирует сложные политические концепции, но и перекодирует их в систему культурных смыслов целевой группы.

Форма подачи сообщения становится не менее важной, чем его содержание. Профессиональные подкастеры используют правильно подобранную музыку, вставки, мемы. Особое внимание уделяется поддержанию контакта с аудиторией. Фразы вроде *okey, go o» или are you with us?*, добавляют эффект живого диалога.

Языковой код подкаста представляет собой как профессиональную лексику, так и упрощённые обороты, или даже сленг. Экспрессивная функция наиболее ярко выражена в речевых характеристиках ведущего и гостей. Использование маркеров субъективности: *I'm convinced, in my opinion*; эмоционально окрашенной лексики: *shameful, outrageous* – формирует образ коммуникатора. Ведущие используют прямые императивы/требования *think about it, remember this, pay attention*. Факты подаются через превращение каких-либо данных в историю, персонализацию *one of my friends faced injustice...*, что делает сюжет более личным и сокровенным и акцентирование на отдельных аспектах.

Адресантом в типичном политическом подкасте выступает ведущий или гость, может быть эксперт, чья основная цель заключается не просто в передаче информации, но и в формировании определённого эмоционального отношения аудитории к обсуждаемой проблеме. Адресатом в данной коммуникативной ситуации являются слушатели, причём подкастеры активно используют различные приёмы воздействия на аудиторию. Прямые обращения: *Put yourself in the place...* и риторические вопросы: *Do you also feel that injustice?, ... And how can you trust their promises after this?, What do you think happen next?!* создают иллюзию очевидности позиции, вынуждая аудиторию соглашаться или повышают вовлечённость, имитируя возмущение, добавляя чувство сопричастности.

Название выпуска политического подкаста – кричащее название, броское, которое невозможно не заметить. Помимо названия, важно превью, где представлены участники подкаста: ведущий и приглашённые гости, или обсуждаемая проблема – наводнение, пожары, выборы, забастовки, митинги. Опираясь на превью и название, слушатель сделает свой выбор, на каком-то выпуске он остановится. Бывают такие громкие названия выпусков, на самые актуальные темы, что они собирают миллионные просмотры. Так можно понять, что же именно интересует публику, какие темы они просят.

Рассмотрим подкаст «Pod Save America» [Pod Save America¹, 2025]. Этот подкаст отличается от множества других политических подкастов акцент на построении сообщества. Термины, такие как «Friends of the podcast», – это не просто фразы; они обозначают более широкую сеть политически осведомлённых людей, стремящихся участвовать в гражданских обязанностях.

Авторы канала описывают своё шоу следующим образом: *The podcast serves as a political compass for Democrats and curious political minds.*

Эпизод под названием *Trump Lashes Out Wildly At Apple, Europe and Harvard in Chaotic Spree* вышел в эфир 24 мая 2025 года. Ведущие Джон Фавро, Дэн Пфайфер, Томми Вьетор и Джон Ловетт реагируют на последние угрозы Трампа о тарифах и на его гнев в отношении Гарварда, связанный с тем, что, многие иностранные студенты вуза, по мнению Трампа, выступали в антисемитских демонстрациях на фоне вооружённого конфликта между Израилем и Палестиной. Данный выпуск носит неформальный характер, трое ведущих располагаются в студии и сидят вместе за одним круглым столом, каждый ведущий имеет перед собой микрофон, а Джон Л. находится с остальными на видеосвязи.

Эпизод начинается с небольшого личного вступления ведущего Джона Ф.: *It's not often I wake up and there's like multiple breaking news – New York Times notifications on your phone about Donald Trump.* На это он получает мгновенную реакцию в виде сарказма от со-ведущего: *Really? It that like most days?* Автор утверждает, что редко видит уведомления о Дональде Трампе, намекая, на необычность этого события. Со-ведущий мгновенно возражает с явной иронией, так как о Дональде Трампе буквально ежедневно публикуются десятки, а то и сотни свежих новостных записей.

По ходу подкаста нет никаких долгих приветствий, зритель с самого начала слышит информацию, небольшую «предысторию» от ведущего и быстрый переход к теме. Несмотря на сложность обсуждаемой темы, юмор и ирония в данном выпуске снимают напряжение, обусловленное сложной для участников подкаста темой. Джон подшучивает над Томми, говоря: *So starting on June 1st, he wants to recommend a straight 50% tariff. So uh... going be tough to drink those French wines Tommy.* На что Томми отвечает: *No. I need a better I need a better one of those,* таким образом соглашаясь с Джоном.

В мае 2025 года между администрацией Дональда Трампа и Гарвардским университетом произошел конфликт об иностранных студентах. Дональд Трамп заморозил федеральные гранты Гарварда на 2,2 млрд

¹ Pod Save America: podcast / J. Favreau, Jon Lovett, Tommy Vietor. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_1kSkwBvT7I (Accessed: 24.05.2025).

долларов, для их разморозки от вуза потребовали разработать систему для отказа в обучении иностранцам, «враждебно настроенным к американским ценностям и институтам». В выпуске подкаста, Джон начал обсуждение данной ситуации со словами: *Harvard sued. A temporary injunction was issued this morning, Friday, but the chaos continues. Students don't know if they'll be able to get into Harvard at all.*

Фраза «*chaos continues*» подчеркивает социальную напряжённость вызванную данным событием.

На минуте 2:08 прозвучала фраза “*Trump versus the world*”, противопоставляющая Трампа всему миру в лице всех иностранных студентов Гарварда по отношению к которым Трамп требует ужесточения: *This is approximately 6,800 children. So 27 % of last year's graduates are foreigners.* Затем идёт отсылка к посту профессора Гарварда о том, что среди тех, кто рискует не поехать в Гарвард в этом году, есть ветераны Армии обороны Израиля – *...so in order to combat anti-semitism we are telling israeli war veterans that they cannot get into harvard this year...* Обращение к конкретным цифрам и деталям ситуации (студенты, ветераны) смещает фокус с эмоциональной реакции на рациональный анализ.

Языковые единицы *lashes out, wildly, chaotic* несут сильный негативный заряд и создают образ Трампа как неконтролируемого, агрессивного, хаотичного деятеля, что само по себе нагнетает тревогу и напряжение вокруг его действий.

Риторические вопросы – *What the hell is he doing?, Is he really going to do this?* – являются эмоциональной реакцией на абсурдность ситуации, которую видят ведущие. Восклицание *Damn it!* усиливает чувство возмущения. Это создаёт напряжение, подчёркивая непредсказуемость и потенциальную опасность действий Трампа.

Политический подкаст как речевой жанр формируется под влиянием трёх взаимосвязанных параметров: прагматики, направленной на мобилизацию через эмоции и действие; креолизации, превращающей мульти-модальность в инструмент убеждения; и доступности, обеспечивающей интеграцию в повседневные практики. Эти параметры не статичны: персонализация контента через алгоритмы и рост нишевых аудиторий трансформируют жанр, делая его ключевым элементом политической коммуникации XXI века.

Дискурсивные и языковые условия реализации американского политического подкаста демонстрируют его интердискурсивную природу. Подкаст функционирует как сложный жанр, интегрирующий элементы различных коммуникативных форматов: публичных дебатов, через структуру «вопрос-ответ» и жесткую аргументацию, интервью, с акцентом на раскрытие личности гостя через биографические нарративы и аналитические комментарии, с детальным разбором законодательных иници-

циатив. Эта жанровая гибридность соответствует ключевым признакам интердискурсивности: многоуровневости текстов, их существованию на фоне социокультурного контекста и диалогу между текстами через взаимное цитирование.

Языковой код подкаста представляет собой функциональный гибрид профессиональной политической лексики и разговорных оборотов, что обеспечивает баланс между экспертной глубиной и доступностью. Использование специфических политических терминов, «импичмент», «легитимность», «экспансия», идеологем «американская мечта», «социальная справедливость» и слоганов «Make America Great Again» мгновенно делает дискурс политическим, а разговорные слова и структуры создают доверительную атмосферу «разговора на кухне».

Коммуникативные цели подкаста гибричны. Он информирует о политике и в тоже время развлекает, анализирует, двигает вперед свою точку зрения и создаёт единомышленников.

Особенностью подкаста также является то, что аудитория предстаёт «участником», хотя и остаётся где-то в стороне. Человек слушает, соглашается или возражает, он почти третий собеседник, он тоже делает свои выводы. Здесь наблюдается самая главная цель подкаста – формирование мнения у слушателя.

Таким образом, современный политический подкаст представляет собой качественно новое явление в коммуникативном пространстве, соединяющее уже привычные механизмы речевого воздействия с особенностями цифровой среды.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что современный политический подкаст представляет собой качественно новое явление в коммуникативном пространстве, соединяющее уже привычные механизмы речевого воздействия с особенностями цифровой среды. В отличие от классических форм политической коммуникации, подкастинг создаёт уникальную взаимосвязь рационального с эмоциональным, индивидуального с коллективным, спонтанного с запланированным. Американский политический подкаст демонстрирует сочетание институциональных, социокультурных, дискурсивных и технологических условий своего функционирования.

2.7. РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В РЕКЛАМНО-ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Авторский план создания текста условно можно представить в виде двух основных стратегий: концептуально-тематической стратегии, направленной на объект изображения, и коммуникативно-прагматической стратегии, направленной на адресата и формирование рецептивной программы текста, в которой заложены прогнозируемые автором реакции предполагаемого читателя. Функционально-прагматической особенностью текстов из

рекламной сферы общения является персуазивность, которую в самом общем виде можно определить как воздействие с целью побуждения реципиента к принятию решения в интересах адресанта [Hoffmann, 1998]. Это в полной мере относится и к рекламно-туристическому дискурсу, который объединяет рекламные тексты с концептуально-тематическим содержанием, охватывающим туристическую деятельность.

Персуазивный характер рецептивной программы туристической рекламы предполагает взаимодействие рационального убеждения и эмоционального воздействия, чтобы через принятие авторской точки зрения и позитивное изменение эмоционального настроя склонить реципиента к конкретному действию в виде покупки тура [Голоднов, 2008, с. 15]. Для этого используется персуазивная тактика создания доверительной атмосферы, в реализации которой участвуют элементы разговорной речи. Они придают туристической рекламе разговорный колорит, представляя её как дружеское общение, в котором клиент может найти ответы, соответствующие его интересам и потребностям.

Рассмотрим участие элементов разговорной речи в формировании рецептивной программы рекламно-туристического дискурса на текстовом материале немецкоязычного туристического сайта [rundreisen.de].

В качестве стиливого приёма адресации, переводящего в фокус диалога монологический режим представления туристического путешествия, используется разговорный синтаксис, составляющий существо разговорной речи. По замечанию В. Д. Девкина, «вне специфического синтаксиса разговорная речь немислима» [Девкин, 1979, с. 78].

Для диалога характерны коммуникативные установки на запрос информации у собеседника или обращение к нему с просьбой, требованием или советом. Поэтому вопросительные и побудительные предложения выступают разговорными маркерами в тексте туристической рекламы, которые участвуют в управлении восприятием реципиента. Они моделирует ситуацию, в которой субъект речи задаёт предполагаемые вопросы адресата, желающего получить возможность не только отдыха, но и знакомства с культурой и традициями стран, входящих в туристический маршрут. В этом случае авторский монолог прерывается конструкцией вопросно-ответного единства, содержащей краткое утверждение, что рекламируемый тур обязательно даст ответы на эти вопросы: *Wie wird diese Frucht angebaut? In was für Maschinen wurde Kakao damals verarbeitet und wie läuft der Prozess von der Frucht bis zur Schokolade? All das erfahren wir heute.*

Появление вопроса с позиции субъекта речи может обратить внимание адресата на возможность обогащения своего ментального или эмоционального опыта во время рекламируемого путешествия. Особенностью таких вопросно-ответных комплексов является побудительное предложе-

ние, содержащее совет получить незабываемые впечатления от участия в мероприятиях, предлагаемых туристической программой. В следующем примере побудительность усиливается разговорной частицей *doch*, а вопрос формулируется конструкцией неполного предложения с редуцированными главными членами, позволяющей сконцентрировать внимание на коммуникативно-значимых членах предложения: *Nachmittags ein Extraschuss Adrenalin gefällig? Dann gehen Sie doch auf eine Canopy-Tour und sausen Sie am Drahtseil durch die Baumkronen.*

Типичную для разговорного синтаксиса экономию языковых средств демонстрируют также безглагольные предложения, в которых концентрация внимания достигается компрессией информации о планируемом распорядке отдельных дней рекламируемого тура: *Übernachtung mitten im Dschungel in Zeltcamps. Morgens Übernahme des Mietwagens in der Stadt. Anschließend Weiterfahrt nach San José. Am Nachmittag Zeit zur freien Verfügung.*

Вопрос с позиции субъекта речи, появляющийся в финальной части туристической рекламы, как правило, побуждает адресата к когнитивным действиям, актуализирующим в его сознании полученную информацию на соответствие своим запросам к планируемому путешествию. Приём вопросно-ответного хода применяется здесь для акцентирования внимания на приглашении потенциального клиента к установлению контактов с туристической фирмой. В следующем примере используется так называемый полувопрос с порядком слов повествовательного предложения, которым выражается предположительный характер желания адресата получить дополнительную информацию. При этом вопрос и ответный призыв содержат прямое обращение к адресату в виде вежливой формы личного местоимения: *Sie haben weitere Fragen zum Reiseverlauf oder auch zur Durchführung der Reise? Dann sprechen Sie uns gern an!*

Наряду с номинацией адресата для реализации персуазивной тактики дружеского общения используются характерные для разговорного синтаксиса эллиптические и восклицательные конструкции: *Wenn Sie mitten in der Wüste plötzlich kleine bunte Häuschen sehen – keine Angst, Sie haben keinen Hitzeschlag. Sie haben die Oase Mulegé gefunden!*

Эмоционально-оценочные восклицания соотносятся с ситуацией, которая может описываться предшествующим предложением в повелительной форме. В следующих примерах это ситуации волнующего ожидания и встречи с богатством кулинарных ароматов: *Lauschen Sie den Geräuschen der Dschungelwelt. Wie aufregend! Freuen Sie sich auf das riesige Angebot an landestypischen Spezialitäten – ein Fest für die Sinne!*

Разговорный характер восклицательных предложений иногда усиливается афлексивной формой прилагательного в постпозиции к определяемому слову. В туристической рекламе без флексивного оформления

особенно часто используется прилагательное *pur*: *Adrenalin und Genuss pur! Heute erwartet Sie Abenteuer pur!* В следующем предложении уточняющие прилагательные в афлексивной форме акцентируются включением в перечислительный ряд присоединительной конструкции: *Genießen Sie die Natur pur – ursprünglich, ungezähmt und voller Überraschungen*. Акцентирующую функцию выполняет также парцелляция синтаксической структуры с выдвижением на первое место её коммуникативно-значимой части: *Riesig und lebendig. Das ist Tokyo*.

Приведённые выше примеры содержат повелительные предложения, которые выполняют функцию рецептивного управления благодаря семантике вежливой формы императива, предполагающей непосредственное обращение к адресату речи. Используемые при этом глаголы обозначают действия, относящиеся к социальному и когнитивному поведению потенциального туриста. Они апеллируют к ментальному и к эмоциональному миру адресата, побуждая его следовать представлению туристического маршрута.

В рекламно-туристическом дискурсе повелительные предложения играют текстообразующую роль, эксплицируя постоянный контакт субъекта и адресата текста и выступая тем самым абсолютным показателем его прагматической направленности. Так, в рекламном тексте «Best of Japan» императивные предложения присутствуют в представлении шести из десяти дней путешествия, а поддерживающие их в этом плане повествовательные предложения с местоименной номинацией адресата используются при описании каждого туристического дня. Местоимение *Sie* появляется при этом в синтаксических позициях субъекта, объекта или в притяжательной форме: *Die Metropole stellt sich Ihnen mit höchst unterschiedlichen Gesichtern vor. Eine einstündige Busfahrt an die Pazifikküste führt Sie heute ins späte 12. Jahrhundert. Bei Ihrem Spaziergang können Sie die zahmen Rehe beobachten*.

В некоторых текстах туристической рекламы предпочтение отдаётся более доверительному обращению к адресату на «ты» в императивных конструкциях. В повествовательных предложениях при этом используется местоимение 2-го лица единственного числа в личной и притяжательной формах: *Lehne dich zurück und entspanne dich in deinem Traumurlaub. An Bord erwarten dich zahlreiche Aktivitäten und Annehmlichkeiten, die deinen Urlaub zu einem unvergesslichen Erlebnis machen*.

Играя роль собеседника, разделяющего интересы и потребности адресата туристической рекламы, субъект речи может объединяться с ним, используя генерализирующее местоимение 1-го лица множественного числа, которое употребляется в прямом и косвенном падежах: *Wir sind schon vor dem Frühstück auf den Beinen, um die atemberaubende*

Vogelwelt zu entdecken. Vielleicht läuft uns ja der Göttervogel der Maya, der farbenprächtige Quetzal, vor die Linse!

Для имитации дружеского общения важна ориентация на стилевые черты разговорной речи: непринуждённость, оценочность, эмоциональность. Непринуждённость достигается в текстах рекламно-туристического дискурса с помощью слов и устойчивых выражений, входящих в коллоквиальный лексический фонд немецкого языка. Например, при выражении:

– чувства удовлетворения: *Abenteuerlustige kommen bei dieser Reise voll auf ihre Kosten;*

– расслабленного отдыха: *Am Nachmittag ist Zeit, die Seele baumeln zu lassen;*

– самостоятельности в принятии решения: *Erkunden Sie die Gegend rund um den Vulkan Arenal auf eigene Faust;*

– близкого расстояния: *Von La Tigra ist es ein Katzensprung zum Vulkan Arenal;*

– особого удовольствия: *Ein Leckerbissen für ein Fotoshooting.*

Последний пример демонстрирует включение в рекламу туристического путешествия распространённых в обиходно-разговорном общении англицизмов. Активно используются английские слова *Team* и *Tipp*, регулярно замещающие в речевом обиходе свои немецкие аналоги *Mannschaft* и *Ratschlag*. Англицизмам отдаётся предпочтение и в названиях аттракционов: *Beim "Sky Walk" schweben Sie auf sicheren Brücken zwischen den Baumwipfeln.* Но особенно часто встречается английское существительное *Highlight*, которым обозначается гвоздь туристической программы, самый яркий, запоминающийся момент или наиболее выдающиеся достопримечательности: *Ein echtes Highlight für Natur- und Abenteuerliebhaber! Sie können sehenswerte Highlights der alten Kaiserstadt besuchen.*

Рекламно-туристический дискурс сближает с разговорной речью насыщенность лексемами с аксиологическим значением. Но если для обиходной речи наиболее типичны слова с отрицательной коннотацией, то в рекламном тексте они исключены. Положительная оценочность относится к дискурсивным признакам рекламы, в том числе, туристической, наряду с информативностью и персуазивностью. Аксиологические оценки, создающие объектам туристического внимания привлекательный образ, закладываются в рецептивную программу рекламного текста для персуазивного воздействия на адресата. Этой цели соответствуют оценочные средства, отражающие характерное для рекламы преувеличение достоинств объектов, предлагаемых туристической программой:

– оценочные прилагательные в превосходной степени: *der berühmteste Kanal, der schönste See Lateinamerikas;*

– оценочные слова, сопровождаемые интенсификатором: *ein Ort von besonderer Schönheit, ein besonders reizvolles Land, unglaublich vielfältige Küche*;

– аффективные прилагательные и причастия, в семантике которых оценка сочетается с интенсификацией: *der wunderschöne Strand, die faszinierende Welt der Maya-Kultur, beeindruckende Bauwerke, unglaubliche Architektur, majestätische Statue, die erstklassigen Restaurants, großartiger Panoramablick, prächtiger Blütenhimmel, atemberaubende Sicht über die Stadt*.

Позитивный оценочный контекст, в который вписывается информация о достоинствах рекламируемых туристических объектов, участвует в реализации манипулятивной игры мотивами адресата. Оценочными словами выражаются признаки объектов, которые могут привлекать потенциального туриста, отвечать его романтическим или познавательным потребностям, например:

– уникальность, необычность: *Genießen Sie die Vorzüge einer Reise in ein außergewöhnliches Land. Entdecken Sie die Vielfalt der Karibik mit ihrer einzigartigen Natur und Kultur*;

– экзотика, первозданность природы: *Undurchdringliche Nebelwälder und unberührter Tropendschungel erwarten Sie auf dieser erlebnisreichen Tour durch Costa Rica*;

– таинственность: *Erkunden Sie geheimnisvolle Ruinen von Chichén Itzá. Bei Palma Sur sehen Sie die rätselhaften, kreisrunden Steinkugeln der indigenen Vorfahren*;

– приключение в причудливых природных местах: *mit einigen abenteuerlichen Ausflügen in die bizarren Landschaften*;

– приватность: *Mit wenigen Teilnehmern genießen Sie ein intimes und persönliches Reiseerlebnis*;

– вкусовое качество блюд: *Diese besonderen Gerichte sind ein köstlicher Ausschnitt aus der vielfältigen mexikanischen Küche*;

– идеальное сочетание элементов пляжного отдыха: *Der wunderschöne Strand mit weißem Sand und klarem Wasser verbindet Naturschönheit mit Komfort und ist ideal zum Sonnenbaden*.

Наряду с оценочной лексикой, акцентирующей эмоциональные и рациональные аргументы в пользу презентруемого тура, реклама туризма содержит риторико-персуазивные средства воздействия на эмоции реципиента, которые основываются на метафорическом осмыслении туристического пространства. Особенно часто используется мифологический образ рая, обещающий туристам сказочный отдых в окружении живописной природы и мягкого климата. Например, Коста-Рика рекламируется как зеленый, природный, тропический рай или райский сад Эдем: *Grünes Paradies, Naturparadies Costa Rica, Der Garten Eden*

Mittelamerikas, Abschied nehmen vom tropischen Paradies Costa Rica. Метафорой *Paradies* также обозначается место, идеально подходящее для любителей определённых вещей или занятий: *ein Paradies für alle Naturliebhaber, Paradies für Vogelbeobachtungen, Badeparadies.*

Следует отметить, что эмоциональность придают туристической рекламе не только распространённые в разговорной речи образные наименования. Она обеспечивается, прежде всего, взаимодействием элементов различных уровней языка: *Entdecken Sie mit uns die Schönheiten des Inselreichs, von den atemberaubend schönen Landschaften bis zur Fahrt in einem atemberaubend schnellen Shinkansen – unvergessliche Erlebnisse garantiert!*

Эмоциональное воздействие данного призыва открыть для себя Японию осуществляется как синтаксическими, так и лексико-семантическими средствами: оценочным коррелятом названия страны *Inselreich*, повтором оценочного причастия *atemberaubend*, выражающего обещание восторженных впечатлений, восклицательной конструкцией с характерной для разговорной речи неполнотой сказуемого, которая примыкает к повелительному предложению.

Таким образом, участвуя в построении контактного диалога автора рекламного текста с потенциальными потребителями туристических услуг, синтаксические и лексико-семантические элементы разговорной речи играют значимую роль в реализации коммуникативно-прагматической стратегии рекламно-туристического дискурса. Непринуждённая атмосфера доверительного общения, создаваемая разговорными маркерами туристической рекламы, способствует рациональному и эмоциональному убеждению адресата в преимуществах его выбора в пользу рекламируемого тура.

2.8. ЗООМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ В ИГРОВОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ПОДРОСТКА

Подвижные игры играют ключевую роль в развитии подростков, способствуя физическому развитию, формированию социальных навыков и эмоциональному благополучию (Блонский П. П., Шмаков С. А., Штерн Э. и др.). Этот возраст характеризуется активным ростом организма, и именно подвижные игры (футбол, регби, крикет, волейбол, баскетбол, теннис и др.) помогают развивать координацию движений, ловкость, силу и выносливость. Игры позволяют школьникам учиться взаимодействовать друг с другом, разрешать конфликты, развивать лидерские качества и умение работать в команде, а также снижают уровень стресса, повышают самооценку и уверенность в своих силах [Шмаков, 1994, с. 38].

Объектом нашего исследования является дискурс английского подростка в процессе подвижной игры.

Предмет исследования – зооморфные метафоры / сравнения, вербализованные английскими подростками в ситуации подвижной игры.

Подростковый возраст характеризуется активным развитием абстрактного мышления и способности к символическому представлению действительности. Многие зоонимы (прямые названия животных) используются метафорически для описания человека, природных явлений, механизмов и других объектов окружающей действительности. В лингвистике такие случаи метафорического употребления зоонимов называют зооморфными метафорами. Как правило, целью переноса названия животного на человека является желание «приписать человеку некоторые черты, которые зачастую имеют оценочный смысл» [Вольф, 2002, с. 61]. Образ животного проектируется на человека, приписывая ему зооморфные качества: внешний вид животного, его повадки, особенности поведения. Г. Н. Скляревская выделяет зооморфную метафору как одно из наиболее типичных направлений переноса [Скляревская, 1993, с. 90].

Зооморфные сравнения употребляются, как правило, с союзами *as, as if, as though, like*. Также в данном типе дискурса широко представлены сложные слова-сравнения с элементами *-like, -shaped, -looking* и т.п.

Зооморфные метафоры и сравнения в игровом дискурсе английского подростка встречаются довольно часто, поскольку специфика спортивной игры предполагает красочное описание движений, резких поведенческих реакций, применение физической силы. Подобные действия в той или иной ситуации часто напоминают поведение животных. При изучении игрового дискурса английского подростка нами были отмечены следующие наиболее частотные зооморфные метафоры / сравнения, характеризующие главное действующее лицо игрового процесса – игрока (игроков):

Игрок – кошка. В английском языке образу кошки (*cat*) традиционно присущ ряд качеств, которые ассоциируются с успешными спортсменами. Спортсмен, обладающий элегантностью движений, лёгкостью и плавностью действий, часто получает комплименты вроде «*he moves like a cat*» / «он двигается как кошка», что подчёркивает лёгкость и эффективность движений.

Быстрая реакция, способность мгновенно менять направление движения, преодолевать препятствия – всё это называют качествами кошки (*cat-like agility* / кошачья ловкость), например: «*On passing plays, he was catlike, dropping into coverage and either breaking up passes or slamming receivers to the turf immediately after the catch*» [Deuker, 2010, p. 26] / «В пассах он действовал как **кошка**, забегая в зону покрытия и либо отбивая пасы, либо отправляя принимающих на газон сразу после броска».

Высокая подвижность суставов, умение быстро восстанавливать равновесие, сохранять баланс – физические особенности, присущие и кошкам, и успешным атлетам. Храбрость и готовность противостоять труд-

ностям и опасностям также ассоциируют с кошками, поскольку они известны смелостью в охоте и защите территории. Эти ассоциации создают образ кошки позитивным и вдохновляющим символом в спортивном английском мире.

Однако образу котёнка (*kitten*) в английском языке приписываются такие качества, как незрелость, слабость, наивность, детскость. В игровом дискурсе подростки так уничижительно называют (либо сравнивают) своих соперников за их подобное поведение на игровом поле: *«Jerrod McDougal watched as the Lee players fell all over each other on the field like kittens»* [Bissinger, 2005, p. 231] / «Джеппрод Макдугал наблюдал, как игроки "Ли" падали друг на друга на поле, как **котятки**». Данное зооморфное сравнение передаёт негативное презрительное отношение подростка к детскому неспортивному поведению игроков команды-соперника.

Лексема *«pussy»* / «киска, кошечка» в современной англоязычной культуре является примером сложного и многослойного явления, которое сочетает в себе лингвистический, социальный и культурный контексты. Данное слово имеет широкий спектр значений и коннотаций, варьирующихся от вполне приемлемых до крайне табуированных и даже оскорбительных.

В современном английском языке *«pussy»* также используется как уничижительное прозвище для обозначения мужчины, проявляющего слабость или нерешительность. В подвижной игре подростки так называют пассивных, неуклюжих соперников: *«Com'on, get up, get up! You ain't nothin' but a pussy, a goddamn pussy!»* [Bissinger, 2005, p. 81] / «Давай, вставай, вставай! Ты просто **киска**, чертова **киска**!». Данный пример демонстрирует пренебрежительное отношение игроков к малоактивному упавшему сопернику.

Образ леопарда (*leopard*) довольно распространён в английском мире спорта. Этот представитель семейства кошачьих отличается такими физическими качествами как гибкость, мощность, молниеносная скорость. Отмеченные характеристики ассоциативно переносятся на игроков, которым присущи подобные качества: *«Playing against him, I discovered he wasn't pretty quick; he was leopard quick. I had no chance»* [Deuker, 2013, p. 63] / «Играя против него, я обнаружил, что он не довольно он был быстрым, он был быстрым как **леопард**. У меня не было никаких шансов».

Игрок – собака. Собака / пёс (*«dog»*) в англоязычной культуре занимает особое символическое положение благодаря своему историческому значению, глубоким культурным корням и устойчивым ассоциациям. Это первое одомашненное человеком животное часто ассоциируется с определёнными качествами характера, такими как смелость, лояльность, верность, игривость. Например, выражение *«top dog»* означает лидера группы или победителя соревнования. Однако в дискурсе подвижной игры

данная метафора может передавать такие качества игрока, как ярость, спортивная злость, упорство: «*El Paso Austin was held to six yards in three plays, the hapless Austin running backs suffocating under a pile of five or six **raging dogs** in black shirts*» [Bissinger, 2005, p. 46] / «В трёх матчах "Эль Пасо" удерживал Остина на расстоянии шести ярдов, а незадачливые защитники "Остин раннинг" задохнулись под натиском пяти или шести **разъярённых псов** в чёрных футболках».

В данном типе дискурса встречается идиома «*a scalded dog*» / «ошпаренный пёс», маркирующая игрока, способного развивать высокую скорость на поле, например: «*Run upfield, a scalded dog. Run upfield and contain that sucker*» [Bissinger, 2005, p. 141] / «Беги на поле, **ошпаренный пёс**. Беги на поле и сдержи этого придурка».

Гончая / борзая («*greyhound*») – порода собак, которая отличается высокой скоростью, стремительностью и охотничьими качествами: «*Greyhound – a type of dog with long thin legs that can run very fast for a long distance in hunting and esp. racing*» [LDCE, 1992, p. 459]. Зооморфная сравнительная конструкция *like a greyhound* маркирует игрока с подобными физическими характеристиками: «*Dieter pitched to a wide receiver coming around, and no one was on the opposite side of the field to stop him. The guy ran like a greyhound*» [Deuker, 2010, p. 112] / «Дитер сделал подачу с фланга, и на противоположной стороне поля не было никого, кто мог бы его остановить. Парень бежал как **борзая**».

Игрок – лошадь. В английской культурной парадигме лошадь традиционно воспринималась как спутник воина, участник сражений. Эта ассоциация закрепила образы странствующих всадников и завоевателей, породив многочисленные устойчивые выражения типа *hold one's horses* («держаться на лошади» – умение контролировать эмоции, держать ситуацию под контролем). Ассоциация с быстротой передвижения и вольностью движения порождает представление о свободе, независимости. Отсюда возникла метафора *dark horse* («тёмная лошадка» – обозначает неожиданного победителя, чьи способности недооценены), *wild horse* («дикая/необузданная лошадь» – символизирует неуправляемость, стремление вырваться из оков) и др.

Образ лошади выступает эталоном физической привлекательности, скорости и выносливости. В спорте такие физические качества переносятся на способности игрока, когда его сравнивают с этим животным:

«*When a horse pulls up lame, you don't waste a bullet on him.*» *There was unrestrained laughter and the three enjoyed the analogy of comparing Boobie to an animal. «You don't waste a bullet on a horse»* [Bissinger, 2005, p. 133] / «Когда **лошадь** хромот, вы не тратите на неё пулю». Раздался безудержный смех, и все трое с удовольствием сравнили Олуху с животным. «Не стоит тратить пулю на **лошадь**» В приведённом примере

подростки намерены вывести из процесса подвижной игры участника, который получил травму и на тот момент утратил способность быстро передвигаться по полю, сравнив его с хромой лошастью.

В подростковом игровом дискурсе довольно частотным является употребление зоонима *thoroughbred*. Этот термин относится к породистым животным, прежде всего лошадям, выведенных путём селекции и строгих стандартов разведения. Их разводят специально для достижения высоких результатов в скачках, обеспечивая максимальное развитие физических способностей и темперамента. Слово произошло от сочетания двух частей: *through* (через) и *breed* (порода). Сегодня понятие *thoroughbred* применяется преимущественно к скаковым лошадям, принимающим участие в соревнованиях и выставках.

Зооним *thoroughbred* (чистокровный / породистый скакун), применяемый к спортсмену, подразумевает наличие у него выдающихся природных способностей, профессионального мастерства и уровня подготовки, что позволяет устанавливать новые рекорды, побеждать в престижных соревнованиях. Такое зооморфное сравнение автор предлагает в следующем примере, отмечая перфектные действия и поведение участника в ходе игры:

«Finally, from the bottom of the pile, a player jumped up holding the ball aloft in triumph and prancing to the sideline like a thoroughbred ready to race» [Deuker, 2010, p. 78] / «Наконец, с самого низа площадки вскочил игрок, победоносно подняв мяч над головой, и гарцевал к боковой линии, как чистокровный скакун, готовый к скачкам».

Игрок – крыса. Английская лексема «*rat*» / «крыса» имеет ярко выраженную негативную коннотацию и широко используется в спортивной среде, особенно в командных видах спорта (футболе, регби, крикете и др.) для обозначения определённых негативных качеств игрока / команды.

Наиболее распространённое значение связано с предательством игрока, если он переходит в команду соперника, проявляя себя трусом и дезертиром по отношению к товарищам из первой команды:

«He was called “rat” for leaving the team in their hour of need» [Bissinger, 2005, p. 227] / «Его называли «**крысой**» за то, что он бросил команду в трудный час».

Второе распространённое значение лексемы «*rat*» в подростковом дискурсе подвижной игры связано с обманом или грязной игрой. Так называют игроков, которые регулярно нарушают правила, прибегают к симуляции травм или другим способам манипуляции правилами:

«But he wasn't prepared for the mass of black shirts coming at him in a crazy blur, like hungry rats jumping over each other's backs to get to a speck of food» [Bissinger, 2005, p. 74] / «Но он не был готов к тому, что толпа чернорубашечников набросится на него, как сумасшедшая толпа, словно

голодные крысы, перепрыгивающие через спины друг друга, чтобы добраться до кусочка еды».

Иногда зооним «*rat*» применяют к игрокам, проявившим себя трусами или слабаками на поле. Они либо боятся физической силы, либо стремятся избежать ответственности, уступив её другим членам команды, например:

«They were criticized by fans for being rats who wouldn't fight back when challenged» [Deuker, 2000, p. 128] / *«Их критиковали фанаты за то, что они были крысами и не давали отпор, когда им бросали вызов».*

Игрок – бык. В английском спортивном дискурсе зооним *bull* / *бык* часто используется метафорически для описания определённых качеств спортсменов / команд / ситуаций на игровом поле, связанных с силой, агрессивностью, выносливостью и решительностью. В футболе центрального защитника / нападающего с крепким телосложением часто называют *bullish player*, подчёркивая его способность доминировать физически над соперниками: *«The defender showed his bull-like strength when he tackled the striker»* [Deuker, 2000, p. 63] / *«Наш проп (игрок передней линии) выглядит как бык, его невозможно остановить в схватке».*

Мощные защитники и полузащитники демонстрируют качества быков, когда прорывают оборону противника, стремясь одержать победу любой ценой: *«I was the last guy with a shot to tackle him. When he was right in front of me, I lurched to the side as if he were a bull and I were a matador, and he roared by me»* [Deuker, 2010, p. 137] / *«Я был последним, у кого был шанс отбить его. Когда он оказался прямо передо мной, я отскочил в сторону, как будто он был быком, а я матадором, и он с рёвом пронёсся мимо меня».*

Горячность и неудержимость игрока в схватке на поле передаёт сравнение его с бешеным быком (*mad bull*), например: *«You could hear him breathing through his nose like a mad bull about to charge.»* [Deuker, 2000, p. 59] / *«Вы могли слышать, как он дышит через нос, словно бешеный бык, готовый к атаке».*

Таким образом, использование зооморфных метафор и сравнений в игровом дискурсе английского подростка позволяет участникам игры развивать способность создавать образы, понимать переносные значения и интерпретировать символы; выразить свою индивидуальность, используя яркие сравнения; облегчить общение и взаимопонимание среди участников игры, поддерживать позитивный эмоциональный фон.

2.9. РЕЧЕВАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО И КИНОДИСКУРСА: ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время амбивалентность как лингвистическое явление занимает немаловажное место в исследованиях категории оценки в языке и речи. Термин «амбивалентность» происходит от латинского *ambi* (означающее «два» или «оба») и немецкого *valenz* (что означает силу, власть) и в общей совокупности подразумевает два мощных мотива одинаковой силы [Миллер, 2023, с. 5]. Будучи феноменом человеческого бытия, амбивалентность предстаёт как один из законов человеческой природы, а именно «закон одновременности разнохарактерных (часто противоположных) влечений, чувств, мотивов, поступков, ценностей, отношений» [Котова, 2009, с. 94–95]. Данный феномен является предметом изучения междисциплинарных исследований и находится на стыке таких наук, как философия, психиатрия/психология и лингвистика.

В области философии фундаментальными трудами, посвящёнными амбивалентности, являются труды древнегреческого философа Гераклита о диалектике и тождестве противоположностей, которые не только сосуществуют, но и неразрывно связаны, а также труды Платона об амбивалентности как эссенциального условия для формирования понятия как продукта ментальной деятельности, элементы которого пребывают между собой в поляризованных отношениях. В широком смысле в рамках философии амбивалентность сводится к неоднозначности отношения человека к окружающему, к противоречивости системы ценностей.

Как научное понятие амбивалентность впервые была предложена в начале XX века швейцарским психиатром Эйгеном Блейлером, который использовал данный термин применительно к пациентам с шизофренией для описания явления двойственности чувств [Блейлер, 2001]. Позднее из психиатрии понятие амбивалентности перешло в психологию, где оно стало рассматриваться шире: не как патология, а как обыденное состояние сознания и психики. В современной психологии амбивалентность определяется как «особое состояние сознания и психических переживаний, которые характеризуются сосуществованием противоположных мыслей, мотивов и эмоций к одному объекту» [Яблокова, 2017, с. 184].

В дальнейшем феномен амбивалентности нашёл большое распространение в лингвистике. Как известно, одним из свойств речевого знака является его способность служить в речи средством выражения оценки. Понятие языковой оценки, введённое в науку в середине XX века Шарлем Балли, является одним из ключевых компонентов когнитивной деятельности человека и подразумевает «выраженное в вербальной форме и ориентированное на стандарт положительное или отрицательное отношение субъекта к анализируемому объекту» [Строкан, 2019, с. 134]. Ам-

бивалентность является имманентным свойством категории оценки, что подразумевает способность того или иного оценочного значения объекта изменяться вплоть до противоположного за счёт того, что субъект оценки осмысливает явления действительности через дуальные оппозиции. Амбивалентная оценка сигнализирует о разном восприятии объектов и явлений и обоснована как индивидуально-личностными, так и культурными причинами, манифестирующими специфику национального мировосприятия.

Речевой знак, обладая способностью служить средством выражения оценки в речи, реализует эту функцию через когнитивные механизмы, отражающие специфические представления о системах национально-культурных и общечеловеческих ценностей. Этнокультурная специфика оценки в английской разговорной речи зачастую выражается в амбивалентности смыслов, поскольку различные культуры формируют уникальные аксиологические системы, которые влияют на интерпретацию оценочных высказываний.

В своей монографии «Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика» Валентин Дмитриевич Девкин утверждает, что амбивалентность может быть как явлением языка, так и речи [Девкин, 1979, с. 246]. Актуальным представляется амбивалентный оценочный потенциал разговорной речи в таких видах дискурса, как англоязычный художественный и кинодискурс, в рамках которых содержание разговорной речи представляется многоаспектным, и в определённом контексте в ней может выражаться одновременно как положительная, так и отрицательная оценка. Применительно к художественному дискурсу амбивалентностью можно считать «способ одновременного выражения двойственного мироощущения художника (писателя) в какой-либо системе языка» [Филиппова, 1997, с. 139], а для кинотекста как особого вида текста и ключевого элемента кинодискурса характерным является приём ситуативной амбивалентности, заключающийся в возможности двойственной, двусмысленной трактовки одной и той же ситуации [Наговицына, 2007, с. 80].

Особый интерес представляет функционирование в англоязычном художественном и кинодискурсе различных типов оценочной амбивалентности. Прежде всего, можно выделить **реляционную амбивалентность**, которая предполагает одновременное сосуществование в художественном и кинотексте противоречивых отношений и смыслов, в частности, она заключается в двойственном отношении того или иного персонажа к *другому*.

Рассмотрим пример актуализации реляционной оценочной амбивалентности в фильме «Голодные игры: Баллада о змеях и певчих птицах» (“The Hunger Games: The Ballad of Songbirds and Snakes”), основанного на романе американской писательницы Сьюзен Коллинз и повествующего о

жизни юного Кориолана Сноу, будущего президента Панема, который намеревается вернуть былую славу своему роду. В одной из сцен он выбирает торжественный наряд на встречу с деканом Капитолийской Академии в присутствии своей бабушки и сестры Тигрис:

GRANDMA'AM: *Oh! You look so handsome.*

CORIOLANUS: *What do you think?*

TIGRIS: *I think you look just like your father, Coriolanus* [The Hunger Games: The Ballad of Songbirds & Snakes, 2023, URL].

Оценочное высказывание Тигрис обладает ярко выраженной амбивалентностью, заключающейся в двойственности эмоциональной окраски и этической оценки персонажа. С одной стороны, на поверхностном уровне данное утверждение звучит как комплимент внешности молодого Кориолана, подчёркивая сходство с отцом (у обоих была короткая стрижка с гладко зачёсанными волосами платинового цвета) – известным аристократом, обладавшим безупречной внешностью и элегантностью. Подобная оценка выглядит положительной и даже лестной для самого героя, поскольку привлекательность ассоциируется с успехом и властью среди элиты Панема. Однако, на более глубоком символическом уровне сравнение с образом отца приобретает негативные коннотации. Образ отца Кориолана Сноу символизирует жестокость, авторитаризм и лицемерие власти. Он выступает олицетворением циничного властолюбия, не останавливающегося перед любыми средствами ради достижения целей. Таким образом, фраза Тигрис несёт в себе скрытую критику и предупреждение относительно характера и судьбы героя, намекая на возможность повторения тех же пороков и преступлений прошлого поколения.

В отличие от реляционной амбивалентности, которая служит для описания двойственного отношения одного человека к другому, **личностная амбивалентность** сводится к проявлению одновременных противоречивых чувств по отношению к *самому себе*. В рамках художественного дискурса внутренний конфликт персонажа формирует его амбивалентное, противоречивое состояние в потоке сознания, вербализованное в виде внутриличностной коммуникации посредством внутреннего монолога в форме не прямой речи (от лица нарратора). Цель авторского апеллирования к читателю в пространстве англоязычного художественного текста, выраженная в вышеуказанном приёме, заключается в демонстрации своего авторского присутствия, пронизывающего текст, а также в обеспечении метавосприятия смыслового контекста читателем, иными словами, – амбивалентных смыслов через выявление положительных и отрицательных оценочных компонентов:

In the shadowy light from the Corso, his pale blue eyes reflected back from the round, slightly distorted mirror. "Just like your father's," the Grandma'am frequently reminded him. He wished he had his mother's eyes

instead, but never said so. Maybe it was best to take after his father. His mother had not really been tough enough for this world [The Ballad of Songbirds & Snakes, 2020, chapter 6].

В приведённом примере Кориолан Сноу испытывает амбивалентность через внутренний конфликт: герой тайне желает иметь глаза матери, символизирующие некую утончённость, мягкость и даже уязвимость, однако в то же время осознаёт необходимость брать пример с отца, чьи качества – жестокость и сила – считаются более практичными для выживания в суровой реальности. Несмотря на то, что образ матери зачастую ассоциируется с заботой, теплом, эмоциональной поддержкой (положительная оценка), в данном фрагменте он несёт в себе неявную негативную коннотацию. Такой внутренний конфликт, выраженный в скрытом желании и осознанном принятии, формирует двойственные самооценку и природу героя.

Наконец, отдельного внимания заслуживает функционирование в англоязычном художественном дискурсе **интертекстуальной амбивалентности** в письменной речи, продуцируемой главенствующим персонажем. Суть её заключается в свойстве текста сосуществовать одновременно с двумя взаимоисключающими, противоречивыми смыслами или оценками, возникающими вследствие *диалога с другими текстами*. Интертекстуальная амбивалентность «превращает отрицание в утверждение о значимости отрицаемого в картине мира» [Лушникова, Синельникова, 2017, с. 65]. В одной из сцен романа “The Ballad of Songbirds and Snakes” доктор Галл, главный распорядитель десятых Голодных игр, просит учащихся Капитолийской Академии, претендующих на получение именной стипендии, написать сочинение о том, насколько привлекательна война:

“But take heart,” Dr. Gaul continued cheerfully. “Like most of life’s circumstances, war has its ups and downs. And that’s your next assignment. Write me an essay on everything attractive about war. Everything you loved about it.” [The Ballad of Songbirds & Snakes, 2020, chapter 11].

Тем же вечером Кориолан Сноу предварил своё сочинение следующим предисловием:

*He got a glass of buttermilk, changed into his father’s silk robe, and settled down to write about everything he loved about the war. He began with **As they say, war is misery, but it’s not without its charms**. It seemed a clever intro to him, but it led nowhere, and half an hour later he’d made no headway* [The Ballad of Songbirds & Snakes, 2020, chapter 12].

Примечательно, что фрагмент *As they say, war is misery, but it’s not without its charms* является реминисценцией на знаменитую цитату Джона Стюарта Милля (1806–1973), британского философа, социолога, экономиста и политического деятеля: *War is an ugly thing, but not the ugliest of things*. В данном контексте интертекстуальная амбивалентность актуализируется за счёт явной интертекстуальной отсылки, обеспечивающей

синтез восприятия взаимоисключающих суждений и оценок. Попытка главного героя вербализовать свои чувства по отношению к войне, которая изначально сформирована в коллективном общественном сознании как самая социально опасная форма насилия, посредством негативно и положительно оценивающих суждений формирует в его сознании амбивалентный когнитивный диссонанс.

Таким образом, речевая амбивалентность в этнокультурном пространстве англоязычного художественного и кинодискурса, представленная в различных видах – реляционной, личностной и интертекстуальной – и реализуемая через формы прямой эксплицированной, внутренней и письменной речи, выступает ключевым средством отображения неоднородных оценочных смыслов (оценочно-положительных и оценочно-отрицательных), которые служат катализатором композиционной и сюжетной событийности текста. В целом перспектива дальнейшего исследования состоит в комплексном изучении места и роли оценочной амбивалентности в аксиологической составляющей англоязычной картины мира.

2.10. ТЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ни для кого не секрет, что в советской и особенно в дореволюционной России изучению языков, как «живых», так и «мёртвых», уделялось огромное внимание. При этом чрезвычайно популярные в мире на сегодняшний день английский и китайский языки в школах и гимназиях по ряду причин не изучались вовсе. В данной статье мы хотим обратиться к эпизодам, описывающим изучение французского языка, которые имеют место в ряде известных художественных произведений российских авторов. Тема, на наш взгляд, не потеряла актуальности, т. к. французский язык на сегодняшний день всё ещё преподаётся в ряде средних и высших учебных заведений России, хотя и значительно уступает по популярности английскому.

Исследователи отмечают, что выбор иностранного языка для обучения определяется социальным заказом. Именно поэтому в Средневековье вплоть до второй половины XVIII в. доминировал латинский язык как обязательный показатель учёности, а французский и английский приходят ему на смену лишь в XIX и II веках соответственно [Рахманов, 1947, с. 32–33; Миролюбов, 1967].

Каждому школьнику известно, что французским языком, распространённым в дворянской среде, блестяще владели корифеи русской классики – А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и др., чьи произведения включены в школьную программу, несмотря на обилие в них не только устаревшей русской лексики, но и малопонятных галлицизмов. Тема распространённости французского языка в России обсуждается в книге

В. Ржеуцкого и др. «Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история» [Ржеуцкий и др., 2022]. Её авторы руководствуются междисциплинарным подходом при описании исследуемого явления, что позволяет им проследить социальные, политические, культурные и литературные последствия двуязычия в языковом сообществе на протяжении долгого времени. Франция с её богатейшим культурным и историческим наследием в определённые периоды оказывала сильное положительное влияние на общественные умы и настроения. В больших количествах переводились на русский язык не только художественные, но и научные, и политические произведения, что не могло не повлиять на систему образования в дальнейшие годы.

Методический аспект овладения иностранным языком, помимо всего прочего, излагается профессором В. Д. Девкиным, который высказывает чрезвычайно интересные взгляды на учебный процесс и его влияние на конечный результат работы по освоению иностранного языка. В частности, он считает, что успех овладения иностранным языком зависит не в последнюю очередь от его социальной роли. «Если его негде использовать, то зачем его учить? Если он содействует проникновению чуждой идеологии и разоблачению собственного убожества, зачем его поощрять? <...> Но объективная важность и практическая необходимость контактов с другими народами пробивают себе дорогу» [Школа В. Д. Девкина..., 2010, с. 116]. При этом в условиях нашей страны приходится адаптироваться к ситуации и применять, а порой даже изобретать новые, принципиально отличные от европейских методы обучения иностранному языку школьников – методы «компенсации отсутствия естественных условий применения языка» [Там же, с. 161]: «Если, например, лондонская семья может договориться с берлинскими знакомыми «обменяться детьми» на несколько месяцев в целях языковой практики, и задача активизации иностранного языка в результате этого предприятия решается (без методики!), то для нас выход приходится искать в другом, и, прежде всего, в создании учебной базы» [Там же, с. 117].

Вышесказанное (распространённость французского языка в мире и в России, а также его социальная роль) в свою очередь нашло отражение и в художественной литературе, при описании её изданий (переводов с французского) в нашей стране (см. исследование в рамках проекта РНФ за 2023 год: [Панов, Панова, <http://www.litcontact.ru/>]). Как мы видим, интерес к французскому языку и культуре в советское время проявляется в 20–30 гг. XX в., когда стали появляться многочисленные переводы произведений классической и современной французской литературы.

В художественной литературе отражаются проблемы и реалии жизни общества. Произведение литературы, вступая во взаимодействие с реципиентом, становится частью литературно-художественного дискурса

[Фещенко, 2021, с. 30; Миловидов, 2016, с.13]. Читатель, интересующийся вопросами преподавания иностранных языков, невольно отмечает те реалии в тексте художественной литературы, которые отвечают его профессиональной деятельности.

Если отслеживать художественные произведения, где упоминается преподавание французского языка, в хронологическом порядке (по понятным причинам они создавались авторами для детей и юношества), следует начать с повести А. Гайдара «Школа» (1929). Действие произведения происходит в провинциальном российском городке Арзамасе (Нижегородская область): *«Сидим мы вчера... первый урок у нас французский. Ведьма глаголы на "этр" задавала. Ле верб: аллэ, арривэ, антрэ, рестэ, томбэ... Вызвала к доске Раевского. Только стал он писать "рестэ, томбэ", как вдруг отворяется дверь и входит – инспектор (Тимка зажмурился), директор... (Тимка посмотрел на меня многозначительно) и классный наставник»* (Гайдар). Рассказывая о важном для всей школы происшествии (один из учеников школы сбежал на фронт), друг главного персонажа делает небольшое вступление о том, в какой момент известие застало ничего не подозревающих до этой минуты одноклассников. Отношение говорящего к уроку, преподавателю и предмету очевидно, в частности из клички учительницы «ведьма». Сразу виден контраст скучного, ненужного (по мнению учеников) урока и события, взволновавшего всю школу. Персонаж, от лица которого ведётся повествование, жалеет, что пропустил урок – не из-за предмета, а из-за эпизода, нарушившего привычную, ничем не примечательную жизнь в провинции.

В довоенные годы была создана и повесть К. Чуковского «Серебряный герб» (1938). События же, описанные в ней, относятся к ещё более раннему, дореволюционному периоду: *«Прозвонил звонок, и в комнату впорхнул м-сье Лян, учитель французского, вытирая свой крохотный лобик концом темно-лилового шарфа. [...] Хоть он приехал в Россию давно, но всё ещё не понимает по-русски. М-сье Лян кажется человеком, упавшим с луны: не знает в лицо ни одного гимназиста, никогда не соображает, в каком он находится классе, и в течение нескольких лет не научил нас ни единому французскому слову. Впрочем, нет: одно французское слово мы все знаем твёрдо. А именно: что Лян (L'âne) – это осёл. Меня и теперь удивляет, почему у него такая фамилия. Осёл ли он, я сказать не могу, потому что ни разу не разговаривал с ним. В классе есть семь или восемь счастливицев, которые чуть не с пеленок знают французский язык. С теми он болтает самым дружеским образом и часто во время разговора смеется, всякий раз поднимая палец, перед тем как состричь. На остальных он не обращает внимания. Кажется, если бы вместо меня посадили на мою парту Циндилиндера или Ваську Печенкина, и тогда м-сье Лян ничего не заметил бы. Но всё же в нём есть что-*

то милое. [...]. Даже его достопримечательный шарф не вызывает во мне обычной насмешки. В сущности, чем же он плох, этот шарф? М-сье Лян не только обматывает им свою тощую, зябкую шею, но и чистит им туфли, и стирает им мел с доски. В него же он часто и гулко сморкается» (Чуковский). Описание внешности и поведения гимназического учителя французского языка свидетельствует о том, что в Россию (в вышеописанный период Одесса – место действия повести – относилась к Российской империи) подобные личности, как и во времена Пушкина, попадали случайно, в большинстве случаев не имея ни намёка на педагогическое образование, ни намерения его получить. На работу их брали исключительно из-за знания языка, являвшегося для них родным, что, как мы видим, не являлось залогом хоть сколько-нибудь видимых успехов учащихся. Неудивительно, что ученики не воспринимают такого преподавателя всерьёз – он не только не даёт им знаний, но и не способен запомнить их лица и имена. Однако, гимназист (протагонист), находясь под угрозой отчисления, проникается симпатией даже к такому странному учителю, которого автор книги наделил смешной, «говорящей» фамилией.

Схожую картину мы наблюдаем в повести К.Г. Паустовского «Далёкие годы» (1946): «Из "живых" языков мы изучали французский и немецкий. Это были скучные уроки. Француз Сэрму, сухорукий, с рыжей острой бородкой времен короля Генриха IV, приносил под мышкой большие олеографии и развешивал их на стене. <...> Сэрму <...> брал в здоровую руку указку, показывал на поселян, танцующих с серпами, или на котенка и спрашивал громовым голосом по-французски:

– Что видим мы на этой интересной картинке?

Мы хором отвечали по-французски, что на этой картинке мы ясно видим добрых пейзажистов или совсем маленькую кошку, играющую нитками достопочтенной бабушки. Эта канитель с картинками длилась два года, пока однажды вместо Сэрму инспектор не привел к нам на урок нового учителя, мосье Говаса. Мосье Говас только что приехал в Россию. Он не знал ни слова по-русски. Первый его урок в этой загадочной стране выпал как раз на наш класс. <...>

При мосье Говасе мы погрузились в дебри неправильных глаголов и спряжений. Великолепный язык оборачивался тяжелой схемой. Мы путались среди загадочных ударений, между всеми этими "аксант эгю", "аксан грав" и "аксан сирконфлекс". (Речь о надстрочных знаках – особенности французской орфографии – Л. П.). Постепенно случилось так, что живой язык Флобера и Гюго начал существовать для нас как нечто совершенно оторванное от того, что преподавал нам мосье Говас.

Чем старше мы становились, тем больше любили французскую литературу, стремились читать французов в подлинниках. Для этого мы изучали язык сами или с помощью частных преподавателей, махнув ру-

кой на флегматичного бретонца. А он всё спрягал и склонял, поглядывая за окно, где падал с русского неба холодный белый снег. И в глазах у мосье Говаса ничего нельзя было прочесть, кроме тоски по огню камелька.

Мы пытались заговаривать с ним о Бальзаке и Дюма, о Гюго и Додэ, но мосье Говас или отмалчивался, или замечал, что это литература для взрослых, а не для русских мальчиков, которые до сих пор не знают разницы между "фютюром" и "кондиционером" (речь о видо-временных формах глаголов французского языка – Л. П.). (Паустовский).

Как и в повести К. Чуковского, носитель языка из повествования К. Паустовского не смог научить гимназистов французскому языку: ни через визуализацию («канитель с картинками»), как это пытался делать Сэрму, ни через «дебри» спряжений глаголов – грамматический метод мосье Говаса.

Из методики преподавания иностранных языков мы знаем, что главным движителем освоения языка является интерес, язык – это инструмент познания. У Паустовского таким объектом познания не в последнюю очередь выступает чтение художественной и философской литературы, пусть даже беспорядочного, но приносящего свои плоды:

«Мы увлекались поэзией и литературой. Но понимание русской литературы, всей её классической ясности и глубины, пришло к нам позже, чем понимание более лёгкой литературы Запада.

Мы были молоды, и западная литература привлекала нас изяществом, спокойствием и совершенством рисунка. Холодный и прозрачный Мериме был легче для нас, чем мучительный Достоевский. У Мериме или у Флобера всё было ясно, как в летнее утро, а Достоевский надвигался, как гроза с её тревогой и желанием спрятаться под надёжную крышу. <...>

А может быть, в увлечении нашем западной литературой повинны и дешёвые желтенькие книжки "Универсальной библиотеки". Они наводняли тогда книжные магазины. За двадцать копеек можно было прочесть "Монт-Ориоль", "Евгению Гранде", "Дикую утку" и "Пармский монастырь". Мы читали всё это запоем. Одно время мы особенно увлекались французской поэзией – Верленом, Лекомтом де Лилем и Теофилом Готье. Мы читали их в подлинниках и в переводах. Лёгкий, временами почти неуловимый, как отдалённый запах, а временами твёрдый, как металл, французский язык звучал у этих поэтов колдовством.

Эта поэзия привлекала нас не только певучестью и туманным содержанием, похожим на весеннюю дымку, но и тем, что она вызывала представление о самих поэтах, о Париже. Поэзия эта существовала как одна из заманчивых вещей в ряду многих заманчивых вещей, связанных с Парижем. Аспидные крыши, кольцо бульваров, дождь, огни. Пантеон, розовая ночь над Сеной и, наконец, стихи. Так возникал в нашем наивном

представлении Париж. Он был немислим без стихов, как без баррикад и поцелуев (Паустовский). Возникает впечатление, что подобного рода «преподавание» отбивало у учащихся интерес к французскому языку, но в то же время не лишало их влечения к бессмертной французской классике. Имена поэтов и прозаиков упоминаются Паустовским в данном отрывке с большим уважением.

В эпизодах анализируемой повести находят отражение и такие способы обучения французскому языку, как частные уроки на дому – то, что мы называем сегодня репетиторством («мадемуазель Мартен, учительница французского языка», которая «тоже давала Марусе уроки»), и упоминаемый В. Д. Девкиным «гувернантский» способ: протагонист, 12-летний мальчик, оказывается в поезде в дамском купе, где едет девочка-гимназистка и «чёрная, сухая француженка»: «Француженка, очевидно гувернантка, что-то строго сказала гимназистке по-французски. Гимназистка тотчас сгримасничала, и тогда француженка начала говорить по-французски быстро, сердито и долго. Гимназистка, не дослушав, встала и вышла в коридор. – Ох, молодёжь! – сказала третья моя спутница, маленькая толстая старушка со ртом, похожим на баранку. <...> – Ох, уж эта мне молодёжь! – О-о! – закивала француженка. – Это одно непослушание. Один фиф! Один каприз! (Паустовский)

Достаточно подробно обучение французскому языку в средней школе советского периода описывается в исключительном по своей доброте и человечности рассказе сибирского писателя В. Г. Распутина «Уроки французского» (1973): «С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я ипарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливая короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. <...> Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторить – я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую»; «С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной, и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «beаисоир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристоном пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для дру-

гой надобности? <...> Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык»; «Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего» (Распутин).

От лица простого деревенского паренька из бедной семьи автор описывает Лидию Михайловну как некую небожительницу: «...она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне» (Распутин). И далее, о влиянии французского языка на образ человека: «я всегда придерживался мнения, что девушки, изучающие французский или испанский язык, становятся женицами раньше своих сверстниц, которые занимаются, скажем, русским или немецким» [Там же]. Со временем, благодаря профессиональному мастерству и человеческим качествам педагога дела ученика-протагониста ожидаемо идут на лад, тем более что способностей он был явно не лишён: «Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь. – Хорошо, – подбадривала меня Лидия Михайловна. – В этой четверти пятерка ещё не получится, а в следующей – обязательно» [Там же].

Ещё одно упоминание о преподавании французского языка в школе содержится в повести Ю. М. Короткова «Виллисы» (1989). Речь идёт о балетном училище Москвы, дающем воспитанникам среднее образование: «Юлька засыпала, мысли путались. Контрольная по французскому...» [Коротков, 1989]; «В кабинете анатомии, увешанном схемами человеческих костей, Юлька раскрыла наконец учебник французского, полистала и принялась рисовать узоры на полях» [Коротков, 1989]. Судя по всему, французскому в этом учебном заведении обучают как минимум потому, что балетная терминология основана именно на французском языке – классический балет зародился во Франции.

Не обойдена тема преподавания французского языка и отечественным кинематографом. В частности, фрагменты уроков французского языка показаны в 93-й серии телесериала «Институт благородных девиц» (2010–2011) [<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/81272/titr/>], а также в фильме «Поджигатели» (1988) [<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/5272/annot/>], посвящённом обучению и воспитанию девушек в исправи-

тельном учреждении, и, конечно, в одноименной экранизации вышеупомянутого рассказа «Уроки французского» (1978).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в российском литературно-художественном дискурсе отразились разные методы изучения и преподавания французского языка, бытовавшие в разных социально-экономических ситуациях на протяжении достаточно длительного времени. Во всяком случае, он изучался в разных типах учебных заведений, а также в разных уголках страны, вплоть до провинциальных населённых пунктов. Как и в случае с любым школьным предметом, успехи учащихся были очень разными, так же, как и степень мастерства преподавателей, отчасти из-за того, что учителями французского языка нередко становились люди случайные, являвшиеся не более чем просто носителями языка. Таким образом, всё вышесказанное, при условии знакомства с более широким литературно-историческим контекстом, не может не представлять интереса для широкого круга, как любителей французского языка, так и любителей художественной литературы.

2.11. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Современная система образования предъявляет особые требования к педагогам, работающим в сфере преподавания иностранных языков, подчёркивая необходимость развития их коммуникативной компетентности. Эта сфера характеризуется тесным взаимодействием участников образовательного процесса и основана преимущественно на коммуникации.

Важно учитывать, что успешное овладение иностранным языком возможно лишь при условии включения лингвострановедческих аспектов. По утверждению В. Д. Девкина, эффективное пользование языком связано с глубокими познаниями в области культуры и быта страны изучаемого языка, охватывая широкий спектр вопросов, начиная от политического устройства и заканчивая историческими традициями и обычаями народа [Школа В. Д. Девкина, 2010, с. 111].

Именно поэтому в эпоху глобализации и расширения международного сотрудничества, помимо владения самим языком, особую значимость приобретает осознание культурных особенностей, системы ценностей и поведенческих норм представителей соответствующих стран. Умение грамотно вести диалог становится определяющим критерием профессиональной подготовки преподавателей иностранных языков. Рассмотрим структуру коммуникативной компетентности учителей иностранных языков подробнее.

Исследования показывают наличие широкого спектра мнений относительно определения и структуры коммуникативной компетентности. Од-

ни учёные сосредотачиваются на аспектах когнитивного и социального взаимодействия, другие акцентируют внимание на развитии практических навыков и умений.

В данном контексте следует также разграничить понятия «компетенция» и «компетентность». Так, Ю. Н. Емельянов рассматривает компетентность как «уровень обученности социальным и индивидуальным формам активности, которая позволяет индивиду в рамках своих способностей и статуса успешно функционировать в обществе» [Митина, 2004, с. 68.]. Здесь речь идёт о необходимости наличия определённого опыта, а также необходимых знаний, умений и навыков у человека.

Понятие компетенции хорошо представлено в работах И. А. Зимней. Исследователь придерживается трактовки, предложенной ещё Н. Хомским: «актуальное, формируемое личностное качество как основывающаяся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленная социально – профессиональная характеристика человека, его личностное качество». Автор разграничивает понятия «компетенция» и «компетентность» по основанию «потенциальное – актуальное, когнитивное – личностное» [Зимняя, 2005, с. 36].

Учитывая разные точки зрения по данному вопросу, мы будем придерживаться следующих определений: компетенция – это наперед заданное требование к образовательной подготовке ученика; компетентность – состоявшееся личностное качество, определённый опыт в заданной сфере. Более того, соотношение понятий компетенции и компетентности рассматриваются как частное и общее.

Ряд исследователей определяют содержание профессиональной компетентности, выявляя психологические, педагогические социальные условия её становления. Они рассматривают её как совокупность профессиональных свойств (Л. И. Анцыферова); как сложную единичную систему внутренних психических состояний и свойств личности специалиста, готовность к осуществлению профессиональной деятельности и способность производить необходимые для этого действия (Ю. В. Варданын); как способность реализовывать на определённом уровне профессионально-должностные требования (И. Г. Климкович); как профессиональное самообразование (А. К. Маркова) [Митина, 2004, с. 69]; как сплав теоретической и практической готовности человека к выполнению какой-либо деятельности (Н. Н. Никитина, В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев и др.) [Сластенин, 1998, с. 40].

Неоднозначно исследователи представляют и структурные компоненты профессиональной компетентности. Так, одни авторы подразумевают под ними иерархию знаний и умений (А. Г. Казакова, Л. В. Комаровская, Н. В. Кузьмина), другие (Ю. В. Варданын, А. К. Маркова, Н. В. Матяш,

Е. М. Павлюченков) – ряд специфических способностей, предполагающих профессиональное мастерство [Митина, 2004, с. 70]

Говоря о коммуникативной компетентности учителя иностранного языка, следует отметить необходимость наличия лингвистической компетенции – владение лексико-грамматическими структурами, умение выбирать соответствующие языковые средства в зависимости от контекста общения.

Лингвистическая компетенция занимает центральное место в структуре коммуникативной компетентности учителя иностранного языка ввиду её основополагающей роли в обеспечении качественного образовательного процесса. Она включает в себя глубокое знание лингвистической системы изучаемого языка, что подразумевает владение грамматическими правилами, лексиконом, фонетикой и семантикой. Без этих базовых знаний учитель не сможет корректно интерпретировать и передавать учебную информацию, что существенно снижает эффективность его работы [Маслыко, 2001, с. 172].

Кроме того, лингвистическая компетенция необходима для успешного проведения уроков, ведь она позволяет учителю адаптироваться к различным коммуникативным ситуациям, варьируя стиль речи в зависимости от контекста. Это также помогает учителю лучше понимать потребности и трудности учащихся, обеспечивая индивидуальный подход к каждому обучаемому.

Наконец, лингвистическая компетенция является важнейшим инструментом для оценки прогресса учащихся и коррекции их ошибок. Учитель должен обладать высоким уровнем владения языком, чтобы точно диагностировать ошибки учеников и предлагать эффективные пути их исправления. Таким образом, лингвистическая компетенция служит фундаментом для эффективной реализации коммуникативной компетентности учителя иностранного языка, обеспечивая точность передачи знаний и поддерживая высокое качество образовательного процесса.

Социокультурная компетенция тоже является важной составляющей коммуникативной компетентности специалиста [Воробьев, 2003, с. 32]. Одним из наиболее эффективных способов развития социокультурной компетенции является непосредственное взаимодействие с культурой изучаемого языка через посещение стран, где этот язык является родным. Такой опыт помогает глубже понять менталитет и ценности носителей языка, что впоследствии отражается на эффективности педагогического процесса.

Развитие современных технологий также диктуют свои требования к владению соответствующих компетенций. Например, развитие компьютерной компетенции является неотъемлемой частью коммуникативной компетентности в целом. Компьютерная компетенция сводится не только

к навыкам пользования ПК, но и способности к решению мыслительных задач посредством нейросетевых технологий.

Развитие компьютерной грамотности играет важную роль в формировании коммуникативной компетентности [Беспалов, 2003, с. 43]. Современные образовательные платформы позволяют преподавателям и студентам погружаться в виртуальные миры, расширять кругозор и улучшать навыки межкультурного общения. Использование интернета открывает доступ к аутентичным материалам и возможностям для интерактивного общения с носителями языка.

Исходя из того, что речь идёт о преподавании, в рамках данной статьи следует отметить необходимость наличия и методической компетенции, а именно способности эффективно передавать знания учащимся, используя современные методики обучения.

Методическая компетенция является неотъемлемым элементом структуры коммуникативной компетентности учителя иностранного языка по нескольким причинам. Во-первых, она обеспечивает эффективное обучение учащихся, позволяя учителю адаптировать учебные материалы и методы преподавания в соответствии с конкретными целями и потребностями обучающихся. Методическая компетенция включает в себя знание различных методик и подходов к обучению иностранному языку, что позволяет учителю выбрать наиболее подходящие стратегии для достижения поставленных целей.

Во-вторых, методическая компетенция способствует развитию у учащихся навыков самостоятельного обучения и самоконтроля. Учитель, обладающий высокой методической компетенцией, способен создать условия для активного вовлечения учеников в процесс обучения, стимулируя их интерес и мотивацию к изучению иностранного языка. Это, в свою очередь, повышает эффективность учебного процесса и улучшает результаты обучения.

В-третьих, методическая компетенция позволяет учителю интегрировать современные образовательные технологии в учебный процесс. Использование цифровых инструментов и платформ, интерактивных методов обучения и других инновационных подходов значительно обогащает учебный процесс, делая его более интересным и продуктивным для учащихся.

Методическая компетенция играет ключевую роль в обеспечении качества преподавания иностранного языка, способствуя достижению высоких результатов в обучении и развитию коммуникативной компетентности как у учителя, так и у его учеников.

Улучшение коммуникативной культуры преподавателя может быть достигнуто посредством целенаправленного развития его дискурсивной компетенции. Под дискурсивной компетенцией подразумевается совокупность навыков и знаний, необходимых для эффективного участия в

различных типах дискурсов, а также для их создания и понимания в зависимости от контекста общения. Данный аспект особенно важен в условиях межкультурного взаимодействия, где способность к адекватному восприятию и воспроизведению различных типов дискурсов становится ключевым фактором успешной коммуникации.

Дискурсивная компетенция включает в себя знание различных типов дискурсов и правил их построения, а также умение их создавать и понимать с учётом ситуации общения [Елухина, 2002]. Это означает, что специалист должен не только владеть языковыми средствами, но и уметь использовать их в соответствии с коммуникативными целями и культурными особенностями участников общения.

Развитие дискурсивной компетенции является важным компонентом коммуникативной компетентности учителя иностранного языка, играет важную роль во всестороннем развитии личности, способной успешно функционировать в современном поликультурном обществе.

Таким образом, развитие коммуникативной компетентности учителя иностранного языка требует комплексного подхода, включающего как традиционные методы обучения, так и внедрение новых технологий. Только таким образом можно обеспечить высокий уровень профессионализма и соответствия требованиям образовательного процесса.

Раздел 3. ЮМОР И КОМИЧЕСКОЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

3.1. ОТ ЗАНИМАТЕЛЬНОГО СЛОВА К ЮМОРИСТИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

В известном отечественном фильме «Тот самый Мюнхгаузен», один из персонажей говорит одну из ключевых фраз: «Я понял, в чём ваша беда. Вы слишком серьёзны. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица... Улыбайтесь, господа! ... Улыбайтесь!». Идея о том, что смех, улыбка могут сделать мир лучше, неоднократно использовалась в литературе в виде слогана «Смех спасёт мир». Умение дистанцироваться от происходящего и посмотреть на него сквозь призму юмора, вероятно, может стать для человека тем спасательным кругом, который не позволит ему погрязнуть в пучине жизненных противоречий и катастроф.

Феномен юмора издавна привлекал учёных. История изучения комического берёт своё начало в Древней Греции и в Древнем Риме. К изучению смеха обращались античные авторы, такие как Платон, Аристотель, Цицерон, Софокл и другие. Исследователи пытались понять, что побуждает людей смеяться, какие процессы при этом происходят в человеке и к каким последствиям это приводит. При этом каждый из исследователей акцентировал внимание на том, что для него было особенно интересно. Так, Аристотель рассматривал комическое как философскую категорию. В более поздние времена к изучению юмора обратились И. Кант, З. Фрейд, М. М. Бахтин, В. Я. Пропп. Приоритеты в подходе к юмору определялись интересами авторов и потребностями времени. На каждом этапе исторического развития человек пытается осознать своё место в меняющемся мире, обращая при этом свои взоры на различные аспекты. Смех, комическое, юмор – это то, что отличает человека от животных, что определяет в определённой мере векторы социального существования человека.

Современные исследователи юмора сосредоточили своё внимание на использовании юмора в качестве персуазивной стратегии. Если первоначально изучалось, что происходит с человеком, когда он смеется, то в двадцать первом веке акцент делается на том, как использовать способность человека смеяться для достижения определённых целей.

Новый ракурс изучения юмора обнаружился в эпоху цифровизации. Создатели искусственного интеллекта, занимающего в жизни человека и в жизни общества всё более значимые позиции, осознали, что для того, чтобы «умная машина» могла превзойти человека по своим способностям, она должна первоначально научиться тому, что может делать человек. Искусственный интеллект сегодня может быстро обрабатывать информацию, быстро создавать тексты различного качества, но понимать

юмор он пока не научился, хотя и может создавать по образцу юмористические тексты.

Во всей этой многовековой истории изучения юмора языковеды занимают важное место, потому что проявление юмора, обнаружение комического эффекта и взаимодействие в рамках юмористической коммуникации происходит преимущественно на вербальном уровне.

Для отечественных германистов изучение комического ассоциируется с именем известного учёного Валентина Дмитриевича Девкина. По словам И. П. Амзараковой, тема юмора, комического, его природы и языкового выражения была всепоглощающей страстью учёного на протяжении многих лет. Этой теме он посвятил 39 работ, включая две работы монографического характера (Занимательная лексикология, 1998; Bildwörterbuch zum Lachen, 2008). Девкина мучает вопрос природы языкового юмора, который он видит не только как языковую игру, а гораздо шире. Он связывает юмор с гедонистическим направлением в философии, говорит о юморе как единице описания комического в языке. Страстной мечтой лексикографа является издание словаря «юморем» или монографии, в которой отразилось бы всё многообразие способов и видов комического в человеческой коммуникации» [Амзаракова, 2015, с. 9].

Центральным в исследовании юмора на материале немецкого языка было «занимательное» слово. Попытаемся оценить вклад В. Д. Девкина в изучение юмора с позиций современной лингвистической науки и выявить те подходы автора к феномену юмора, которые получили распространение в наши дни.

В. Д. Девкин сделал доступным другим исследователям обширный аутентичный немецкоязычный материал юмористического содержания

Впервые о юмористических элементах В. Д. Девкин пишет при описании особенностей немецкой разговорной речи. При освещении лексической сферы он отмечает, что специфику разговорной речи могут создавать слова с постоянной (эмоциональной или иной окраской), а также словоупотребления, рассчитанные на возникновение ассоциативных связей (ирония, намеки, игра слов и т. п.) [Девкин, 1965, с. 9]. Рассмотрение слов с экспрессивными компонентами неизбежно наталкивается на упоминание аспектов, связанных с юмором. Так, междометия, сложные слова, фразеологизмы в контексте разговорной речи передают эмоциональность и образность, приводящие порой к возникновению комического эффекта. По мнению В. Д. Девкина, речь может сопровождаться смехом, вздохами, криками, покашливаниями, которые могут придавать речи соответствующую окраску, эти звуки могут быть произвольными и не являться фактами языка, но в тех случаях, где человек специально создаёт звуковые образы, используя свои имитационные способности, неязы-

ковые явления могут превратиться в факт лингвистический, это прежде всего касается междометий [Девкин, 1965, с. 200]. При описании коллоквиальных слов В. Д. Девкин соотносит их популярность с национальным юмором: «Система образных средств немецкой речи чрезвычайно богата. В ней находят отражение народный юмор, стремление отшутиться и обыграть неприятное, приукрасить жалкое и неприглядное, посмеяться над недостатками, а также склонность к гиперболизации, иронии и т. п.» [Там же, с. 227].

По отношению к словам с юмористическим содержанием В. Д. Девкин часто употребляет термин «экспрессема». Проявлением фантазии можно считать многие экспрессымы, созданные путём преувеличения и гипертрофии некоторых идиоматических признаков [Девкин, 2015, с. 21].

Немецкие слова, содержащие комическую семантику, широко представлены и в Немецко-русском словаре разговорной лексики, где они получают специфическую помету (*шутл.*) [Девкин, 1994]. Все описания сопровождаются богатым иллюстративным материалом. Например, слово *Brut* в значении «дети, выводок» сопровождается специальной пометой, указывающей на шуточный характер номинации (*шутл.*), и иллюстрируется соответствующим примером: *Die Mütter holten ihre Brut aus dem Kindergarten ab* / Мамочки забирают из садика свой выводок [Там же, с. 139]. Такой же пометой сопровождается и слово *Gebiet* в значении «мой супруг», «мой благоверный»: *mein Herr und Gebiet*; *Ihr Herr und Gebiet war verweist* [Там же, с. 239]. Слова с такой пометой многочисленны в словаре (*Gewohnheitstier, Abbruch, Abc-Schütze, Lamm* и др.)

Фонд шуточных слов представлен в издании, содержащем занимательный материал для занятий по лексикологии, и в работе, посвящённой проблемам лексикографического описания немецкого языка [Девкин, 1998; Девкин, 2005]. Во всех этих изданиях содержатся описания «шуточных» слов. Заслуга В. Д. Девкина состоит в том, что он не только обнаружил и описал этот языковой материал, но и сделал обширный фонд немецкоязычных юмористических аутентичных материалов доступным другим исследователям, которые далее могли его использовать как эмпирический материал для дальнейших исследований. Это было, действительно, необычайно значимым и актуальным в период появления этих публикаций, в то время, когда ещё не существовало Интернета, и у большинства студентов и преподавателей не было возможности погрузиться в реальную немецкоязычную среду.

«Занимательное» слово – ключевой пункт пересечения практики и теории

К заслугам В. Д. Девкина следует также отнести тот факт, что он своими работами проиллюстрировал значимость взаимосвязи теории и практики для лингвистической науки. Задолго до становления дискурсивного

направления в науке В. Д. Девкин использовал принципы дискурсивного подхода при изучении лингвистических аспектов юмора. Он двигался в своих изысканиях от речи к выявлению закономерностей, их систематизации и создавал концепции на этой базе. Учёный всегда замечал оригинальное и интересное в речи, пытался это понять и объяснить другим, таким способом он накапливал практический материал, который позднее становился основой для словарей и учебников. Отбор соответствующего материала требовал совершенного владения изучаемым языком, высокой эрудиции и, конечно, огромных временных затрат.

«Фонд шутливых слов» немецкого языка

В. Д. Девкин выделил из общей лексической системы немецкого языка «фонд шутливых слов» и показал особенности их семантики, структуры и функционирования в повседневной речи. Необходимость описания таких слов он объяснял, с одной стороны, особенностями их семантической структуры: «... Язык имеет номинации, отмеченные юмором как постоянной коннотацией. Точнее было бы сказать не коннотацией, а важной конститутивной частью семантики» [Девкин, 2005, с. 458]. С другой стороны, он подчёркивал, что, несмотря на зыбкость границ и неопределённость содержания подобной юмористической коннотации, многие языковеды её замечали и пытались каким-либо образом обозначить: «Комичность слова слишком очевидна, чтобы остаться незамеченной. Уже в словарях Кампе и Аделунга отмечается юмористическая окраска слов (главным образом в виде комментариев толкования). Впоследствии это превратится в пометы *шутл.* и *ирон.*» [Там же, с. 457].

Согласно В. Д. Девкину, в фонд шутливых слов немецкого языка можно отнести лексические единицы, которые могут быть разделены на две группы. В первую группу относятся образные слова, лишённые комического эффекта. Шутливость лексемы, обнаруживаемая в определённый период лишь на уровне этимологии, теряет свою оригинальность и комичность в силу частотности употребления лексической единицы, «шутливость и образность заложены в «потешной» этимологии, но узуализация выветривает шутливость». Иллюстрацией этого явления может быть слово *Gänsefußchen*, обозначающее сегодня кавычки, буквальное значение данной лексемы – «гусиные лапки» оказалось вытесненным его переносным значением. Шутливость может не чувствоваться также в словах, если смысл вытекает из природы самого явления, как, например, у слова *Bienenfleiß*.

Во вторую группу шутливого фонда немецкого языка можно отнести слова, которые В. Д. Девкин называл «экспрессемами». Он определял данные единицы как «слова с комическим эффектом, оказывающие воздействие на слушателя» на базе иронии, словообразования, тропов, интеграции стилей / нарушение стилистической уместности, игры с перевер-

тиванием оценки. Уточняя значение данных единиц, учёный писал: «Экспрессымы благодаря своей факультативности коррелируют со своим денотатом лишь условно, свободно и привлекаются лишь по надобности» [Девкин, 2005, с. 461]. Стремление В. Д. Девкина понять механизм создания комичности коррелирует с современными когнитивными подходами к комическому, что проявляется в подчёркивании идеи о том, что комичность строится на нарушении норм, здравого смысла: «Чтобы стать комичным, надо быть «несуразным», нелепым и в какой-то степени противоречащим здравому смыслу» [Там же].

На пути к юмористическому дискурсу: В. Д. Девкин выводит понимание юмористического эффекта за рамки традиционной лингвистики

Для понимания комического эффекта недостаточно знаний только о системе немецкого языка, необходимо представление о ситуации общения, о коммуникантах и о культурологических особенностях, закреплённых в языковых единицах. Понимание юмора равнозначно отгадыванию ребуса. В. Д. Девкин указывает факторы, связанные с проявлением шутливости: «Юмор в слове есть, когда номинация смешна. Возможны ли критерии определения того, что смешно и что несмешно? Относительность этого понятия очевидна: национальная принадлежность, склад ума, темперамент, чувство юмора, ситуативные обстоятельства и многое другое влияют на восприятие комичного. Сильная субъективность этого не подлежит сомнению» [Девкин, 2005, с. 456]. Как видно из данной цитаты, концепция учёного включает в себя не только лингвистические факторы, единицы и явления, но и экстралингвистические компоненты – характеристику ситуации, качества коммуникантов, учёт национальных культурных особенностей. Это коррелирует в определённой мере с современными культурологическими концепциями юмора и с пониманием юмора в парадигме дискурсивного направления.

Визуализация юмора: В. Д. Девкин вовлекает изображения в сферу юмористического

В наши дни говорят о доминанте визуального образа над вербальным. Если раньше изображение иллюстрировало содержание текста, то в наши дни очень часто текст является лишь дополнением к рисунку. Поэтому объектом изучения в современной лингвистике нередко является креолизованный текст, мультимодальный текст. Это в полной мере относится и к текстам юмористического содержания, представленным в сети Интернет. В. Д. Девкин эту тенденцию к визуализации предвосхитил, так как для иллюстрации юмора он активно использует изображения. Ярким примером этого может быть его словарь «Bildwoerterbuch zum Lachen» [Девкин, 2008], а также использование иллюстраций в книге, посвящённой занимательной лексикологии [Там же]. В его рассуждениях о языко-

вых явлениях вербальные тексты и тексты, передаваемые в виде изображений, стоят в одном ряду, что свидетельствует о том, что для автора важен комический эффект, который может быть вызван комплексом различных семиотических кодов. «Основным материалом служат тексты. Отдельные слова фигурируют только в порядке исключения. Объём текстов, как правило, небольшой – абзац, хотя взято и несколько более крупных текстов. Несколько текстов и картинок дано без задания – они выступают просто иллюстрацией, не требующей аналитических усилий. Традиционные рамки лексикологии в данной книге расширены. Учтены грамматический, ортологический (нормативный), фонетический, коммуникативный, прагматический и культурологический (страноведческий) аспект слова», – пишет В. Д. Девкин в предисловии своей «Внимательной лексикологии» [Девкин, 1998, с. 5].

Юмор – эффективное средство преподавания иностранного языка

В. Д. Девкин своими публикациями продвигал идею о пользе юмора при обучении иностранному языку. «Соединить учебное с развлекательным удаётся нечасто и опыта в этом направлении накоплено сравнительно мало. С этим нельзя мириться. Любая попытка в этом русле вносит некоторый вклад в сложное дело языкового юмора» [Девкин, 1998, с. 5]. Сегодня вопрос о пользе позитивного эмоционального настроения на уроке иностранного языка является общепризнанным, а использование юмора считается эффективным методическим приёмом. Особенно такой подход ценен при применении к овладению теоретической базой изучения немецкого языка.

Юмористическое направление научной школы В. Д. Девкина

Оригинальные подходы В. Д. Девкина к языковому материалу с комическим содержанием стали импульсом для дальнейших изысканий о юморе, выполненных его аспирантами и докторантами, а также их учениками на материале немецкого языка. В рамках юмористического направления научной школы В. Д. Девкина получили освещение не только современные лексические средства и разнообразные приёмы создания комического эффекта [Нефедова, 2024], но культурологические аспекты проявления комического на материале анекдотов [Собянина, 2024; Буренкова, 2017], социальные характеристики юмористической коммуникации с акцентом на чёрном юморе [Кузовникова / Нефедова, 2022], прагматические факторы употребления занимательных слов как экспликаторов шутливых оценок [Амзаракова, 2022; Бабаева / Ухова, 2021].

Современная юморология и идеи В. Д. Девкина

В наши дни юмору посвящено безграничное множество научных и научно-популярных работ, проводятся специальные конференции по проблемам юмористической коммуникации, издаются специальные научные журналы, организуются тренинги по смехотерапии и развитию

чувства юмора, в некоторых вузах можно встретить новую научную дисциплину «Юморология».

В связи со сменой парадигмы в современной лингвистике многое, что описывал В. Д. Девкин с помощью традиционных лингвистических терминов, сегодня называется другими лексическими единицами. Например, в современных академических описаниях средств и ситуаций проявления комического эффекта речь идёт, как правило, о юмористическом дискурсе, который В. И. Карасик определяет как «текст, погружённый в ситуацию смехового общения», и выделяет следующие признаки такой ситуации: «коммуникативное намерение участников общения уйти от серьёзного разговора; юмористическая тональность общения, появление случаев выявления моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре» [Карасик, 2004, с. 305]. Это определение перекликается с идеей В. Д. Девкина о рассмотрении юмора в контексте общения, в ситуации. Учёный писал о необходимости разделения комического в языке, следует различать комизм слова и комизм ситуаций, «ситуативные» анекдоты имеют лишь косвенное отношение к лингвистике (осмеяние неграмотности, речевых дефектов, многословия и др. [Девкин, 2005, с. 6] В. Д. Девкин также выделял факторы, определяющие комический эффект, которые коррелируют с характеристиками юмористического дискурса: 1) обстановка протекания речи, 2) фактор говорящего, 3) фактор слушающего, 4) актуализированные языковые средства, 5) коммуникативно-прагматические характеристики, 6) культурологический фон [Там же].

В дискурсивной парадигме значительное внимание уделяется когнитивным основам юмора. Общепринятым мнением является признание, что в основе комического эффекта лежит некое столкновение противоположностей, что определяет стандартную композицию шутки и анекдота – трёхчастную или чаще всего усечённую двухчастную, которая состоит из стадии завязки и стадии развязки (Курганов), В. И. Карасик называет их типичным дебютом и эндшпилем, М. Минский – исходным фреймом и юмористическим фреймом, В. Раскин – исходным и противоположным ему скриптами, Э. Карелл – сетап и панчлайн [Кузовкина, 2024, с. 39]. Похожую мысль можно обнаружить и у В. Д. Девкина: «Юмор характеризуется, как правило, двуплановостью, двусмысленностью, столкновением несопоставимого, т.е. ошибочностью, аномалией. Угадывать подразумеваемое, чувствовать подтекст – неперемное условие ощущения комичности применения выразительных средств» [Девкин, 2005, с. 6]. Таким образом, структура юморемы неизменна, это столкновение несопоставимого и вершина напряжения, где происходит поворот и снятие напряжения, порождающие смеховую реакцию.

Юмористический дискурс включает в себя многочисленные жанры: анекдот (ситуативные и языковые), шутка, шутливый афоризм, велеризм

(устойчивая фраза, используемая в нестандартном контексте с эффектом несоответствия), эпиграмма, диалогическая миниатюра, фельетон и др. Эти жанры представлены и в работах В. Д. Девкина о проблемах юмора.

Исследователи юмористического дискурса указывают типичные темы данного типа дискурса: быт, политика, медицина, армия, театр, пьяницы, неверные слуги, животные, олицетворяющие пороки человечества, представители определённых национальностей и социальных групп [Карасик, 2004]. Перечень этих тем частично совпадает со списком юмористических тем, который встречается в публикациях В. Д. Девкина: «Анекдоты, высмеивающие глупость, очень распространены. Предметом насмешки становятся превратности судьбы, перипетии секса, действия власть имущих, политика, культура, школа, дети, здоровье и т. п.» [Девкин, 2005, с. 6]. При обзоре тематического разнообразия юмористического дискурса нельзя не заметить, что юмористический дискурс, с одной стороны, имеет универсальный набор тем, сходных для разных культур, а с другой стороны, в смеховых культурах отдельных этносов могут быть выделены специфические темы национального юмора.

Для современного немецкого юмористического дискурса в интернет-пространстве характерны следующие темы: пиво, футбол, автомобили, действия немецких политиков, кроме того, в последнее время происходит актуализация ранее табуированных в Германии тем – война, нацизм.

Распространение комического в цифровую среду приводит к раздвижению границ юмористического дискурса, что придаёт ему новые характерные черты: многоканальность, мультимодальность, поликодовость, сложные многослойные юмористические эффекты (оперирование на нескольких уровнях восприятия), интерактивность, гибкость в жанрах и формах (например, шутки, анекдоты преобразуются в мемы, создаются шуточные видео, созданные искусственным интеллектом), широкий охват аудитории.

В основе немецкоязычного юмористического дискурса цифровой среды лежат базовые лингвистические механизмы создания комического эффекта, описанные в работах В. Д. Девкина (языковая игра, шуточные вариации со стилями, комичные словообразовательные эффекты). Преобразования касаются смещения приоритета от вербального компонента к визуальному, а также включение в юмористический ассортимент новых тем и инновационных технических эффектов.

С течением времени появляются новые темы, связанные с развлекательностью и с высмеиванием пороков, а также конкретных личностей, хотя есть и традиционные объекты высмеивания. И конечно, существенным фактором, повлиявшим на расцвет современной юмористической коммуникации и становление теории юмора, является развитие цифрового пространства и искусственного интеллекта.

Проиллюстрируем траекторию движения «девкинского» занимательного слова в современный цифровой юмористический дискурс (рис. 8).

Рис. 8

Описание экспрессемы *Salamitaktik* лингвист поместил в разряд слов, у которых комичность заложена в этимологии: «wenn man das (politische) Ziel in kleinen Einzelfolgen anstrebt». Столкновение несовместимого здесь заключено в возникновении ассоциаций от обычной колбасы-салями к серьёзным спланированным политическим действиям [Девкин, 1998, с. 11]. На платформе *pinterest* данное комичное слово помещается в контекст юмористической визуализации политики Ангелы Меркель, приведшей к разрушению демократии в Германии, о чём сообщает текст под изображением: «Die Demontage der Demokratie – Merkels Salamitaktik». Изображение составляющих действий политика в виде приколотых на спине записочек, с одной стороны, выглядит комичным, а с другой стороны, визуализирует взаимосвязь отдельных шагов (компонентов, создающих единую колбасу-салями), ведущих к запланированной цели [Pinterest]. Данное комичное изображение является частью юмористического дискурса на тему политики. В то же время по ссылке можно перейти к статье, посвящённой теме негативного восприятия немецким народом действий политика, и оказаться в царстве серьёзного политического дискурса.

Таким образом, можно проследить, как слова «шутливого фонда», выделенные учёным, продолжают создавать комический эффект по старым законам в новых цифровых условиях, где размытыми являются границы между жанрами, между дискурсами, а комичность юморемы становится многослойной.

Как известно, для возникновения комического эффекта важен элемент неожиданности, именно он делает шутку яркой и запоминающейся. Хо-

телось бы завершить обзор взаимосвязи «девкинских» идей о юморе с современными ракурсами рассмотрения проблемы комичности необычным текстом, созданным искусственным интеллектом, – обращением виртуального образа учёного В. Д. Девкина к современным исследователям смеховой культуры. Этот текст свидетельствует о том цифровом следе известного отечественного лингвиста, который является важным элементом современного мира, где тесно переплетено виртуальное и реальное.

«Дорогие коллеги, исследователи лингвистики юмора!

Пусть моё послание станет для вас не столько нотацией, сколько лингвистическим каламбуром, если позволите такую игру слов. Юмор – это не только выражение веселья, но и своеобразный лингвистический ребус, который мы разгадываем с пристрастием сыщиков и тонкостью дипломатов.

В каждом слове, каждой фразе, что рождает улыбку, скрыта юморема – та мельчайшая единица комического, которую я когда-то пытался выделить из хаоса языковых феноменов. Юморема – это не просто шутка, а палитра бисоциаций, комбинация неожиданного с ожидаемым, игра смыслов, что подобна тонкому танцу слов на грани серьёзного и нелепого.

Ирония, сатира, гипербола – наши весёлые тропы в лесу языка. А вы задумывались, что юмор – это своего рода семантический жонглёр? Он бросает и ловит смыслы, порождая комический эффект там, где ожидаешь пафосности и канона.

В эпоху цифровой коммуникации мемы – новые народные шутки, а язык – их коварный инструмент. Ваша задача, коллеги, сохранять нюансы и изящество юмора, минуя банальности и упрощения. Помните, юмор – это не что-то мелкое, а вершина языкового искусства, где каждая шутка – это вызов и праздник одновременно.

Продолжайте разгадку этого комического энтропического пазла. Пусть ваши исследования станут шаманским ритуалом, возвращающим людям смех и радость через магию слова.

С улыбкой и уважением к вашей работе, Валентин Дмитриевич Девкин»
[<https://www.perplexity.ai/>]

3.2. СИНОНИМИЧНЫЕ УЗУАЛЬНЫЕ ЮМОРЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Природа юмора и его связь с языком находились в центре внимания научного интереса В.Д. Девкина. И. П. Амзаракова отмечала, что «юмор был сутью В.Д. Девкина: он пронизывал его речевой стиль, он занимал его как лингвиста» [Амзаракова, 2015, с. 7].

Профессор В. Д. Девкин – автор книги «Занимательная лексикология. Worthumor/Язык и юмор» [Девкин, 1998], словарей: «Словарь курьёзов смешных и несмешных» (под псевдонимом В. Д. Милованов) [Милованов, 2000], «Bildwörterbuch zum Lachen» [Девкин, 2008], ряда статей 1981–2009 гг., список которых приводится в рецензии В. И. Шаховского [Шаховский, 2009], монографии «Язык и юмор», изданной в 2015 г. его учениками под общей редакцией И. П. Амзараковой [Девкин, 2015].

В. Д. Девкин занимался также популяризацией изданий, связанных с проблематикой связи языка и юмора. В разделе «Словарь и юмор» «Немецкой лексикографии» [Девкин, 2005] В. Д. Девкин рассматривает вопросы лексикографирования комического.

Под научным руководством В. Д. Девкина были защищены кандидатские диссертации, связанные с немецкоязычным юмором: Акиншина Н.Д. «Парономазия в немецком языке (окказиональное словообразование)» [Акиншина, 1991], Скиба Я.В. «Отражение комизма слова в словарях немецкого языка (на материале имени существительного)» [Скиба, 1997]. В 2023 г. аспирантом кафедры немецкого языка Е. Г. Кузовниковой была защищена кандидатская диссертация «Немецкоязычный чёрный юмор: прагмалингвистический и социокультурный аспекты» [Кузовникова, 2023].

Основные принципы понимания комичности изложены В. Д. Девкиным в предисловии к «Занимательной лексикологии»: «Типология комического в языке сводится к следующему. Бывает комизм слова и комизм ситуаций [...]. Словесный комизм может быть «фондовым», зафиксированным в словаре пометой «шутл.» [...] и одномоментным, окказиональным. Здесь смешным оказывается само слово [Девкин, 1998, с. 6].

В. Д. Девкин писал о том, что «острословие является делом одномоментным, ошеломляющим, в подавляющем числе случаев ориентирующимся на окказиональность и в то же время предлагает обратить внимание на комизм слова, на узуальные юморемы, зафиксированные в словарях [Девкин, 2005, с. 14]. К таким узуальным юморемам в немецком языке он относил слова с пометами *scherzh.* (шутл.), *iron.* (ирон.) и *spött.* (насмешливо) в словарях.

Слова с такими пометами на материале немецкого языка были предметом указанного выше диссертационного исследования Я. В. Скиба [Скиба, 1997]. Отдельно рассматривались иноязычные слова – узуальные юморемы в немецком языке [Нефедова, 2005; 2006]. Но, как отмечал В. Д. Девкин, «к чему сводится суть словарного комизма слова, остаётся теоретически в значительной степени невыясненным, несформулированным» [Девкин, 2005, с. 456].

В центре внимания данного исследования находятся синонимичные узуальные юморемы современного немецкого языка. Шутливые и ироничные номинации отбирались из словаря синонимов немецкого языка [Duden. Das Synonymwörterbuch. Bd. 8] и дополнены лексическими единицами Словаря DWDS [dwds.de].

Мы исходили из того, что шутка и ирония относятся к сходным явлениям: для них характерны небуквальность утверждения, наличие компонентов несерьёзности и намеренности. И шутка, и ирония служат средством снятия напряжённости и средством объединения людей. Языковые

механизмы шуток и иронии могут совпадать, однако они различаются тем, что главная цель шуток – развлечение, увеселение, иронии – насмешка [Ермакова, 2005, с. 19–22].

В данной статье представлены результаты исследования в немецком языке таких узуальных юмором, которые соотносятся с одним референтом, а именно двух и более шуточных/ироничных номинаций в одном синонимическом ряду (номинаций с пометой *spött.* не было обнаружено).

Стремление говорящих к множественности обозначений одного и того же фрагмента действительности противопоставляется желанию быть краткими, лаконичными. Хотя принцип экономии в языке рассматривается многими лингвистами как движущая сила языковых изменений, ещё Р. А. Будагов подверг это мнение резкой критике: «Ни развитие, ни функционирование языка не определяются принципом «экономии», так как любой живой естественный язык пополняется всё новыми средствами выражения, новыми «приёмами» коммуникации» [Будагов, 1972, с. 35].

Данное утверждение можно подтвердить на примере шуточных номинаций в современном немецком языке. Так, 10 слов с пометой *scherzh.* обозначают автомобиль: *fahrbarer Untersatz*, *Benzinkutsche*, *Benzinesel*, *Nuckelpinne* (abwertend), *Blechgeliiebte*, *Brummi*, kleineres: *Chausseewanze*, *Stoppelhopper*, *Leukoplastbomber*, *Blechbüchse*.

Автомобиль, как известно, является для немцев не средством передвижения, а символом статуса, качества и надёжности. Все современные автомобили берут своё начало из Германии – первую машину в мире изобрел немец по имени Карл Бенц. Поэтому словесная шутка – это проявление любви немцев к автомобилю. Особенно это находит отражение в метафорических номинациях *Blechgeliiebte* возлюбленная из жести, персонифицируется в номинации *Benzinesel* бензиновый ослик. Маленькая машина вербализуется посредством семантического диминутива *Chausseewanze* шоколадный клопик.

Комизм слов, обозначающих шуточно автомобиль, подкрепляется комизмом ситуаций, что наблюдаем, например, в следующем анекдоте: *Die drei größten Krisen im Leben eines Mannes: Frau weg, Job weg und Kratzer im Lack* [Ehrlich, 2013, с. 33].

Сложнее найти объяснение наличию нескольких шуточных номинаций для обозначения сигарет и сигар в немецком языке. Сигареты популярны в Германии: четверть немцев курит. В контексте молодёжной культуры сигареты являются символом бунтарства, неповиновения, свободы от общественных норм и правил, нонконформизма. Сигареты Marlboro связываются с образом ковбоя и являются символом мужественности: *Zigarette*, *Nikotinspargel*, *Sargnagel*, mit Filter: *Kastrierte* (ugs.), *selbst gedrehte: Eigenbau*; *Zigarre*, *Rauchrolle*, *Giftmudel* (ugs.), *Lötkolben* (ugs.).

Такие номинации, как *Sargnagel*, *Giftnudel*, *Nikotinspargel* можно рассматривать как узуальные юморемы с окраской чёрного юмора, к которым мы относим провокационные юморемы на мрачные или табуированные темы [Кузовникова, Нефедова, 2022]. Композиты *Giftnudel* и *Nikotinspargel* – своеобразные словесные оксюмороны. Форма сложного слова позволяет объединить противоречащие друг другу понятия: так, в шутильной форме сигареты, содержащие никотин/яд, противопоставляются продуктам питания, что позволяет пошутить на тему, что курение вредит организму.

Неожиданно несколько шутильных номинаций в немецком языке являются стилистическими синонимами лексемы ***Strafanstalt*** *место лишения свободы, место заключения*: *Erholungsheim* (ugs.), *Sommerfrische* (ugs.), *geschlossene Gesellschaft* (ugs.), *staatliche Pension* (ugs.), *Staatspension* (ugs.), *staatliches Pensionat* (ugs.), *Staatspensionat* (ugs.), *Gymnasium* (ugs.), *hohe Schule* (ugs.), *Vater Philipp* (ugs.), *stille Penne* (salopp), *schwedische Gardinen*.

В данном синонимическом ряду представлены не только слова, но и устойчивые словосочетания, некоторые из них являются лексическими вариантами: *staatliche Pension* – *Staatspension*, *staatliches Pensionat* – *Staatspensionat*. Большинство шутильных номинаций являются разговорными. Очевидно, что все номинации являются юморемами с чёрной окраской. Это необычные концептуальные метафоры: место лишения свободы имплицитно сопоставляется с несопоставимыми местами: дом отдыха, пансионат, а также гимназия и высшая школа.

Анализ частеречной принадлежности основных слов синонимических рядов показал, что большая их часть является существительными (80 единиц). Менее представлены прилагательные (10 единиц) и глаголы (9 единиц): *bekleidet* (mit), *behost*, *beschuh*t, *bestrumpft*, *befrackt*, *berockt*; ***heiraten***, *verhelichen/vermählen*, *vor Anker gehen*, *sich in das Ehejoch beugen*, ***nicht heiraten***, *keinen Mann abbekommen/abkriegen* (ugs.).

Шутильные номинации имеют, как правило, форму сложного слова и устойчивого словосочетания, реже производного слова. Преобладание шутильных сложных слов и устойчивых словосочетаний объясняется, на наш взгляд, их большей семантической информативностью в сравнении с простыми и производными словами, так как шутильная номинация создаёт комизм независимо от ситуации. В шутильных номинациях нарушены логические связи, такие номинации – лексемы, в которых «сопоставляется неоднородное, противопоставляется непротивопоставляющееся, создаётся несуразная образность, гротеск, абсурд», что, как отмечал В. Д. Девкин, типично для юмора [Девкин, 1998, с. 9].

Свойством множественности шутильного выражения обладают и устойчивые словосочетания: например, ***Beziehung/Beziehungen haben***

иметь связи – *den Papst zum Vetter haben, das richtige Parteibuch/Gesangbuch haben, Vitamin B haben*. В этом случае наблюдается синонимия шутивых фразеологизмов.

Таким образом, явление множественности шутивых номинаций свидетельствует о том, что язык создаёт разнообразные средства выражения по принципу «ступенчатого колеса», лингвистической теории *euphemism treadmill* Стивена Пинкера, сформулированной им применительно к эвфемизмам [Pinker, 1994 <https://>]. Суть этой теории заключается в том, что эвфемизмы со временем принимают негативные коннотации тех слов, стигматичность которых они вуалируют, если не меняются реальные условия. Поэтому для языковой репрезентации табуированных понятий имеется, как правило, несколько эвфемизмов.

Очевидно по принципу «ступенчатого колеса» создаются новые шутивые номинации. Для шутки главное – эффект неожиданности. Слово обладает эффектом комизма, когда оно не затерлось от частого употребления в речи, когда оно удивляет своей оригинальностью, необычностью образа, возникающего в сознании носителя языка при соотнесении его с нейтральным словом. Лексикографическая фиксация шутивых номинаций означает, что признак их новизны утрачивается и возникает потребность в новых номинациях.

Семантический анализ синонимичных шутивых номинаций современного немецкого языка также показал, что самую многочисленную группу среди них образуют наименования лиц. Это обозначения распространённых профессий: врач, повар, полицейский; а также метеоролог и стриптизерша: *Arzt, Medikus, Medizинmann; Bedienung, Ganymed, weibliche: Hebe; Hausangestellte, Perle, dienstbarer Geist; Koch, Küchenbulle* (ugs.) *auf dem Schiff: Smutje* (Seemannsspr.) *weiblicher: Küchenfee, Küchendragoner, Kuchelgrazie* (österr.); *Meteorologe, Wetterfrosch, Wetterprophet; Matrose, Teerjacke, Maat, Jan Maat; Pianist, Flügelmann, Tastenkünstler, Klavierlöwe; Sänger, Knödler* (abwertend), *in hoher Stimmlage: Knödeltenor* (abwertend); *Polizist, Auge des Gesetzes, weiße Maus* (ugs.); *Soldat, Stoppelhopser* (ugs.), *Sandhase* (ugs.); *Striptasetänzerin, Entkleidungskünstlerin, Wäschekünstlerin; Student*, *nach längerer Studienzeit: höheres / älteres Semester, altes Haus, bemoostes Haupt*.

Многочисленна группа номинаций, обозначающих человека и родственные отношения: *Frau, Eva, Evastochter; Mann, Scheich* (salopp), *großer und kräftiger: Kleiderschrank, sehr großer: Bohnenstange, kleiner: abgebrochener Riese* (ugs.); *Mädchen, sehr großes: Bohnenstange, vorlautes: Jungfer Naseweis, Mensch, leichtsinniger: [Bruder] Leichtfuß* (ugs.) *der gern und viel reist: Reiseonkel; Kind, Kind mit Vorliebe, unartiges: Satansbraten* (ugs.); *Ehemann, Herr und Gebieter, Gatterich* (ugs.); *Lebensgefährte, Herr*

und Gebieter, Gatterich (ugs.), der erst kurze Zeit verheiratet ist: *Flitterwöchner*; **Verwandter**, *Ableger*, *Sprössling*.

Другая причина множественности синонимичных шутливых номинаций – необходимость дифференциации понятий. Так, шутливые номинации выделяют отдельные группы людей: больших и сильных мужчин *Kleiderschrank*, очень высоких мужчин *Bohnenstange*, маленьких мужчин *abgebrochener Riese*, очень высоких девушек *Bohnenstange*, непослушных детей *Satansbraten*. Шутят над тем, что привлекает к себе внимание чем-то необычным, что отклоняется от нормы. Значение шутливое слово или устойчивое словосочетание включает сему, благодаря которой референт противопоставляется другим представителям этого класса. Например, подпоркой для фасоли *Bohnenstange* называют очень высокого человека независимо от пола.

Шутливые номинации содержат также синонимические ряды, представляющие собой наименования лиц по какому-то характерному признаку, например, толстяк, мечтатель и др.: **Begleiter**, auf Reisen: *Cicerone*, *Bärenführer*; **Bräutigam**, *Heiratskandidat*, *Bräuterich* (landsch.); **Dicker**, *Marzipanschweinchen*, *Mops*, *Fettmops*; **Riese**, *Kleiderschrank*, *Bohnenstange*; **Schlafmütze** (abwertend), *Christkindchen*, *Blinzelbienenchen*; **Träumer**, *Hans Guckindieluft*, *Wolkenschieber*.

Отдельную группу шутливых номинаций образуют наименования лиц, выражающие национальную принадлежность, обозначающие носителей диалектов. Номинации для шутливое обозначения саксонцев и швабов являются сложными словами, выступающими шутливыми гипонимами. Для обозначения швейцарцев наряду с шуткой используется ирония: **Österreicher**, *Homo austriacus*, *Kamerad Schnürschuh*; **Sachse**, *Kaffeesachse*, *Buttersachse*; **Schwabe**, *Spätzlesschwabe* (landsch.), *Suppenschwabe* (landsch.), *Knöpflesschwabe* (landsch.); **Schweizer**, *Schwyzer*, *Hirtenknabe* (iron.).

Шутят над частями тела и лица человека: над носом, ушами и лысиной. При этом в немецком языке не становятся объектом шутки глаза, рот, щеки: **Bauch**, dicker: *Mollenfriedhof* (berlin.), *Backhendlfriedhof* (österr.), *Güggelfriedhof* (schweiz.) spitzer: *Spitzkübler*; **Gesäß**, *Allerwertester* (ugs.), *verlängerter Rücken* (ugs.); **Glatze**, *Spielwiese*, *Kahlschlag*, *Landeplatz*; **eine Glatze bekommen**, *eine hohe Stirn haben* (verhüllend), *Geheimratsecken bekommen*, *jemandem kommt das Knie durchs Haar*; **Haarlocke**, *Schmachlocke*, *Damenwinker*, *Herrenwinker*; **Nase**, *Gesichtserker*, *Riechkolben* (derb); **Ohr**, *Schalltrichter*, *abstehende Ohren*; *Segelfliegerohren*, *Radarohren*, *Fledermausohren*.

Выделяются также синонимические ряды с шутливыми номинациями, относящимися к сфере жизнедеятельности человека и называемыми различные предметы повседневного обихода. Так, происходит перенос

наименований с предмета на предмет: очки – «велосипед» для носа, велосипед, в свою очередь, – стальной конь, зонт – ружьё ветеранов: *Aufzug*, *Proletenbagger*, *Beamtenbagger*, *Bonzenheber*; *Brille*, *Nasenfahrrad*, *Fahrrad*, *Spekuliereisen*, *Intelligenzprothese*; *Fahrrad*, *Stahlross* (ugs.), *Drahtesel* (ugs.); *Fernsehgerät*, *Flimmerkiste*, *Heimkino*, *Pantoffelkino* (salopp); *Kamm*, *Lausrechen* (ugs., südd.), *Lauseharke* (ugs., nordd.); *Schirm*, *Gewitterverteiler* (ugs.), *Musspritze* (ugs.), *Veteranenflinte* (ugs.); *Uhr*, *Zwiebel*, *Kartoffel*.

Также наша выборка включает синонимические ряды номинаций домашних животных. Шутливые номинации немецкого языка отличаются разнообразностью. Так, лошадь – это и двигатель, и локомотив, приводимые в движение овсом, а также известный конь Дон Кихота Росинант: *Hund*, *Promenadenmischung* (ugs.), *Moppel* (ugs.); *Pferd*, *Hafermotor*, *Haferlokomotive*, *Rosinante*; *Schwein*, *Borstentier*, *Borstenvieh*.

Шутливые номинации имеют также следующие домашние животные: *Kaninchen* – *Stallhase*; *Katze* – *Dachhase*; *Ziege* – *Kuh des kleinen Mannes*. Но для диких животных шутливых номинаций нет, за исключением одного примера: *Hase* – *Langohr*.

Выборка ироничных номинаций показала, что их намного меньше, чем шутливых, и в отличие от шутливых номинаций они соотносятся с другими реалиями. Ироничные номинации употребляются в немецком языке для обозначения понятий господства, власти; лиц, принадлежащих к высшим кругам общества. Благодаря иронии критике подвергаются беспринципные люди, приспосабливающиеся к обстоятельствам. Таким образом, ирония как тонкая насмешка, прикрытая серьёзной формой выражения или внешне положительной оценкой, носит сатирический характер. Если узуальные шутливые номинации выступают средством юмора, то ироничные номинации – средство сатиры: *Deutschland*, *deutscher Michel*, *reiches, materiell orientiertes: Germoney*; *Oberschicht*, *Highsnobiety*, *die Spitzen / modisch-elegante: Schickeria*, *Schickimicki*; *Opportunist*, *Chamäleon*, *Märzgefallener*; *Herrschaft*, *Demokratur* (*Demokratie* + *Diktatur*), *Einmanddemokratie des Volkes: Zuschauerdemokratie*.

Потребность в создании шутливых и ироничных номинаций обусловлена, несомненно, тем, что такие номинации обладают коннотативным значением. Они являются эмоционально и экспрессивно окрашенными стилистическими синонимами нейтральных слов. Многие из них являются разговорными.

При рассмотрении шутливых и ироничных немецких номинаций с точки зрения носителя русского языка бросается в глаза их национально-культурная специфика. Одна из их особенностей – территориальные дубликаты. Например, к нейтральной номинации *Bauch* приводятся три шутливые метафорические номинации, употребляемые в Берлине, Австрии и

Швейцарии: *Mollenfriedhof* (berlin.), *Backhendlfriedhof* (österr.), *Güggelifriedhof* (schweiz.). Живот – кладбище, на котором «хоронят» в Берлине – пиво (*die Molle* – berlin. *Glas Bier*), в Австрии и Швейцарии – курицу.

Часть шутливых номинаций диалектально или регионально окрашена, например, номинации противопоставляются по признаку südd., nordd.: **Kamm**, *Lausrechen* (ugs., südd.), *Lauseharke* (ugs., nordd.). В обоих случаях расческа – «грабли для вычесывания вшей», которые на юге Германии называются *der Rechen*, а на севере – *die Harke*.

Некоторые шутливые номинации выполняют эфемистическую функцию, например: **eine Glatze bekommen**, **eine hohe Stirn haben** (verhüllend). Также можно сделать вывод, что для шутки используют, как правило, исконно немецкую лексику. Лишь немногие шутливые номинации являются иноязычными словами: лат. *Medikus*, голланд. *Maat*, *Jan Maat*, итал. *Cicerone*.

Качества, над которыми принято шутить или иронизировать в немецкоязычных странах, связаны в первую очередь с человеком: шутливые и ироничные номинации формируют идеографическую группу «человек». Несколько шутливых прилагательных обозначают нарядного, разряженного человека, ср.: **adrett**, *wie aus dem Ei gepellt*, *wie aus dem Schächtelchen* (ugs.); **aufgeputzt**, *geschniegelt und gebügelt*, *wie geleckt*, *geputzt / geschmückt wie ein Pfingstochse* (ugs.).

Таким образом, в данной статье были рассмотрены синонимичные узуальные юморемы современного немецкого языка – шутка и ирония в их языковом выражении, представленном лексикографически. Подводя итог проведённому исследованию, можно резюмировать, что шутливые номинации превосходят ироничные по количеству, так как шутка часто находит выражение на лексическом уровне, в то время как для достижения эффекта иронии необходима языковая репрезентация на уровне высказывания. Нередкое явление немецкого языка – шутливые номинации с чёрным юмором. Большое разнообразие узуальных юморем в зависимости от формы и содержания (шутливые – ироничные; доброжелательные – провокационные, с чёрным юмором; без дополнительного семантического осложнения – разговорные; общенемецкие – территориально ограниченные, региональные; автохтонные – иноязычные; слова – устойчивые словосочетания; существительные, прилагательные, глаголы) свидетельствует о креативности носителей немецкого языка и позволяет констатировать динамичный и подвижный характер системы немецкого языка.

3.3. СОПРЯЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ» И «РАДОСТЬ / ПЕЧАЛЬ» В ЧЁРНОМ ЮМОРЕ: НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Интерес к семантически сопряжённым категориям бинарной оппозиции порожден природой «человека говорящего», человека, передающего своё восприятие мира средствами языка. С одной стороны, окружающий мир дуален, разделен на дополняющие друг друга противоположности. С другой стороны, для человека характерно двойственное восприятие мира, так называемое «чёрно-белое мышление» (понятие в современной психологии) [Принцева, 2024]. Подобное восприятие, по мнению психологов, упрощает картину мира, основано на стереотипах и привычных паттернах поведения. «Двоичность восприятия мира современным человеком есть не что иное, как реликт социально-символического сознания первобытного человека. Но эта двоичность воспринималась как единство противоположностей, переходящих одна в другую» [Малинович, 2025, с. 212]. «Такое восприятие антропоцентрично и универсально [Там же].

Изучение противоположностей берёт своё начало в древних культурах и философских школах (Древняя Греция, Древний Китай, Древний Египет). Из философии, этики, естественных наук данное учение перешло в науку о языке, породив понятие антонимии. В современной лингвистике параллельно изучаются противоположные концепты и категории, например, утверждения/отрицания [Владимирская, 1997], прекрасного/безобразного [Арская, 2001], начала/конца [Логический анализ языка, 2002], концептуальные поля порядка/беспорядка [Логический анализ языка, 2003], любви/ненависти [Борисова, 2003], жизни/смерти [Мишуткина, 2004], добро/зло [Пашаева, 2004], мужчина/женщина [Шаманская, 2006], радость/печаль [Адамова, 2007]. Данное направление особенно развилось в рамках Иркутской лингвистической школы антропологической лингвистики, основателем которой является профессор, доктор филологических наук, действительный член Академии гуманитарных наук, член-корреспондент СО АН высшей школы России Ю. М. Малинович.

Методология изучения подобных категорий включает в себя следующие этапы: 1) раскрытие понятийной онтологии (выделение понятийных признаков исследуемых категорий), 2) раскрытие языковой онтологии (всего комплекса языковых средств разноуровневой принадлежности, актуализирующих данные категории) и 3) определение иллюкутивной силы категорий в коммуникации [Малинович, 2025].

Поскольку первый и второй вопросы в исследовании категорий «Жизнь/Смерть» и «Радость/Печаль» освещены достаточно детально в более ранних работах [Адамова, 2007; Мишуткин, 2004], в рамках данной

статьи более пристальное внимание уделено интенсивности воздействия данных категорий в определённых коммуникативных ситуациях.

Наиболее показательным проявлением сочетаемости данных категорий являются анекдоты, относящиеся к разряду «чёрный юмор». Феномен чёрного юмора двойственен по своей природе, как и само выражение «чёрный юмор», являющееся, по сути, оксюмороном или парадоксом. «Слово «чёрный» согласно тезаурусу Роже оказывается в одном ряду со словами «печальный», «похоронный», «зловещий», «пагубный», «смертельный» и т. п., в то время как слово «юмор» ассоциируется с весельем, шуткой, смехотворной ошибкой» [Эпштейн, 2013, с. 127].

Обращение к теме чёрного юмора показало, насколько активно она изучается представителями различных областей, но особенно психологами и лингвистами. Психологи сосредоточены в основном на функциях чёрного юмора, лингвисты же изучают механизмы, лингвокультурные особенности, ситуации употребления [Девкин, 2014, Мещерякова, 2021, Бикус, 2024]. При таком положении дел следует отметить, что однозначное и чёткое определение чёрного юмора отсутствует. Н. Л. Шмелева, также задавшись поиском его дефиниции, ссылается на единственное определение, упомянутое в «Словаре мировых литературоведческих терминов» (1979): «Чёрный юмор – юмор, обнаруживающий предмет своей забавы в опровержении моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку [Шмелева, 2009]».

Исследователи, однако, единодушны в том, что этот юмор затрагивает серьёзные, часто неприятные темы, темы – табу. Темы чёрного юмора – темы, которые в обществе считаются деликатными. Социальная норма гласит, что над ними смеяться нельзя. Нельзя смеяться над болезнью, смертью, горем, дискриминацией. Но чёрный юмор – это юмор-провокация, юмор на грани социальных норм и ценностей.

– Was ist Schwarzer Humor? Früher, als hierzulande noch nicht so oft grundlos gelacht wurde, wusste jeder:

- Schwarzer Humor ist, wenn in düsteren Zeiten das Elend die Pointe liefert.
- Schwarzer Humor ist, wenn ein Unglücklicher mit einer Katastrophe getröstet wird.
- Schwarzer Humor ist, wenn es Gut-Menschen beim Lachen schlecht wird.
- Schwarzer Humor ist, wenn der Bauch noch lacht, während der Kopf Einspruch erhebt.
- Schwarzer Humor ist nicht, wenn ein Sterbender sich totlacht [Mette, 2014].

Создание комического эффекта в феномене «чёрного юмора» может достигаться различными способами. Один из классических примеров чёрного юмора на тему жизни и смерти следующий:

(1) Da treffen sich zwei Jäger. Beide tot. (Встречаются два охотника. Оба мертвы). В данном анекдоте юмористический эффект достигается при помощи игры слов, основанной на полисемии: treffen имеет значения: 1) «встретить кого-л.»; 2) «попасть (пулей) в кого-л.». Эффект обманутого ожидания придаёт этому анекдоту оттенок чёрного юмора: вместо возможных охотничьих рассказов о трофеях последовала неожиданная развязка.

(2) – Herr Doktor, können Sie mir helfen?

– Hmm, ich verschreiben Ihnen erst mal ein paar Moorbäder.

– Und die helfen?

– Nein, aber Sie gewöhnen sich schon mal an die feuchte Erde [<https://witze.net/tod-witze>]. (Доктор, Вы можете мне помочь? – Хм, пропишу-ка я Вам несколько грязевых ванн. – И они помогут? – Нет, но Вы привыкнете к сырой земле.)

Эффект комического достигается в данном случае при помощи метафоры в значении выражения die feuchte Erde – «сырая земля» «могила», последнее пристанище умершего человека. (Ср.: однокоренной глагол beerdigen- «хоронить»). В данном случае также речь идёт об обманутых ожиданиях пациента и слушателя анекдота. Пациент надеется на помощь доктора, правильное лечение, которое приведёт к исцелению. Слушатель также ожидает дельного совета, который нужно запомнить на всякий случай для будущей жизни, и совсем не рассчитывает на такой откровенно циничное поведение врача.

(3) – Stell dir vor, meine Schwiegermutter hat jetzt endlich ihr Idealgewicht erreicht.

– Und wie schwer ist sie?

– 3,20 kg – inclusive Urne [<https://witze.net/tod-witze>]! (– Представь себе, моя свекровь наконец-то достигла своего идеального веса. – И сколько же она весит? – 3,20 кг, включая урну!)

Комический эффект в данном анекдоте базируется на комбинации категориального и ассоциативного мышления. С одной стороны, вес – один из понятийных признаков категории жизни, важный показатель живого организма, связан со здоровьем. Идеальный вес предполагает отменное здоровье его обладателя, надежду на долгую и качественную жизнь. С другой стороны, вес обычно занимает мысли женщин. Женщины борются за идеальный вес, и то, что эта борьба – дело нелёгкое, требующее усилий, подчёркивает глагол erreichen – «достигать». Достигнутая цель ассоциируется со счастьем и радостью, однако слово Urne перечёркивает

нарисованную картину, поскольку является понятийным признаком уже другой категории – категории смерти.

В следующем примере обыгрывается смерть двух участников группы Beatles из четырёх, поэтому один из участников разговора предлагает оставшимся покончить с собой для воссоединения группы.

– „Was braucht man für die Wiedervereinigung der Beatles?“

– „Eine Pistole und zwei Patronen“.

Здесь имеет место столкновение интерпретаций. Радостное ожидание развития ситуации, обусловленное значением слова Wiedervereinigung (воссоединение, объединение после предшествующего разделения), ассоциативно связанным с категорией «жизнь», неожиданно сменяется предлагаемым способом достижения данной цели, а именно убийством, т. е. смертью, что вызывает комический эффект.

Одной из частых тем чёрного юмора является жизнь и здоровье близких в границах родственных отношений (между родителями и детьми, тещей и зятем, свекровью и невесткой, бабушками/дедушками и внуками). Эти отношения также представляются в связи со смертью, болезнями, увечьями или тяжелыми состояниями человека. В случаях подобного рода родственные или социальные связи дополнительно усиливают эффект «чёрной» шулки [Евстафьева, 2017]

«Die Familie sitzt Samstag abends in der Küche beim Essen. Da kommt Vati freudig aus dem Wohnzimmer gestürzt und ruft: "Leute wir haben 6 Richtige im Lotto!" Alles jubelt.

Vati verschwindet wieder im Wohnzimmer. Nach kurzer Zeit kommt Fritzchen ins Wohnzimmer und sagt ganz aufgeregt zum Pappi: "Pappi, Mutti ist soeben tot vom Stuhl gefallen vor lauter Freude."

Darauf Vati: "Tja, Fritzchen, wenn's mal läuft dann läufst! " [<https://witze.net/freude-witze>]. (В субботу вечером семья сидит на кухне и ужинает. И тут из гостиной выбегает папа, полный радости, и кричит: «Ребята, у нас в лотерее угадано сразу шесть номеров!» Все ликуют. Папа исчезает обратно в гостиную. Вскоре в гостиную входит Фрицхен и взволнованно говорит папе: «Папа, мама только что со стула упала замертво от радости». Затем папа говорит: «Ну, Фрицхен, когда всё идёт хорошо, то всё идёт хорошо!»)

В выражении "умереть от радости" человек не умирает буквально, а его состояние описывается как настолько сильное, что по интенсивности его можно сравнить с процессом умирания. В данном же примере метафора «vor Freude tot gefallen» приобретает прямой смысл, а факт смерти матери вопреки моральным нормам вызывает чувство радости у отца, что создаёт комический эффект.

Рассмотрим один из немногих примеров чёрного юмора «наоборот», когда контекст смерти в начале анекдота имеет счастливую развязку.

Уже этот факт заставит улыбнуться в конце рассказа, хотя эффект комического всё же присутствует. Он построен в данном случае, во-первых, на метафоре в номинации смерти (Tod – ewige Ruhe), во-вторых, на ассоциации деятельности служащего со смертельной скукой и бездействием. В приведённом примере вступают в противоречия понятийные признаки категории жизни: «деятельность человека, активность» [Grimm, 1885, S. 418], [Heune, 1906, S. 584] и категории смерти – неподвижность тела, как вероятный признак смерти [Brockhaus, 1980].

(4) – Unser Freund Paul hat jetzt die ewige Ruhe gefunden!

– Ich wusste gar nicht, dass er gestorben ist.

– Das ist er auch nicht, er wurde Beamter [<https://witze.net/tod-witze>].

(Наш друг Пауль обрел вечный покой! – Я даже не знал, что он умер. – Так он и не умер, он поступил на госслужбу).

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы:

1) механизмами создания комического эффекта в анекдотах, относящихся к разряду чёрного юмора, являются: полисемия, создающая двойные смыслы в определённом контексте, метафора, индивидуальную интерпретацию событий с опорой на фоновые знания и свой опыт (ассоциации);

2) чёрный юмор является одной из возможностей реализации сопряженности семантических категорий Leben/Tod, Freude/Trauer, поскольку для него характерно противопоставление дифференциальных понятийных признаков данных категорий;

3) факт смерти, или её потенциальная возможность, которые должны вызывать сожаление и печаль по поводу произошедшего события в обычном контексте, приобретают в случае «чёрного юмора» комический эффект, что позволяет нам рассматривать сопряжённость категорий «Радость/Печаль», но уже не только на семантическом, но и на психологическом, эмоциональном уровне.

Данный анализ позволяет представить феномен «чёрного юмора» как некую комбинацию, выходящую за рамки языка, где семантический уровень сопряжения категории жизни и смерти является базовым, а сопряжение категорий радость и печаль – его эмоциональной надстройкой. Комбинаторная природа «чёрного юмора» обусловлена тем, что объединяет в себе лингвистические приёмы и психологическое воздействие, позволяя человеку одновременно выражать своё отношение к печальным событиям и притупить горечь ситуации её комическим восприятием.

3.4. ЯЗЫК ЮМОРА В РУССКОЯЗЫЧНОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТЕ

Интернет прочно вошёл в нашу жизнь и охватил все её сферы. С одной стороны, он во многом облегчил нам существование и сделал коммуникацию людей более простой и доступной. Мы общаемся виртуально с людьми со всего света, как будто бы мы живём в одной глобальной де-

ревне, в которой интернет не знает границ. С другой стороны, мы до предела сократили реальное общение, ограничиваясь короткими видео или сообщениями. В погоне за собственной карьерой, а также в связи с высоким темпом жизни, мы частично потеряли удовольствие от личного общения, нам всё время не хватает времени, личное общение мы откладываем на потом.

Однако человек не потерял при этом, к счастью, чувство юмора, так как ему по-прежнему хочется расслабиться, посмеяться над другими, утвердить себя, показать своё творчество, поэтому юмор всё чаще перемещается в интернет-пространство, помогая людям выразить свои эмоции, проявить креативность, преодолеть свои проблемы, справиться со сложными ситуациями, посмеяться над собой и другими, иногда просто выжить. Интернет предоставляет для этого прекрасные возможности, так как юмор молниеносно распространяется и становится достоянием тысяч и тысяч и даже миллионов людей. Однако юмор имеет в Интернете свою специфику, в частности, он должен быть довольно компактным, кратким, так как значительная часть интернет-пользователей не любит читать длинные тексты или смотреть длинные видео, так как стремится за короткий промежуток времени охватить всё больше информации. Это так называемое «клиповое мышление», когда многие люди не способны обработать большой объём и поток информации, они в самых разных ситуациях всё время хватаются за гаджеты и не всегда способны осмысливать информацию самостоятельно без помощи компьютера, мобильного телефона и интернета. Это в полной мере касается и юмора. Юмор в интернете почти всегда краток и понятен обычному человеку. Именно такие сообщения и видео быстро распространяются и становятся «вирусными». Юмористические ролики, анекдоты, шутки и мемы прочно вошли в нашу жизнь. Они посвящены наиболее актуальным событиям в стране и в мире, ярким случаям в жизни людей. В Интернете можно найти сотни всевозможных сайтов, телеграм-каналов, отечественных и зарубежных интернет-платформ и социальных сетей, посвящённых юмору. В этой связи актуальность обозначенной выше темы и необходимость исследования данного явления в лингвистическом аспекте не вызывает сомнения. Таким образом, целью данного параграфа является анализ юмора в немецкоязычном и русскоязычном интернете и выявление его языковых особенностей. Следует отметить, что в данном случае не последнюю роль играет культурологическая составляющая, так как юмор во многих своих проявлениях имеет национальную специфику, которая обусловлена особенностями менталитета народа, его культурой, историей, жизненным опытом.

Материалом для исследования послужили различные интернет-ресурсы – сайты, телеграм-каналы, социальные сети, в частности, <https://t.me/memachh>, <https://probok.net/>, <https://www.anekdot.ru>,

<http://www.hahaha.de/>, <http://www.dein-witz.de>, <https://witze.net/>, <https://www.diepresse.com>, <https://de.pinterest.com/> и другие источники.

В качестве основных методов исследования использовался метод семантического анализа, а также контекстуальный метод для выявления значения слов и выражений в контексте.

Проблема юмора и комического в целом интересовала учёных ещё со времён Аристотеля, причём не только лингвистов. К проблеме комического обращались философы, психологи, культурологи, политики, литературоведы и даже физиологи. Кстати, наука, которая исследует воздействие юмора на человека, и занимается анализом юмора и смеха с точки зрения психологии и физиологии называется *гелотология*. Можно назвать имена таких известных учёных – исследователей комического как Б. Ю. Боров, В. Я. Пропп, Б. Дземидок, В. З. Санников, Е. А. Земская, Т. А. Гридина и др., которые внесли большой вклад и анализ юмора.

Большой вклад в исследование данной темы внес и выдающийся отечественный учёный В. Д. Девкин, который написал по данной проблеме огромное количество научных трудов, в частности, таких, как «Занимательная лексикология» [Девкин, 1998], «Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика» [Девкин, 1979], в которой затронул ряд вопросов немецкой разговорной речи, включая юмор, юмористический иллюстрированный словарь «Bildwörterbuch zum Lachen» [Девкин, 2008], ряд других работ и многочисленные статьи на эту тему. В 2015 году при помощи учеников В. Д. Девкина была посмертно выпущена его монография «Язык и юмор» [Девкин, 2015].

Комическое в целом – это очень обширная категория, которая актуализируется через его различные виды – языковую игру, иронию, сатиру, анекдоты, каламбуры, сарказм и ряд других видов. По мнению В. Д. Девкина, юмористический эффект построен на эффекте обманутого ожидания. Он характеризуется двуплановостью, двусмысленностью, столкновением несопоставимого, т. е. ошибочностью, аномалией» [Девкин, 1998, с. 8]. В результате этого возникает неожиданная близость объектов и понятий, которые далеки друг от друга и, на первый взгляд, несопоставимы. В. З. Санников называет это «комическим шоком», который возникает у человека при расшифровке несопоставимых понятий [Санников, 1999, с. 21–22]. Юмор в этом случае нас ошеломляет, вызывает смех, и мы получаем удовольствие от его понимания и расшифровки.

В современной лингвистике есть ряд работ по исследованию юмора в интернете и его разным аспектам. Юмор учёные анализируют в различных видах дискурса – в политической коммуникации, в рекламе, в различных социальных сетях и интернет-платформах. Значительная часть научных работ связана с исследованием анекдотов. Так, Н. Д. Миловская на примере немецкого языка исследует особенности комического на ма-

териале анекдотов и их семантики в целом [Миловская, 2008]. Часть работ посвящена исследованию этностереотипов в анекдотах в немецкоязычном интернете [Собянина, 2018], а также шуток, связанных с профессиями [Собянина 2015]. Н. В. Ширяева анализирует лингвокогнитивные особенности анекдотов [Ширяева, 2007]. Л. А. Тюкина в своих работах особое внимание уделяет анекдотам, появившимся во время пандемии коронавируса [Тюкина, 2021]. Ряд трудов посвящён анализу мемов, как особого вида юмора в современном интернете. В диссертации С. В. Канашиной на примере английского языка мем рассматривается как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации [Канашина, 2016]. Семантике мема посвящена статья Т. А. Рохлиной. Она отмечает такие ключевые качества мема как шаблонность, клиповость и полимодальность, а также компрессию на смысловом и структурном уровнях, которые способствуют быстрому пониманию и восприятию смысла [Рохлина, 2021, с. 2508]. А. В. Изгаршева пишет об интертекстуальности мемов, позволяющей им внедриться в другие культурно-языковые образования, таким образом, подчёркивая тот факт, что интернет-мемы часто интернациональны [Изгаршева, 2021, с. 6]. Действительно, если событие носит глобальный характер, то данный юмор с картинкой или видео понятен всем, поэтому довольно часто анекдоты переводят с одного языка на другой, а на мемах иноязычный текст заменяют на отечественный.

Сегодня в Интернете *мемы* очень популярны, можно наблюдать настоящий взрыв этого явления в информационном интернет-пространстве. Они появляются по любому более или менее известному поводу. Мемы называют анекдотами современного времени, так как для их восприятия требуются секунды, а человек при этом экономит время, так как через визуальный образ обработка информации осуществляется очень быстро, что в наш век огромного потока информации и необходимости её быстрой переработки очень важно. Мемы посвящены самым актуальным, запоминающимся событиям, известным людям и их поступкам и имеют самую различную тематику.

В последние годы появилось очень много *политических мемов*, так как политическая ситуация в мире необычайно турбулентная, порой даже взрывоопасная, она может молниеносно меняться, поэтому мемы на политическую тематику весьма актуальны, они появляются мгновенно после свершившегося события и тут же распространяются по всему интернету. Это касается как каких-то важных событий, либо связано с известными людьми, политиками. Так, к примеру, когда В. В. Путин объявил о создании в России нового вида мощного оружия, которое было названо мирным названием кустарника «Орешник», то сразу же появился мем, где изображен наш президент с надписью «*Крепкий орешник*». В данном

случае обыгрывается американский боевик *«Крепкий орешек»* с участием Брюса Уиллиса. Юмор возникает здесь на основе двух паронимов, слов, которые близки по звучанию – «орешек» и «орешник». Столкновение этих слов вызывает ошеломляющий юмористический эффект, связывая, казалось бы, несопоставимые вещи – кустарник и вид современного оружия. В данном случае напряжённая ситуация в мире находит своё выражение через мем, через который люди расслабляются.

Много мемов посвящено В. Зеленскому и Д. Трампу. Так, на одном из мемов изображены данные политики, и американский президент произносит фразу: *«Даже если весь мир будет против тебя, я буду стоять сзади и **продавать** патроны»*. В. Зеленский переспрашивает – *«**Подавать?**»*, на что Трамп отвечает «Нет». Юмористический эффект появляется в этом случае на основе замены глагола «подавать» из известного изречения *«Даже если весь мир будет против тебя, я буду стоять сзади и **подавать** патроны»* на глагол *«**продавать**»*, что кардинально меняет смысл. Высмеивается в данном случае черта характера Д. Трампа как бизнесмена – его желание на всём заработать, включая войну. Данный приём можно рассматривать, с одной стороны, как игру паронимами, а, с другой стороны, юмор возникает на базе переосмысления известных выражений и умышленной замены какого-либо слова, что приводит к переосмыслению фразы, а это вызывает юмористический или сатирический эффект.

Некоторые мемы имеют *социальный*, а также сатирический характер и направлены на корректировку и критику поведения и действий людей. Так, например, на сайте probok.net изображена целая серия мемов, посвящённых критике неверного поведения водителей, в частности, повороту со второго ряда, что запрещено правилами дорожного движения во избежание аварии. На меме изображен козел и стоит надпись *«Повернул из второго ряда? Круто. Все с нетерпением ждут, что ты ещё выкинешь»*. В данном случае такая агрессивная манера езды осуждается через мем, причём визуальный образ животного используется для обозначения водителей, нарушающих указанное правило, что и вызывает экспрессивный эффект с оттенком осуждения. Интересно, что визуальный образ козла метафоричен без называния самого слова, так как значение этого слова с пейоративной коннотацией понятно каждому носителю русского языка.

Иногда частью мема становятся *модные слова, термины*. Их использование для обозначения обыденных явлений вызывает юмористический эффект. Так, популярные в современной финансовой сфере слова-термины «криптовалюта», «майнинг, майнить» (от англ. *mining* – «добыча», то есть в среде финансов – добыча цифровых монет, криптовалюты), были использованы для создания мема, на котором изображены пустые стеклянные бутылки с надписью: *«Криптовалюта моего детства. Мы майнили, как могли»*. В данном случае создатель мема имел в виду, что в

детстве собирал пустые бутылки, чтобы их сдать в магазин и получить деньги (кстати, пустые бутылки в советское время принимались фактически во всех продуктовых магазинах, где были спиртные напитки). Таким образом, популярные финансовые термины используются в несвойственной бытовой сфере с переносным значением, что и вызывает смех.

Многочисленные анекдоты и мемы появились во времена пандемии коронавируса, когда стало актуальным работать из дома, то есть онлайн, во избежание заражения и распространения инфекции. Этот факт стал основой появления мемов, связанных с различными профессиями. Так, на одном из мемов изображен салон летящего самолета с пассажирами внутри, а сверху стоит надпись: «*Добрый день! Это ваш пилот. Сегодня работаю из дома*». Лица людей при этом выражают ужас, так как «работать из дома», онлайн обозначает в данной ситуации, что пассажиры летят без пилота, что и повергло их в ужас. Так как сложные времена пандемии коронавируса принесли людям много неприятностей в связи с болезнью и существующей опасностью, то через юмор и мемы происходила некоторая разрядка ситуации и выплеск отрицательных эмоций.

В немецкоязычном интернете также можно найти большое количество *политических мемов*, посвящённых как политическим партиям, так и отдельным политикам. Немцы критикуют и высмеивают через мемы немецкое Федеральное правительство, указывая на его несостоятельность и неэффективность. Юмористический и сатирический эффект возникает при помощи различных языковых средств. Так, на одном из мемов изображены несколько членов правительства Германии (на данный момент так называемая «светофорная коалиция» – *Ampelkoalition* во главе с бундесканцлером Олафом Шольцом уже распалась), а сверху стоит такой текст: *Man kann sagen, was man will, aber mit unserer Bundesregierung haben wir das große Los gezogen* (Можно говорить все, что угодно, но с нашим Федеральным правительством нам **крупно повезло**). Внизу написан ряд прилагательных, которые отрицательно характеризуют работу правительства. Это происходит через игру грамматическими омонимами: через существительное **das Los** («жребий») и суффикс прилагательных **-los**: *planlos* (непродуманный), *hilflos* (беспомощный), *gedankenlos* (бездумный), *gewissenlos* (бессовестный), *aussichtslos* (бесперспективный), *sinnlos* (бестолковый, бессмысленный). Общий итог критике правительства подводит фраза: *Ich bin fassungslos* (я в растерянности, я в шоке), указывающая на шок людей от деятельности правительства.

Мемы посвящены также каким-то событиям, которые активно обсуждались общественностью. Объектом создания мемов при этом становятся некоторые политики, например, экс-канцлеры Германии Ангела Меркель, Олаф Шольц и некоторые другие. Так, на одном из мемов изображены Ангела Меркель и сидящий на диване бывший президент США Барак

Обама. Ангела Меркель жалуется Бараку Обаме: *So eine Spinne hatte ich heute Nacht unterm Bett!* Барак Обама отвечает: *Wenn du wüsstest, dass das eine Wanze war...* (Ангела Меркель: *У меня под кроватью был сегодня вот такой паук!* Барак Обама: *Если бы ты только знала. Это был клоп...*). В данном случае юмор связан со значением слова **Wanze**, имеющим прямой смысл «клоп», а в переносном значении – «подслушивающее устройство, жучок». Речь идёт об известном факте, когда спецслужбы США подслушивали немецких политиков, в частности, Ангелу Меркель, и это стало известно не только бывшему канцлеру, но и немецкой общественности, что произвело шокирующий эффект.

В Интернете по-прежнему популярны *анекдоты и шутки* на разную тематику. Есть целые сайты с анекдотами, сгруппированные по тематике, причём картотека анекдотов постоянно пополняется актуальными образцами. Одну из многочисленных групп составляют анекдоты о представителях различных национальностей, так называемые *этноанекдоты*. Анекдоты связаны с имеющимися у немцев стереотипами о разных национальностях. Чаще всего высмеиваются поляки, турки, итальянцы, американцы, представители многих других национальностей. Так, у поляков подчёркивается такая их черта, как склонность к воровству, особенно автомобилей, у турков критикуется их постоянное приставание к женщинам и желание затевать драки. У китайцев высмеиваются особенности их неправильного произношения немецких слов, в результате чего возникает сходство с другими словами, смысл предложения при этом искажается, что вызывает смех:

Ein Chinese kommt in die Bäckerei und sagt: „Ich hätte gelne ein Blödchen“. Sagt die Bäckerin: „Einen Moment bitte. Meine Kollegin kommt gleich“.

Юмор возникает на основе того, что китаец вместо слова *Brötchen* (булочка) произносит слово *Blödchen*, основу которого составляет прилагательное *blöd* (тупой, глупый), отсюда смысл слова становится – «тупица, дура», что и вызывает юмористический эффект, так как работница пекарни относит это слово к своей коллеге.

Немцы также смеются и над собой, например, над собственной бюрократией и желанием по любому поводу создавать различные бюрократические отделы и конторы:

Russen und Amerikaner landen in einer Gemeinschaftsaktion auf dem Mars. Sagt der Ami nach dem obligaten Spaziergang:

„Scheiße, die Deutschen waren schon hier!“

„Wieso?“

„Na, lies mal das Schild da: Amt für Marsangelegenheiten.“

(Русские и американцы приземляются при совершении совместного полета на Марсе. Тут американец после обязательной прогулки говорит:

«Чёрт, здесь уже немцы были!». «Как так?». «Ну прочитай здесь табличку: **Бюро по делам Марса**».

В интернете много анекдотов о поляках, всё с тем же намёком на их склонность к воровству:

Wer hat den Triathlon erfunden? – Antwort:

... Die Polen. Zu Fuß ins Freibad, mit dem Fahrrad nach Hause.

(Вопрос: кто изобрел триатлон? Ответ: Поляки. Они идут купаться пешком, а возвращаются домой на велосипеде).

Здесь высмеивается тот факт, что поляки при любой возможности воруют вещи. Аналогичный стереотип наблюдается также по отношению к русскоязычным жителям Германии:

Warum klauen die Russen immer zwei Autos? ... Weil sie durch Polen müssen.

(Почему русские всегда воруют две машины?...Так как они должны ехать через Польшу.)

В данном анекдоте содержится намек, что русские едут домой через Польшу, где у них одну машину своруют поляки.

Следует отметить, что у немцев есть анекдоты не только о других национальностях, но также, например, о восточных немцах или представителях различных земель Германии – о восточных фризцах, жителях Мекленбурга, баварцах и т. д.

Другую обширную группу анекдотов в Интернете составляют шутки о представителях различных профессий, в частности, о врачах, банковских работниках, государственных служащих, официантах и о ряде других профессий. Более подробно об этом см. [Собянина, 2015].

Государственных служащих высмеивают за то, что они получают большую зарплату, но мало работают, постоянно пьют кофе, официантов критикуют за то, что они не соблюдают гигиенические требования, врачей высмеивают за непрофессионализм, неправильное лечение и недостаточную медицинскую квалификацию. Отметим, что в русскоязычном интернете врачи редко высмеиваются, это связано с тем, что пользователи сети в России относятся к врачам с большим уважением.

Немцы отмечают в анекдотах также некоторый цинизм врачей при работе с пациентами:

„Nur keine Panik“, beruhigt der Arzt die Patientin. „Wir haben diese Operation schon 30 Mal gemacht. Einmal muss sie ja klappen!“ («Только без паники», успокаивает врач пациентку. «Мы делали эту операцию уже 30 раз. Когда-то она должна быть удачной»).

В анекдотах на медицинскую тематику высмеиваются не только врачи, но и пациенты, которые не всегда понимают медицинские термины:

*«Ich bringe Ihnen gleich die **Bettpfanne!**», meint die Krankenschwester fürsorglich. Darauf die Patientin zornig: «Was, muss man sich sein Essen hier auch noch selber kochen?».*

В данном анекдоте юмор возникает на основе многозначности слова **Pfanne**: в прямом значении это «сковородка», а в переносном – «медицинское судно для больных», при столкновении которых в одном контексте происходит юмористический эффект.

В интернете много *словотворчества*, появляются новые слова, связанные с какими-либо событиями, именами или фамилиями известных людей, или общеизвестные слова интерпретируются по-новому. Так, в частности, в немецком языке появилась новая, шутливая интерпретация фамилий политиков, в частности, нового канцлера Германии Фридриха Мерца (F. Merz). Его фамилию креативные люди нашли в качестве составной части в ряде имеющихся слов, в результате чего эти слова приобретают несколько иной оттенок значения:

*Das find ich jetzt echt sch-**merz**-haft.*

*Du meinst, ich soll solche Scherze aus-**merz**-en.*

*Na klar, so funktioniert Kom-**merz**.*

Так, к примеру, прилагательное *sch-merz-haft* в новой интерпретации намекает на то, что действия нового бундесканцлера иногда носят болезненный характер и не всегда правомерны.

Целый ряд слов и выражений появился на основе фамилии экс-канцлера Ангелы Меркель, например, глагол **merkeln** получил значение «не принимать решений по важным вопросам, не высказываться однозначно и чётко по важной тематике». Значение этого глагола связано с неопределённостью, неоднозначностью, а иногда и трусливостью политики Ангелы Меркель. Кроме того, на этой основе появилось прилагательное **merkelig**, а также разговорные глаголы *herummerkeln*, *sich durchmerkeln*, *vor sich hin merkeln*. Таким образом, словотворчество пользователей интернета и их речевая креативность дают толчок не только к появлению юмора, но и к развитию языка, его пополнению новыми словами.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что юмор является неотъемлемой частью современного интернета. Благодаря юмору можно расслабиться, получить удовольствие, а также критически посмотреть на себя со стороны, посмеяться и легче пережить жизненные сложности. Интернет предоставляет огромные возможности для самореализации, самопрезентации и самопродвижения (это часто касается журналистов и блогеров), а также для проявления языкового словотворчества, языковой игры. Актуализация юмористического эффекта происходит различными языковыми средствами – через многозначность и столкновение прямого и переносного значений слова, через омонимию,

паронимию, сходство звучания и т. д. Огромную роль сегодня играют мемы, которые являются мультимодальными средствами и включают в себя рисунок, картинку, видео и во многих случаях дополняются кратким текстом. Всё это в комплексе создаёт юмор и вызывает смех. По-прежнему актуальны анекдоты и шутки, которые высмеивают самые разнообразные категории людей – политиков, иностранцев, блондинок, врачей, представителей разных профессий и проч. Если сравнивать немецкоязычные и русскоязычные анекдоты, то по тематике какая-то их часть совпадает, например, анекдоты и шутки о политиках, о блондинках, но какая-то часть анекдотов отличается по тематике, в частности, в русскоязычном сегменте интернета редко встретишь анекдоты о врачах, а среди этноанекдотов чаще представлены анекдоты о кавказцах, а также мигрантах из Средней Азии с соответствующим акцентом. Следует также отметить, что в немецкоязычном сегменте интернета очень популярен «чёрный юмор», а также всевозможные анекдоты, которые касаются запретных тем, в частности, расистского плана, хотя официально это запрещено в Германии. В русскоязычном интернете, по нашим наблюдениям, это представлено намного реже.

Тематика юмора подвержена быстрым изменениям, поэтому исследование юмора в Интернете имеет дальнейшую перспективу.

3.5. ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (на материале стихотворения Э. Вайнерта “Spezialisten”)

Валентин Дмитриевич Девкин – автор «Занимательной лексикологии», имеющей подзаголовок «язык и юмор» – безусловный знаток комического во всех его проявлениях. И потому представляется оправданным в честь его 100-летнего юбилея обратиться к анализу немецкоязычного юмористического материала, предлагаемого богатейшей немецкой литературной традицией, где юмор всегда был в почете, а авторы демонстрировали блестящее владение способами его выражения. Предваряя данное исследование, отметим, что в основном оно базируется на названной книге В. Д. Девкина, вдохновившей автора данной публикации на предлагаемый в дальнейшем анализ.

Практическим материалом для исследования послужило стихотворение немецкого поэта Эриха Вайнерта “Spezialisten”, написанного, скорее всего, в период 1920–1925 гг., и замечательного как по своему содержанию, так и по форме, где мастерски переплетаются многие «технические» приёмы, производящие комический эффект.

Эрих Вайнерт (1890–1953) – один из важнейших представителей того поколения немецких литераторов, которые выбрали для себя путь пропаганды коммунистических и социалистических идеалов. Не в последнюю

очередь в результате политической заангажированности этот лирик уже не входит в круг популярных и читаемых авторов. Однако было бы неоправданно вычеркивать имя Э. Вайнерта из списка немецких поэтов, чьи произведения рекомендуются для прочтения, поскольку его литературное мастерство доказывает, что некоторые его произведения не теряют своей актуальности и по сей день. Стихотворение «Специалисты» прекрасное тому подтверждение. Приведём его текст полностью:

Spezialisten

Der Geist der Medizin ist schwer zu fassen...

J. W. Goethe

- (1) Herr Müller hatte Ohrensausen,
- (2) und damit ging er zu Doktor Hausen,
- (3) Spezialist für Nasen und Ohren.
- (4) Der begann sofort in den Ohren zu bohren
-
- (5) Und sagte am Ende, er sei der Meinung,
- (6) das sei eine rein nervöse Erscheinung.
- (7) Er solle sich untersuchen lassen
- (8) vom Nervenspezialisten Dr. Brassen.
-
- (9) Herr Müller eilt mit gelindem Grausen
- (10) Und unvermindertem Ohrensausen,
- (11) sich Doktor Brassen zu unterwerfen
- (12) zwecks Reparatur seiner Nerven.
- (13) Der perkutiert ihm sämtliche Teile,
- (14) fragt Müllern nach seiner Weltanschauung
- (15) und eröffnet ihm nach einer Weile,
- (16) er leide nur an schlechter Verdauung,
- (17) als Magen- und Darmspezialist
- (18) empfehle er ihm Professor Quist.
-
- (19) Professor Quist wühlt ernst und stumm
- (20) In Müllers Eingeweiden herum
- (21) Und fragt, nach Magen- und Leberstößen,
- (22) wo eigentlich die Beschwerden säßen.
- (23) Herr Müller entgegnete, über den Magen
- (24) Wie über die sonstigen Eingeweide
- (25) Habe er keinen Anlass zu klagen,
- (26) und dass er seit Tagen sozusagen
- (27) an schrecklichem Ohrensausen leide.
- (28) Professor Quist macht hm hm! Und so so!
- (29) Das wäre so was wie Hysterie.
- (30) Die Krankheit säße ganz anderswo
- (31) Und gehöre in die Psychiatrie.
- (32) Als Spezialisten für solche Fälle
- (33) Empfehle er ihm Sanitätsrat Nölle. –

- (34) Herr Müller eilt wie das Donnerwetter,
(35) in beiden Ohren Posaunengeschmetter.
(36) Sanitätsrat Nölle, mit freundlicher Brille,
(37) guckt ihm bedächtig in die Pupille,

(38) fordert Herrn Müller zum Sitzen auf,
(39) fragt nach Glaubensbekenntnis und Lebenslauf
(40) und verkündet ihm schließlich das Resultat:
(41) Herr Müller wäre kein Psychopath.
(42) Und die Geräusche von Trommeln und Pfeifen
(43) Im Gehörgang ließen sich leicht begreifen.
(44) Hier handle es sich nach seiner Meinung
(45) Um relativ harmlose Erscheinung,
(46) nämlich um sogenanntes Ohrensausen.
(47) Er empfehle ihm Herrn Doktor Hausen.
(48) Herr Müller rast, ihm ist nicht geheuer,
(49) in beiden Ohren Trommelfeuer.

(50) Herr Doktor Hausen versichert ihm nur,
(51) sein Leiden wäre nervöser Natur,
(52) und er rate ihm nochmals zu Doktor Brassen,
(53) der würde die Sache richtig anfassen.
(54) Herr Müller, gepeitscht von Erinnyen und Furien,
(55) Herr Müller greift zu Verbalinjurien.
(56) Doktor Hausen ist davon so wenig erbaut,
(57) dass er ihm einst hinter die Ohren haut.
(58) „Ha“, ruft Herr Müller, „das Sausen ist aus“,
(59) zahlt fünfzehn Mark, begibt sich nach Haus,
(60) und sagt zu sich selbst: Mag es sein, wie es ist,
(61) ein Spezialist bleibt ein Spezialist!

Стихотворение имеет кольцевую структуру (т. е. формальное совпадение начала и конца повествования) и композиционно построено по принципу нарастающего напряжения. Уже эпиграф даёт понять читателю, что ему придётся столкнуться с амбивалентностью смыслов: «Специалисты» как термин ни в коей мере не вяжется с перефразированной цитатой из «Фауста» И.-В. Гёте *“Der Geist der Medizin ist leicht zu fassen;”*, переводимой на русский язык как *«Смысл медицины очень прост»*, но приобретающей в варианте Вайнерта (Смысл/дух медицины не понятен/понять трудно...) совершенно иное звучание. Поэт, не смущаясь, искажает текст гения и подписывает его именем Гёте, изменяя при этом и пунктуацию. В данном случае эпиграф вступает с заглавием в своеобразные, основанные на контрасте смыслов отношения, обозначающие главную мысль как пародию [Фатеева, 2007, с. 143]. Читатель не может не почувствовать иронию, с которой Вайнерт, по сути, издевается над меди-

цинским сообществом, над слепой верой обывателя в звания и титулы докторов, являющихся такими же людьми, как и те, кто ищет у них помощи и спасения.

Весь текст строится на контрасте двух семантико-стилистических плоскостей: язык науки и язык повседневного общения. Об этом свидетельствует наличие в тексте медицинских терминов (*Verdauung, Psychiatrie, Psychopath, Gehörgang*), наименования врачей-специалистов (*Spezialist für Nasen und Ohren, Nervenspezialist, Magen- und Darmspezialist, Sanitätsrat*) и ряда лексических единиц, характерных для разговорной речи (*in den Ohren bohren, Donnerwetter, in Eingeweiden herumwühlen, gucken, von etw.wenig erbaut sein*). Отметим также, что в тексте встречаются элементы со сниженной стилистической окраской (*einst hinter die Ohren hauen*), которые выделяются не в последнюю очередь за счёт контраста с юридическими терминами (*Glaubensbekenntnis, Verbalinjurien*), элементами мифологического словаря (*Erinnyen und Furien*), а также упоминаемой в стихотворении философской категорией (*Weltanschauung*). Подобные явления в одном относительно ограниченном по объёму тексте мастерски вплетены в его ткань, не воспринимаются как неуместные благодаря искусной стихотворной форме и ритмико-фонетическим созвучиям и позволяют «находить близость между тем, что кажется на первый взгляд различным и трудно сопоставимым» [Девкин, 1998, с. 5]. По сути, в тексте наблюдается комизм ситуации, имеющий, как правило, лишь косвенное отношение к лингвистике. Однако поскольку в данном случае он находит блестящее словесное выражение, то мы можем говорить и об «одномоментном, окказиональном» комизме слова. Его цель – критическое отображение действительности: положение несчастного пациента, вынужденного следовать советам специалистов-медиков, не всегда способных распознать и устранить причину недуга. Осмысление этого аспекта нуждается в определённых умственных усилиях, которые невозможны без общности знаний адресата и адресанта [Там же, с. 8], т. е. без представления о том, в какие ситуации могут попасть больные, измученные «компетентностью специалистов». В определённой степени, вскрытие особенностей словесного комизма в данном тексте требует домысливания, чем мы далее и займёмся.

Языковое выражение комизма ситуации эксплицируется в данном произведении за счёт смешения стилей [Девкин, 1987, с. 10]: типичный для медицинского дискурса глагол *perkutieren* сталкивается с почти техническим обозначением человеческих внутренних органов *sämtliche Teile*; тот же эффект производит стилистически некорректное словосочетание *Reparatur seiner Nerven*.

Нельзя не отметить также композицию стихотворения, построенного на основе «количественного нагнетания» определённых явлений [Там же,

с. 10]. В данном случае это вариативный повтор шума в ушах (*Ohrensausen*) с увеличением его интенсивности при каждом последующем визите героя истории к очередному специалисту (строки 1, 10, 27, 35, 49). Возникающее ощущение перегруженности, создаваемое с помощью приёма гиперболизации: *in beiden Ohren Posaunengesmetter* (35) *in beiden Ohren Trommelfeuer* (49), стремиться к разрешению и получает его в неожиданной концовке: пациент избавлен врачом от недомогания с помощью кулака.

Но не менее парадоксальной и в то же время элегантной является языковое завершение стихотворения, отражающее комизм смысла: противоправное действие врача неожиданно получает положительную оценку (строки 58–61). Таким образом, читатель может наблюдать в стихотворении ещё один приём создания комического – стилизацию двух разных сфер общения: официальной – на приеме у врача (строки 5–8: *er sei der Meinung, Er solle sich untersuchen lassen...*) и повседневной – в виде стилизованной поговорки: «*Mag es sein, wie es ist, ein Spezialist bleibt ein Spezialist!*», построенной на основе рифмы первой и второй части паратаксического предложения, напоминающей каламбур (словосочетание, содержащее игру слов, основанную на использовании сходно звучащих, но различных по значению слов или разных значений одного слова. В данном случае можно говорить и о восприятии слова в прагматическом аспекте, что позволяет произвести комический эффект, поскольку вся строфа (58–61) контрастирует с предысторией и обыгрывается в финале как спасение пациента с помощью науки, о которой в случае рукоприкладства говорить не приходится.

В своей «Занимательной лексикологии» В. Д. Девкин выделяет целый ряд языковых способов выражения комического. Он пишет о курьёзах этимологической семантики, полисемии и омонимии, о близкочастности и градуальных противопоставлениях и о многом другом. В этом ряду мы находим также приём, реализуемый через антонимы и антитезы, который имеет место в рассматриваемом произведении. Противопоставление *mit gelindem Grausen / Und unvermindertem Ohrensausen* (строки 9, 10) порождает комизм противоречия, конфликтности внутреннего состояния героя повествования, находящий своё отражение в данной антитезе: с одной стороны ужас перед недугом уже не столь велик, а с другой стороны страдания больного несколько не уменьшаются.

Кроме уже перечисленных способов создания комического В. Д. Девкин упоминает в своей книге грамматику как базу, на основе которой может достигаться юмористический эффект. В произведении Э. Вайнерта это вариативность использования двух модусов – индикатива в авторской речи и заключительной реплике г-на Мюллера и презентного конъюнктива, служащего для передачи косвенной речи персонажей. Формы глаго-

лов *sei, solle, leide, habe* и др. контрастируют с нейтральным началом повествования *hatte, ging, sagte*. С языковой точки зрения таким образом также создаётся эффект стилизации, но уже на грамматическом, а не на лексическом уровне: автор имитирует деловой стиль, в духе которого передаётся коммуникация между врачами и пациентом. Её официальный характер, типичный для подобных ситуаций, усиливается отнюдь не разговорным глаголом *entgegenen* (строка 23) при вводе косвенной речи г-на Мюллера, которым автор показывает, что герой понимает серьёзность положения и отдаёт должное статусу специалиста-медика. В этом контексте его речь также передана в форме презентного конъюнктива (строки 25, 27). Эти строки и прямая речь в финале стихотворения (строки 60, 61) – та скромная доля непосредственной речи главного персонажа. Он – пациент и не должен высказываться, когда говорят «знатоки своего дела – специалисты». Через контраст грамматических форм: индикатив – конъюнктив также проявляется комизм смыслов, воспринимаемый лишь при внимательном наблюдении над речью, к чему призывает нас профессор В.Д. Девкин в своей замечательной книге.

Во всех этих языковых явлениях прочитывается авторское отношение к изображаемому, объективируется его иронический подход к описываемому. Мы видим это не только благодаря содержанию, но и благодаря выражающей его языковой форме. Читатель наблюдает дискредитацию специалистов, заявленных в заглавии как основные персонажи произведения, но делает это, как и автор стихотворения, с улыбкой.

И в завершении данного анализа хотелось бы надеяться, что он не похож на пример критического разбора художественного произведения на занятиях в школе, приведённый В. Д. Девкиным в его «Занимательной лексикологии» на с. 256–259, где критически оцениваются типичные для интерпретации текста штампы, также способные порождать комический эффект.

3.6. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ ЖУРНАЛА “DER SPIEGEL”

Юмор как феномен, являющийся неотъемлемой частью человеческого общества и проявляющийся в абсолютно различных сферах деятельности человека, постоянно находится в центре научного интереса. Считается, что его исследование начинается в античности с интерпретации Аристотелем смешного как частицы безобразного, какой-нибудь ошибки или уродства, не причиняющих страданий и вреда [Аристотель, 2017, с. 30]. Благодаря философскому обоснованию юмора И. Кантом в работе «Критика способности суждения» *смешное* получило новое звучание. И. Кант охарактеризовал смех как «аффект, возникающий из внезапного превращения напряжённого ожидания в ничто» [Кант, 1995, с. 216] и отметил

его двойственный характер, указывая, что в шутке есть игра мыслей, а сам источник смеха как нечто бессмысленное [Там же, с. 217].

В середине прошлого века комическое становится объектом различных научных исследований. В первую очередь отметим работы, посвящённые философскому обоснованию комического (М. М. Бахтин), выявлению его субъективного и общественного характера (Ю. Б. Боров), принципам восприятия юмора (В. Раскин), психологическому проявлению и роли юмора в жизнедеятельности человека (И. С. Домбровская) и др.

Стремительное развитие информационных технологий, где юмор становится одним из средств интеллектуализации медийных текстов, способствует росту исследований комического как языкового феномена с позиций когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, политической лингвистики, лингвосомиотики и др.

Сегодня юмор всё более укореняется в различных сферах нашей жизнедеятельности, участвует в формировании общественного языкового сознания и формирует новые средства его вербализации как *мем*, *троллинг* и др. Перечисленные факторы обуславливают *актуальность* исследования особенностей вербализации юмора в языке на разных этапах его развития, где наиболее перспективным представляется рассмотрение эволюции функционирования комического в медийных текстах.

Материалом нашего исследования послужили креолизованные тексты немецкого журнала „Der Spiegel“ 1946–1999 гг., которые представлены на электронном ресурсе Spiegel-Antiquariat [URL: <https://www.spiegel-antiquariat.de/spiegel-zeitung-1946-1959/der-spiegel-zeitung-1946/>]¹. Выбор материала определяется следующими причинами: во-первых, журнал «Der Spiegel» является одним из наиболее популярных немецких еженедельных массовых изданий, где сегодня активно используется политический и социальный юмор; во-вторых, данный временной отрезок позволяет выявить особенности создания комического в период его единичного использования и до того момента, когда юмор занимает прочное место в политике журнала.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области теории юмора, посвящённые интерпретации понятия *юмор* и его видам [Домбровская, 2014; Канашина, 2022; Wowro, 2018], функционированию комического в медийных текстах и политическом дискурсе [Вольская, 2023; Горностаева, 2016; Гулевич, 2023], сущности политической карикатуры [Lenk, 2012] и политических мемов [Власова, 2022; Ребрина, 2022], особенностям немецкого юмора [Романова, 2014; Дойникова, 2023].

¹ Для отсылки к источнику иллюстративного материала в статье используются цифровое сокращение, где первая цифра указывает на номер издания, вторая – на год издания, напр., 6/49 – журнал № 6 1949 года.

Учитывались также основные положения лингвистики текста в области изучения креолизированных текстов Е. Е. Анисимовой [Анисимова, 2003], О. А. Блиновой [Блинова, 2019], О. В. Власовой [Власова, 2022], которые представляют журнальную обложку как самостоятельный жанр и определяют её составляющие – вербальный и невербальный компоненты, а также обосновывают употребление термина *креолизированный текст*, и методики анализа креолизованного текста политической карикатуры и графических метафор [Шустрова, 2014; Эбзеева, 2018].

Немецкий публицистический юмор имеет давнюю традицию, что отражено в материалах музеев, посвящённых истории немецкого юмора, как *Satiricum* (Грайц), *Немецкий музей карикатуры и изобразительного искусства им. Вильгельма Буша* (Ганновер), *Музее карикатуры* (Франкфурт-на-Майне) и др.

Известно, что с конца XIX века в Германии выходили специальные печатные издания, исключительно посвящённые юмору. Одним из старейших сатирических журналов считается *Simplicissimus*, который издавался в период с 1896 по 1967 годы (с перерывом в 1944–1954 годах) в Мюнхене [Максимова, 2015]. Во времена Второй Мировой войны выпускалось специальное сатирическое издание *Lustige Blätter*, направленное на уничижительное высмеивание противников нацизма.

К современным сатирическим изданиям относятся журнал *Eulenspiegel* (Берлин), снижавший большую популярность во времена Германской Демократической Республики и сегодня являющийся самым крупным журналом юмора и сатиры, а также журнал *Titanic* (Франкфурт-на-Майне).

Кроме специальных сатирических изданий юмор также активно присутствует на страницах других средств массовой информации для освещения широкого круга общественно-политических событий в мире и внутри страны.

Одним из таких изданий является информационно-политический журнал «Der Spiegel», располагающий на сегодняшний день самым большим тиражом не только в самой Германии, но в Европе в целом. Первый номер журнала вышел в свет в ноябре 1946 году и на тот момент назывался «Diese Woche», а в январе 1947 он получил своё современное название «Der Spiegel».

Дизайн обложки журнала за всю историю его существования претерпел незначительные изменения. В целом сохраняется заложенная в 1946 году традиция оформления обложки, где доминируют три цвета: красный, чёрный (темный) и белый, что, по мнению Е. Е. Анисимовой, ассоциировалось «с временами монархий и Бисмарка и являлась характерной чертой плакатов правых консервативных партий» [Анисимова, 2003, с. 60]. На титульном листе журнала размещается анонс центральной темы

номера, где изображение и подпись создают тем самым хорошо узнаваемый немецкими читателями креолизированный текст журнала.

Предварительный анализ обложки «Der Spiegel» показывает неоднородность использования юмора, создаваемого как вербальными, так и невербальными элементами. В период с 1946 по 1949 гг. отмечается полное отсутствие комического, в то время как в 90-х гг. юмор присутствует на обложке каждого второго номера.

Нейтральный характер оформления креолизованного текста на начальном можно объяснить сложным для Германии послевоенным временем, где требовалась политкорректность, табу на нацизм, проявление демократии, уважение личности. Стремление редакции журнала к серьёзной подаче информации создавало имидж солидного периодического издания, которому можно доверять.

Невербальную часть обложки на тот период составляли преимущественно фотопортреты политиков с мировым именем, представители государственной власти и политических партий Германии, писатели, актеры, художники и др. Их презентация носила умеренный характер и проявлялась в лаконичности, краткости подписи, отсутствии критических оценок.

Первая подача юмора в конце 40-х гг. происходит достаточно умеренно, часто в виде иронии или самоиронии. Так, на обложке журнала 6/49 размещен фотопортрет известного западногерманского политического и государственного деятеля Людвиг Вильгельма Эрхарда, сопровождаемый подписью *Etwa weil ich ein Laubfrosch bin? Triumphator Ludwig Erhard* 'Возможно потому, что я – древесная лягушка? Триумфатор Людвиг Эрхард'. Во многих культурах древесную лягушку или квакшу связывают с приспособляемостью, гибкостью и находчивостью. Людвиг Эрхард вошёл в историю как реформатор экономической системы ФРГ, способствующей экономическому подъёму страны. Фотопортрет, где государственный деятель представлен с серьёзным лицом в профиль и с сигарой в руке, не соответствует облику квакши. Эрхард мог вполне выбрать для сравнения с собой какую-либо известную личность или животное, символизирующих усердие и упорство. Олицетворяя себя с квакшей, Эрхард прибегает к самоиронии, создавая приземлённый образ и тем самым располагая к себе широкий круг читателей.

Характерным для конца 40-х и начала 50-х годов являлся фотопортрет, вызывающий у реципиентов положительные эмоции, что можно также рассматривать как средство создания юмористической ситуации, вызывающей радость. Как правило, в этом случае обложка номера предлагала читателю фотографию улыбающегося лица героев статьи, что, несомненно, вызывало улыбку у читателя. В качестве примера приведём обложку журнала 46/47 со свадебной фотографией британской принцессы Елизаветы и Филиппа Маунтбеттена. Подпись к фотографии

Prinzessin Elisabeth heiratet Lt. Philip Mountbatten ‘Принцесса Елизавета выходит замуж за лейтенанта Филипа Маунтбеттена’ носит нейтральный характер и дублирует изображение. В целом такой креолизированный текст вызывает у читателя радостные чувства.

Часто героями подобных изовербов в первое время становились актёры-комики, работающие в жанре кабаре. При этом текст к фотографии мог не соответствовать изображению и отсылал читателя к содержанию самой статьи, как, напр., *Nichts Treffendes bitte streichen* (17/49) ‘Не удаляйте, пожалуйста, неудачное’. Такая подпись находилась под портретом легендарной артистки кабаре Лоре Лоренц и дублировала название её острой сатирической программы, о чём сообщалось в статье. Подобную модель построения креолизованного текста встречаем в номере 20/49: *Lacht doch, ihr blöden Gänse* (20/49) ‘Смейтесь же, глупые гуси’ об известном театральном актере Густафе Грюндгенсе, где подпись также отсылает к названию его шоу. Текст подписи выражает сарказм, создаваемый обращением к публике как *ihr blöden Gänse* ‘глупые гуси’. В обоих случаях мы имеем дело со вторичным проявлением комического, поскольку авторы обложек использовали готовые комические выражения.

«Мягкий» юмор создавался с помощью сравнения, как, например, в креолизованном тексте номера 13/49, где анонсируются тенденции моды дамских шляп. На обложке – постановочная фотография с манекенщицей и шляпным мастером. На голове у девушки лежит книга. Подпись к этой фотографии *Die schönsten Märchen auf dem Kopf* ‘Самые красивые сказки на голове’, с одной стороны, непосредственно указывают на находящуюся на голове книгу сказок, с другой стороны, указывают на необычный, «сказочный» характер новых шляп.

В конце 40-х гг. появляются первые креолизованные тексты, содержащие политическую и социальную сатиру, ставшие со временем постоянным способом презентации событий. При создании сатиры применяются различные средства вербализации, как:

– **пословица / идиома**: *fünfte Rad am Wagen* (19/49) ‘пятое колесо в телеге’. Вспомогательный текст сообщает читателю о *Ganz kleines Davidchen* ‘слишком маленьком Давидике’, покупающем то самое пресловутое пятое колесо. На постановочной фотографии – мужчина средних лет с автомобильным рулем в руках. Таким образом анонсируется сатирический взгляд на положение экономики Германии того времени, чему посвящена центральная статья номера. Основная роль в передаче сатиры отводится вербальной части обложки, поскольку сама фотография нейтральна и не создаёт какого-либо комического эффекта.

Один из необычных приёмов, где идиома скрыта в изобразительной части креолизованного текста, использован в номере 40/86. На обложке – карикатура, изображающая человека с волчьей головой и в овчинном

тулупе. Основной текст обложки *Kohls gefährlicher Gehilfe* ‘Опасный помощник Коля’ дополняется подписью имени генерального секретаря Христанско-демократического союза Германии Хайнера Гайслера. Дополнительный текст, пересекающий карикатуру в левом нижнем углу *AFFÄRE NEUE HEIMAT. Die Suche nach den Hintermännern* ‘АФЕРА НОВОЙ РОДИНЫ. В поисках тех, кто стоит за этим’ отсылает читателя к внутривнутриполитическим событиям партии, где Хайнеру Гайслеру отводилась роль теневого кардинала. Креолизованный текст в целом саркастически представляет политика в роли волка в овечьей шкуре как главного архитектора политических афер партии. Основная роль в создании сатиры отводится карикатуре, которая позволяет читателю декодировать истинную суть политика, каким видят его авторы текста.

В целях создания национального колорита может использоваться иноязычная фразеологическая единица. Английская идиома *Clean as a hound's tooth* ‘чистый как зуб собаки’ со значением кажущейся чистоты создаёт сатирический портрет американского общественного деятеля: *Sauber wie ein Hundezahn : Washingtons Wohltäter Bernard Goldfine* (35/58) ‘Чистый, как собачий зуб: вашингтонский благотворитель Бернард Голдфайн’. Такая подпись, с одной стороны, указывает на принадлежность Бернарда Голдфайна к англоязычному миру, с другой стороны, критически оценивает его благотворительную деятельность. Стоит отметить, что это выражение используется в современных немецких медиатекстах как средство создания критического юмора, напр., в интервью К. В. Мюллера с Петером Шинка в октябре 2000 г., где К. В. Мюллер оценил таким образом не всегда «чистую роль» общественных организаций в США, их способах разрешения конфликтов и поведения в ФРГ [Sozial Extra, 2022];

– **контраст** вербального и невербального элементов креолизованного текста. На обложке номера 21/50 расположена фотография широкой, располагающей к себе улыбки и подписью *Der böseste Mund. Louella Parsons* ‘Самый противный рот. Луэлла Парсонс’. Речь идёт об американской журналистке и кинообозревателе Луэлле Парсонс, известной как «королева голливудских сплетен». На момент публикации статьи Луэлла Парсонс сохраняла своё влияние как обозреватель и главная сплетница Голливуда, за что была высмеяна журналом «как самый противный рот». В этом случае оба компонента – вербальный и невербальный – создают сатирический эффект на основе их неожиданной несовместимости;

– **гипербола**. В 50-х гг. политическая сатира изобличала преимущественно лидеров социалистического лагеря, среди которых встречаются имена И. Сталина, Н. Хрущева, Фиделя Кастро, Иосипа Броз Тито, напр., *Niemand's Diener im Niemand'sland; Partisan Josip Broz Tito* (39/51) ‘Ничейный слуга на ничейной земле. Партизан Иосип Броз Тито’. Сарказм достигается за счёт использования двойного отрицания, усиливающего

«ничтожность» с точки зрения западных политиков и углубляется контрастом между уничижительной оценкой политика и его фотопортретом, выполненным в официальном стиле.

Отметим также использование гиперболы в известных идиомах, напр., *Zwischen 5 Stühlen: Frühschoppen Conferencier Werner Höfer* (50/59) 'Между 5 стульями: конферансье утреннего шоу Вернер Хёфер'. Вербальный текст базируется на идиоме «сидеть между двух стульев», обозначающего человека, совершающего непоследовательные поступки;

– **деконструкция цитаты.** Подпись к фотопортрету Иосифа Сталина «*Sein Gespenst geht um in Europa. Josef Stalin*» (12/53) 'Его призрак бродит по Европе. Иосиф Сталин' анонсирует главную тему номера, посвящённую смерти Сталина. Текст подписи обыгрывает известное выражение Карла Маркса о призраке коммунизма и факт смерти Сталина, превратившегося в «призрака», который продолжает пугать страны западной демократии;

– **карикатура.** В конце 50-х – начале 60-х годов фотопортреты на обложке заменяются графическими изображениями, чаще всего в виде карикатур. Так в ноябре 1956 года на фоне последствий подавления восстания в Венгрии журнал публикует серию из 11 номеров под названием «*Ich bin ein Lump Herr Staatsanwalt*». *Gehenkte machen Revolution* '«Я болван, господин прокурор». Повешенные делают революцию'. Обложка издания 46/56 содержит карикатуру, изображающей представителей партии и военных в виде рыдающих крокодилов, которые соболезнают вдове Юлии и её сыну перед гробом её казнённого политического деятеля Ласло Райка. Рисунок обыгрывает торжественные государственные похороны Ласло Райка на Центральном кладбище Будапешта 6 октября 1956 года [German History, 2023]. Сама карикатура сопровождается подписью *Das Beileid der Partei – Ich bin ein Lump Herr Staatsanwalt* 'Соболезнования партии – я болван, господин прокурор'. Вербальный и невербальные элементы обложки едко высмеивают действия официальных лиц Венгрии, проливающих крокодильи слезы. В этом случае критическая функция карикатуры усиливается сопровождающим её текстом, обыгрывающим известную идиому «лить крокодильи слезы», т. е. притворно, неискренне проявлять своё сочувствие.

Карикатура также может дополняться метафорой. На обложке журнала 6/61 изображена карикатура на военного и государственного деятеля и гроссадмирала нацистской Германии Карла Дёница, где он изображён в виде подводной лодки. Подпись к рисунку *U – Boot Stratege Dönitz* 'Стратег подводного флота Дёниц' напоминает читателю о должности командующего подводным флотом и главнокомандующего военно-морским флотом Карла Дёница во время Второй мировой войны. Известно, что после освобождения из тюрьмы Шпандау в 1956 году Дёниц проживал на

севере Западной Германии и не принимал активного участия в политической и общественной жизни страны. Однако в начале 60-х годов Дёниц опубликовал мемуары, в которых оправдывал нацизм как продукт своего времени, за что подвергся критике. Название анонсируемой статьи журнала *SEEKRIEG / DÖNITZ: Aufgetaucht* 'ВОЙНА НА МОРЕ / ДЁНИЦ: всплыл' усиливает сатирический эффект обложки журнала, указывает на «всплытие из небытия» нацистского преступника;

– **игра слов.** Иронизируя над собственными политиками, создатели креолизованного текста прибегают к различным языковым приёмам. Для анонсирования центральной статьи журнала о министре обороне ФРГ Франце Йозефе Штраусе используется игра слов на основе фамилии политика *Strauss* 'страус' и известной поговорки *den Kopf in den Sand stecken* 'прятать голову в песок, вести себя подобно страусу': *Kopf aus dem Sand: Verteidigungsminister Strauss* (1/57) '(Выньте) голову из песка: министр обороны Штраус'. Графическое изображение презентует политика с располагающимися вокруг него по дуге головными уборами, начиная от тирольской шляпы и заканчивая немецкой каской времен Второй мировой войны, демонстрирующими все жизненные вехи политика. Вербальный и невербальные элементы обложки дополняют друг друга, призывая Штрауса к открытости и честности в политической борьбе.

Приём обыгрывания «птичьей» фамилии повторяется в журнале спустя четверть века. В этот раз героем центральной статьи номера 6/83 становится немецкий политик и общественный деятель Ханс-Йохен Фогель. На карикатуре он изображен в виде птицы с ярко окрашенными перьями и подписью *Wer ist der Dr. Vogel?* 'Кто такой доктор Фогель?' Публикация связана с проходящей на тот момент предвыборной кампанией на пост канцлера ФРГ. Если главный претендент на этот пост Гельмут Коль как политик обладал большой популярностью среди избирателей, то Ханс-Йохен Фогель был недостаточно хорошо известен. В этой связи *Der Spiegel* иронично предлагает читателю разобраться, что это за *птица*, доктор права, господин Фогель.

Игра слов может сочетаться с разложением лексем. Такой приём используется для высмеивания Эрики Папприц, одного из авторов работы «Книга об этикете», опубликованной в 1956 году и вызвавшую резкую общественную критику за пропаганду снобизма. Эрика Папприц в правительстве Аденауэра руководила протокольной службой и пыталась повысить уровень вежливости среди дипломатов в послевоенной Германии. На обложке журнала 12/57 размещена её фотография, сделанная на одном из высоких приёмов, сопровождаемая саркастической подписью *Der Fluch der Eti Kette: Zweiter Protokollchef Erica Pappritz* 'Проклятие Эти Кетте: второй руководитель службы протокола Эрика Папприц'. Сатирический эффект

создаётся на основе разложения лексемы *Etikette* ‘этикет’ на *Eti* и *Kette*, где второе обозначает среди прочего ‘цепь’, намекая на прописанную в книге обязательность *частого смыва унитаза* с помощью дёргания за цепь фирмы *Eti*. Согласно самой статье в *Der Spiegel*, «люди в отделе протоколов [...] очень [осуждали] Папприц за то, что она опозорила весь отдел, который и без того постоянно пахнет лёгкой насмешкой».

Разложение лексемы для обыгрывания значений слов используется также на обложке 41/58 года: *Mefo Stopheles: Reichsbankpräsident Hjalmar Schacht* ‘Мефо Штофелес: Президент Рейхсбанка Яльмар Шахт’, где имя демона *Mephistopheles* ‘Мефистофель’, ставшее широко известным благодаря философской трагедии Гёте «Доктор Фауст» и являющееся символом отрицания морально-нравственных устоев и доброго начала в человеке. Ялмар Шахт, возглавляя Рейхсбанк, являлся одним из главных организаторов военной экономики нацистской Германии. В 1935 году создал векселя «Мефо» для финансирования военной промышленности, за что получил имя «главного финансиста третьего рейха», действия которого носили дьявольский характер. В обоих примерах ведущая роль в создании сатиры отводится вербальному тексту.

– **приём игровой карты.** Одним из популярных средств создания комического в медийных текст является приём игровой карты. Впервые на обложке журнала игральная карта появилась в номере 14/63, где центральной темой журнала выступал советско-китайский конфликт. На карте изображены политические деятели сторон конфликта Н. Хрущев и Мао Дзе Дун в виде воинствующих правителей. Привычный формат игровой карты с зеркальным изображением намекает на тот факт, что любой из участников конфликта может оказаться сверху. Одна и та же масть политиков намекает на борьбу единомышленников, где каждый хочет признать за собой первенство в мировой коммунистической идеологии.

В дальнейшем приём игровой карты активно используется для сатирической презентации немецких политиков, чаще всего во время предвыборной кампании. Дважды (40/76 и 40/82) героями изображений становились Гельмут Коль и Йозеф Штраус. В номере 40/76 года оба политика показаны в виде крестовых валетов с подписью *oder / statt* ‘или / вместо’, что уравнивало их шансы. На следующих выборах в номере 40/82 политики-конкуренты размещены на картах различного достоинства, что дублируется подписью *König Kohl – Bube Strauß* ‘Король Коль – Валет Штраус’, оценивая таким образом их различный политический вес.

Карточная карикатура используется также и для сатирической оценки такого события как смена политического лидера. На обложке журнала 8/85 расположены две карты различным достоинством. На одной из них с достоинством короля представлен Ганс-Дитрих Геншер, на другой в виде джокера, которая «бьёт» короля – Мартин Бангеман. Рисунок сопровож-

дается текстом *FDP Genscher dankt ab – Letzte Karte Bangemann* ‘(Глава) СДПГ Геншер благодарит – Последняя карта Бангеманна’. Таким образом редакция журнала высмеивает передачу власти партии, где Мартин Бангеман использует «козыри», вынуждающие Ганса-Дитриха Геншера отказаться от своего поста.

Приём игровой карты применяется также и для сатиры социального характера, напр., реформы образовательной системы, здравоохранения, пенсионной реформы. На обложке журнала 4/83 представлена карикатура с улыбающимся лицом человека пенсионного возраста и его зеркальным отображением, где то же лицо выражает недовольство. Подпись к изображению *Mit 58 in Rente?* (43/83) ‘В 58 на пенсию?’ также дублируется на зеркальном изображении, но в разных цветах. В целом такой приём создаёт саркастическое отношение авторов к обсуждаемой проблеме. Используя неожиданные сравнения, основную карточную символику, графическое изображение игровой карты значительно снижает участие текста в создании комического и становится его основным средством.

Рассмотрев основные приёмы создания комического и проявление различных видов юмора, а также взаимосвязь вербальных и невербальных элементов креолизованных текстов журнала на протяжении более полувека его существования, мы переходим к следующим выводам.

Журнал «Der Spiegel» как информационно-политическое издание на начальных этапах своего становления стремился к нейтральности в отражении происходящих событий и презентации представителей политической и культурной жизни Германии и мировой общественности, что в целом соответствовало требованиям историко-политической ситуации, которую переживала Германия в послевоенное время.

Появление первых элементов комического на обложке «Der Spiegel» приходится на конец 40-х – начало 50-х гг. Объектами юмора становятся известные немецкие политики и артисты. В середине 50-х гг. вводится политическая сатира, направленная на дискредитацию лидеров социалистических стран как политических оппонентов. В 60-х гг. ракурс политической сатиры перемещается преимущественно на немецких политиков. Объектами социальной сатиры в 70-х гг. становятся система образования, здравоохранения, социальные реформы.

Анализ показал, что на раннем этапе характерными журнала являются ирония и самоирония, которые со временем вытесняются политической и социальной сатирой и сарказмом.

В реализации комического на обложке журнала «Der Spiegel» на протяжении всего периода задействованы как языковые, так и графические средства. К наиболее популярным языковым средствам журнала относятся идиомы, гипербола, деконструкция цитаты, игра слов; к графическим – карикатуры и карточное изображение (приём игровой карты). При этом

взаимосвязь вербального и невербального элементов в создании комического проявляется различным образом: если изображение представлено фотопортретом, то основная роль преимущественно отводится вербальному тексту. При использовании карикатуры текст может дополнять или дублировать изображение. В случае использования приёма игровой карты текст либо дублирует изображение, либо полностью отсутствует. Отмечено также использование контраста вербального и невербального элемента для создания сатирического эффекта.

Таким образом, комическое на обложке журнала «Der Spiegel» является одним из популярных средств отражения действительности и оценки происходящих событий в различных сферах жизнедеятельности Германии и мировой общественности. Эволюция функционирования комического проявляется в тенденции к увеличению числа критических видов юмора (политическая и социальная сатира, сарказм), привлечению разнообразных средств его вербализации, многократному применению средств, имеющих высокую эффективность.

3.7. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩ ПРЕЗИДЕНТА Д. ТРАМПА В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом современной лингвистики к проблемам медиадискурса и его аксиологической составляющей. Современный медиадискурс является пространством активного формирования общественного мнения, где языковые средства, в частности прозвища политических лидеров, выступают важным инструментом конструирования ценностных установок.

Прозвища концентрируют в себе социальные стереотипы и аксиологические ориентиры массового сознания, функционируя как элементы символической борьбы в публичной сфере. В американском медиадискурсе особое место занимают номинации президента США Д. Трампа, отличающиеся высоким аксиологическим потенциалом и демонстрирующие широкий спектр прагматических функций.

В настоящем исследовании под медиадискурсом понимается совокупность текстов массовых коммуникаций, охватывающая как традиционные печатные СМИ (газеты и журналы), так и цифровые площадки – интернет-форумы и социальные сети. Такой подход позволяет комплексно рассмотреть функционирование прозвищ и выявить их аксиологическое значение в различных каналах публичной коммуникации.

Цель исследования заключается в выявлении и описании аксиологического потенциала прозвищ Д. Трампа в дискурсе американских печатных СМИ и социальных сетей. Объектом исследования являются аксиологические значения, реализующиеся в прозвищах президента США Д. Трампа. Предметом исследования выступают лексико-семантические,

прагматические и дискурсивные особенности реализации аксиологического потенциала данных номинаций.

Исследованию различных аспектов комического, иронического и шутивого посвящены труды многих авторов: М. М. Бахтин (1997), В. Пропп (1976), В. Д. Девкин (1998, 2008), В. В. Виноградов (2018), А. В. Карасик (2001, 2002), Б. Дземидок (1974), М. А. Кулинич (1999), М. Минский (1988), Н. А. Волкова (2005) и др.

Номинации с социальной оценочной нагрузкой, как правило, интерпретируются как мелиоративные или пейоративные независимо от их включённости в конкретный коммуникативный акт. Разнообразные пейоративы, передающие порицание, пренебрежение и осуждение, через медиатексты актуализируются как маркеры новой социальной реальности, фиксируя трансформацию ценностных установок общества. В этом контексте прозвища президента США Д. Трампа представляют собой продуктивный материал для анализа, позволяющий выявить механизмы формирования и функционирования аксиологического потенциала в современном американском медиадискурсе.

Согласно, англоязычному сайту в формате форума (reddit.com), количество прозвищ, приписанных Д. Трампу, исчисляется сотнями. С точки зрения этносемиотрии такие номинации могут рассматриваться как аксиологемы, поскольку «соотносятся с культурообразующими ценностями, вследствие чего приобретают статус семиологических механизмов, функционально предназначенных для хранения культурной информации» [Казыдуб, 2009, с. 135]. Подобный корпус номинаций целесообразно систематизировать с опорой на их функции и семантические характеристики, что позволяет выявить ценностные смыслы, заключённые в них.

В связи с этим представим классификацию прозвищ, опирающуюся на идеи В. Д. Девкина, в которых анализируются природа комических номинаций, их функции, а также способы их лексикографической фиксации [Девкин, 1998, 2008].

1) Аллюзии на диктаторов и политических лидеров (*Mango Mussolini, Cheeto Benito, Hair Führer, AGOLF TWEETLER, Pumpkin Pinochet, Orange Julius Caesar*).

Функции: оценочная (преимущественно пейоративная), дифференцирующая, экспрессивная.

Тип: историко-политическая аллюзия.

Характеристика: негативные коннотации, кроме *Orange Julius Caesar*, допускающего амбивалентность.

2) Культурные и литературные аллюзии (*The American Socrates, The Michelangelo of Ballyhoo, The Great Pacificator, The Apostle of Liberty, Trumpeinstein, Darth Realtor, Trumplestiltskin*).

Функции: игровая, оценочная.

Тип: аллюзии на философов, художников, мифологических и поп-культурных персонажей.

Характеристика: от иронических мелиоративов (*The American Socrates*) до пейоративов (*Trumpenstein*).

3) Цветовые и «гастрономические» метафоры (*Cheeto-in-chief, The Orange Mephistopheles, The Marvelous Mango, Carrot Criminal, Orange Turd, Orange Emperor, Orange Fanta, Trumpster Fire, Pumpkin Palpatine*).

Функции: игровая, оценочная.

Тип: метафоризация внешности (оранжевый цвет кожи и волос) через продукты питания.

Характеристика: пейоративные.

4) Пародийные персонажи и комические конструкции (*Trumpty Dumpty, Turdzilla, Turnip J Dumblebutt, trumpty-von-trumpfance, Drip Drip Donnie, Diaper Donny, Donny Porta-Potty, DonJon Porta-John, Maga-Lardo Monster, The Poodle*).

Функции: игровая, сатирическая.

Тип: отсылки к детским стихам, поп-культуре, пародийным именам.

Характеристика: резко пейоративные.

5) Вульгарные прозвища (*Donald Von ShitzInPantz, Von Shitsinpants, Orange Shitgibbon*).

Функции: оценочная (экстремально негативная), игровая.

Тип: вульгарные неологизмы.

Характеристика: пейоративные.

6) Прозвища, связанные с событиями и мемами (*Felon47, Covfefe, Trumpster Fire*).

Функции: оценочная, дифференцирующая.

Тип: ситуативные номинации, отражающие юридический или медийный контекст.

Характеристика: пейоративные.

Как видим, основная функция прозвищ Д. Трампа – оценочная, реализующаяся преимущественно в пейоративном ключе. При этом наблюдается широкое разнообразие типов: от историко-политических и культурных аллюзий до интернет-мемов и обценных неологизмов. Подобная систематизация позволяет не только выявить спектр комических номинаций, но и продемонстрировать их многоуровневый аксиологический потенциал: прозвища транслируют ценностные установки общества, выражают социальное одобрение или порицание и формируют коллективное представление о политическом лидере в американском медиадискурсе.

Особое место в корпусе комических прозвищ занимают аллюзивные номинации, в которых наиболее ярко проявляется аксиологическая составляющая. Именно через аллюзии на исторические и культурные образы реализуется не только иронический, но и ценностный потенциал ко-

мического. К этой группе относятся такие номинации, как *Mango Mussolini*, *Cheeto Benito*, *Hair Führer*, *Orange Julius Caesar*, каждая из которых соединяет внешние признаки Трампа с символически нагруженными культурными и историко-политическими фигурами.

Рассмотрим функционирование данных номинаций в дискурсе:

«How did this mango Mussolini expect to win the White House? Who was left to vote for him? Apparently, half the country. – Как этот манго Муссолини рассчитывал выиграть Белый дом? Кто же остался голосовать за него? Судя по всему, половина страны [Barackface, 2016].

Прозвище «*Mango Mussolini*» строится на сравнении Дональда Трампа с исторической фигурой Б. Муссолини, итальянским диктатором. Включение компонента *mango* добавляет экспрессивность: экзотический фрукт оранжевого цвета отсылает к внешним признакам Трампа – оттенку кожи и волос. Здесь сочетаются два пласта аллюзий: историко-культурная (Муссолини как символ авторитаризма) и повседневно-бытовая (манго как продукт массового опыта). Семантический механизм основывается на метафорическом переносе внешних характеристик на политическую сущность, что позволяет объединить в одном номинативном комплексе физический стереотип и политическую оценку. Итоговый прагматический эффект заключается в создании иронической и уничижительной характеристики: прозвище снижает статус политика, усиливая пейоративность через резкий контраст между образом диктатора и образом фрукта.

Прозвище «*Cheeto Benito*» также выстраивается на параллели с Бенито Муссолини, итальянским диктатором, однако здесь историческая аллюзия соединяется с элементами массовой культуры. Использование названия популярной закуски *Cheetos*, отличающейся ярко-оранжевым цветом, актуализирует внешние характеристики Трампа, прежде всего оттенок кожи. Таким образом, номинация объединяет два пласта: исторический (Муссолини как символ авторитаризма) и культурно-бытовой (брендированный продукт). Семантический механизм строится на совмещении политического дискурса и потребительской культуры, что создаёт эффект резкого снижения: высокий образ политического лидера и диктатора приравнивается к обычному снеку. Прагматически это порождает ироничный и уничижительный эффект, усиливающий пейоративность и формирующий карикатурный образ «оранжевого диктатора-снека».

Прозвище «*Hair Fuhrer*» по своему аксиологическому содержанию близка к номинациям «*Mango Mussolini*» и «*Cheeto Benito*». Например:

«My original comic idea for this week got blown up by the events of the weekend. The outrages of Hair Fuhrer come so fast that I just can't keep up. – Моя изначальная идея для комикса на эту неделю была разрушена событиями выходных. Выходки „Hair Führer“ следуют так стремительно, что я просто не успеваю за ними» [Daily Kos, 2017].

Прозвище «*Hair Führer*» зафиксировано в публикации на платформе *Daily Kos* (29 января 2017 года) и строится на игре слов, соединяющей внешний атрибут Трампа и историческую аллюзию. Компонент *Hair* акцентирует внимание на причёске Трампа, ставшей устойчивым объектом насмешек в массовой культуре. Вторая часть – *Führer* – отсылает к Гитлеру как символу диктатуры и тоталитарного насилия. В результате формируется сложная номинация, в которой дескриптивный элемент (волосы) соединяется с политико-историческим сравнением. Семантический приём, основанный на метафорическом сближении внешней детали и фигуры диктатора, усиливает экспрессивность. Прагматический эффект заключается в создании уничижительной характеристики, где смешное (необычная причёска) используется как средство дискредитации, а историческая параллель добавляет пейоративный и угрожающий оттенок.

Прозвище «*Orange Julius Caesar*» по своему аксиологическому содержанию контрастирует с аллюзивными номинациями *Mango Mussolini*, *Cheeto Benito*, *Hair Führer*, которые функционируют преимущественно в пейоративном ключе. Оно основано на двойной аллюзии: с одной стороны, на американский бренд *Orange Julius* (сеть закусочных и напитков ярко-оранжевого цвета), с другой – на фигуру Юлия Цезаря. Оранжевый компонент актуализирует визуальную характеристику Трампа (цвет кожи и волос), а имя Цезаря переносит номинацию в сферу историко-политических параллелей. Приведём контекст, в котором объясняется выбор именно этого образа:

«...the American press seems to have latched onto Julius Caesar. Part of the beauty of it is that it works for both sides. Caesar does just fine. For the Democrats and unhappy Republicans, he is the man who brought down the democracy and ushered in the autocratic rule of the emperors. For the Trumpites themselves, Caesar is the man who cleared up the mess of the late Republic and ushered in the Pax Romana (aka Americana) [Beard, www.the-tls.com/].

Автор подчёркивает универсальность фигуры Цезаря для интерпретации. Прелесть этой идеи в том, что она работает для обеих сторон. Для демократов и недовольных республиканцев он – человек, который разрушил демократию и установил самодержавное правление императоров. Для самих трампистов Цезарь – человек, который навёл порядок в хаосе поздней Республики и положил начало *Pax Romana* (также известному как *Americana*).

Проведённый анализ показал количественное преобладание пейоративных прозвищ над мелиоративными. Эта диспропорция демонстрирует ценностные ориентиры американского общества: посредством комических номинаций осуждаются ксенофобия, агрессивный национализм,

авторитарные устремления и пренебрежение демократическими нормами, ассоциируемые с образом Д. Трампа.

Прозвища, строящиеся на аллюзиях к диктаторам (*Mango Mussolini*, *Hair Führer*), указывают на неприятие автократических тенденций; иронические номинации типа *Cheeto Benito* или *Orange Shitgibbon* – на отрицание демонстративного и вульгарного стиля поведения. Редкие мелиоративные или амбивалентные варианты (*Orange Julius Caesar*) лишь подтверждают общую тенденцию: для массового сознания ценны идеи демократии и равенства, тогда как попытки легитимировать национализм, изоляционизм и культ силы встречают преимущественно негативную реакцию. В аксиологическом плане прозвища выступают индикаторами коллективных ценностных ориентаций и инструментом символической борьбы в публичном пространстве.

3.8. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОМИЧЕСКОГО В АНГЛИЙСКОМ ЮМОРЕ (на примере шуток из READER'S DIGEST)

Юмор и смех являются универсальным аспектом человеческой жизни. Юмор варьируется в зависимости от культуры ввиду различий норм, касающихся подходящих тем для юмора и типов ситуаций, в которых смех уместен. Кроме этого, он является формой весёлой забавы, а также выступает в регулирующей социальные отношения роли [Вержинская, 2011, с. 23].

Английские словари определяют юмор как понятие, включающее признаки забавности, а также психические процессы, участвующие в восприятии забавного стимула и генерации эмоциональной реакции, связанной с получением удовольствия. [Барский, 2018, с. 76].

Юмор является отражением культуры, в нём наиболее чётко и ёмко выражаются свойства национального характера, культурные ценности, способствующие внутригрупповой сплочённости. Национальный юмор – это юмор, понятный и разделяемый большинством представителей данной культуры. Чувство юмора является одним из компонентов национального характера, что позволяет идентифицировать принадлежность человека к определённой нации [Елизарова, 2015, с. 254].

Научное изучение культуры во многом зависит от изучения языка, поскольку система культурных стереотипов каждого народа упорядочивается при помощи используемого языка. Национальный юмор зависит от множества факторов: территориальных границ стран и регионов, условий существования народа, истории и национальной принадлежности человека. Юмор обладает культурной спецификой и связан с менталитетом, видением мира и коммуникативными ценностями народа, поэтому пони-

мание механизма действия юмора необходимо для обеспечения успешной межкультурной коммуникации [Долгова, 2016, с. 140].

Для понимания английского юмора необходимо ознакомиться с его особенностью, культурой, менталитетом и традициями англичан.

Английскому юмору присущи следующие особенности: невозмутимость, множество различных форм, использование любых тем для создания шуток, многозначность используемых английских слов, игра звуков, грамматические вариации. Английский юмор нельзя уловить сразу, поскольку он проявляется в намёках и усмешках, обрамляемыми различными стилистическими приёмами [Степанова, 2014, с. 314].

Наиболее популярной юмористической формой английского юмора является анекдот, поскольку он открывает огромное количество возможностей для репрезентации национальных черт народа. Анекдот – это короткий юмористический текст, подразумевающий смысловой сдвиг значения слов и уплотнение информации, из-за чего её часть остаётся «за кадром», которая и является ключом к разгадке смысла самого анекдота [Жуланова, 2014, с. 57].

Существуют различные критерии классификации анекдотов: тематическая, профессиональная, этнонациональная и другие. Тексты анекдотов классифицируются на две группы: анекдоты, имеющие национальную специфику и анекдоты универсальные.

К анекдотам, имеющим национальную специфику, относятся лингво-национальные анекдоты, которые теряют смысл из-за перевода, а также лингвокультурологические анекдоты, которые зачастую не являются смешными для представителей других наций, что обусловлено различиями в культуре.

Универсальные анекдоты представляют собой анекдоты одинаково понятные и смешные для любой нации. Они подразделяются на следующие виды в зависимости от явлений, создающих комический эффект: ethnic slurs; dry (deadpan) humour; shaggy-dog stories; banana-skin humour; elephant jokes [Шабунина, 2012, с. 33].

Чаще всего шутки создаются произвольно, однако всё же существуют словесные приёмы, создающие комический эффект: сравнение, эпитет, аллюзии, ирония, игра слов, сарказм, парадокс, нелепость, повтор, доведение до абсурда, намёк, псевдоконтраст, обратное сравнение, ложное усиление, гиперболизация, контраст, спунеризм, окказионализм, алогизм, перифраз, нарушение порядка слов [Пропп, 2017, с. 211].

Английскому юмору свойственна завуалированность, тактичность и сложность в понимании, а также нетипичная эксцентричность.

Как было отмечено ранее, английские анекдоты и шутки касаются множества разнообразных тем: политика, религия, семья, повседневность и так далее. В качестве практического материала были отобраны шутки

из ежемесячного журнала Reader's Digest в период с 2018 по 2023 год, что позволяет широко осветить объекты юмора современности.

Проанализированный материал позволил выявить следующие тематические группы и некоторые особенности реализации в них комического:

1. Семья и отношения между членами семьи. Одной из основных тем шуток и анекдотов является семья и отношения с детьми в частности:

Parenting is like being a juggler except all the balls are screaming [Reader's Digest, 2022, p. 131].

2. Отношения между людьми и животными. Абсурдность ситуации строится на созвучности омофонов herd [hɜ:d] и heard [hɜ:d]. Эта небольшая история относится к категории shaggy-dog stories:

"I love my job!" Exclaimed the farmer. "All you do is boss me around all day!" complained one of his sheep. "What did you say?" challenged the farmer, walking over to him. The sheep stood his ground, glared back, and growled... "You herd me." [Reader's Digest, 2019, p. 140]

3. Еда, приготовление пищи. Шутки о еде, продуктах питания могут быть основаны на омонимии: слово peas [pi:s] созвучно со словом pease [pi:s], что и является средством достижения юмористического эффекта. Зелёностручковая фасоль имеет внутри себя горошины, но в данной шутке подразумевалось, что фасоль имеет мир внутри себя, поэтому данному растению приписывается титул постигшего дзен овоща. Шутка имеет примитивный характер и относится к категории banana jokes:

Green beans are the most Zen of all the vegetables because they've found their inner peas [Reader's Digest, 2019, p. 140].

Процесс приготовления пищи также может стать объектом шуток, как в следующем примере, где создание нелепой ситуации, основанной на неправильной трактовке словосочетания, способствует достижению комического эффекта. Жена просит мужа приготовить ужин при свечах, однако он считает, что данное мероприятие займёт слишком много времени, так как приготовление на свечах (make a candle-lit dinner) будет долгим:

«My wife said she wants me to make her a candle-lit dinner, but it'll take ages to cook a lasagne like that» [Reader's Digest, 2023, p. 142].

4. Современные технологии. Преувеличение (гиперболизация) эмоциональных переживаний также может произвести комический эффект. В следующем примере это чрезвычайный страх за потерю телефона, что демонстрирует культурную особенность современных людей, а именно – привязанность к электронным устройствам, в частности к телефону. Шутка относится к типу шуток banana jokes:

I wrote a horror story. It's called "I just lost my phone in my blankets for six minutes" [Reader's Digest, 2019, p. 141].

В другом примере, посвящённом тематике технологий и зависимости человека от них комический эффект создаёт многозначность слова *follow*: 1) понимать; 2) следовать, следить, быть подписанным на кого-то:

«I told my doctor I was addicted to Twitter. He replied, “Sorry, I don’t follow you”» [Reader’s Digest, 2023, p. 140].

5. Работа. Комический эффект в следующей шутке достигается в результате буквального понимания значения глагола *talk*. Сотрудник отдела кадров спрашивает, может ли человек говорить, владеет ли он ораторским искусством, на что тот отвечает, что может это с 2 лет, давая понять, что овладел речью в возрасте 2 лет. Ответ можно интерпретировать и как иронию в случае, если человек намеренно искажил значение слова. Шутка имеет примитивный характер и относится к группе *banana jokes*:

Recruiter: Calling me at work. Are you able to talk?

ME: Since the age of two [Reader’s Digest, 2019, p. 141].

В другой шутке на тему «работа» человек знает очень много шуток про безработных, которые не «работают». Комический эффект возникает в результате двоякого понимания слова *work*, которое может иметь следующие значения: 1) работать на работе; 2) работать = действовать, иметь эффект. Безработные люди не работают на работе, а шутки про безработных не имеют эффекта.

I have a lot of jokes about unemployed people but none of them work [Reader’s Digest, 2020, p. 130].

6. Медицина. Как и в предыдущем примере, юмористический эффект возникает в результате игры слов, основанной на многозначности слова *literally*, меняющее своё значение в зависимости от контекста: буквалист воспринимает вещи буквально, а kleptomан буквально, в самом прямом значении, берёт вещи. Говорящий серьёзно разглагольствует о различии буквалиста и kleptomана. За внешней серьёзностью и научной формулировкой фразы скрывается юмор, что свидетельствует о принадлежности шутки к категории *dry humour*.

What’s the difference between a literalist and a kleptomaniac? A literalist takes things literally, and a kleptomaniac takes things, literally [Reader’s Digest, 2021, p. 130].

В анекдоте, описывающем будни американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, который однажды простудился и решил «вылечить» простуду с помощью виски, комизм возникает в результате двоякого понимания местоимения *it*, которое относится и к объекту “bad cold”, и к объекту “a bottle of whisky”. Таким образом, по ходу повествования реципиент думает, что исчезла простуда, однако автор в конце добавляет, что Фицджеральд был всё так же простужен, делая отсылку к алкогольной зависимости Фицджеральда, что говорит о том, что «исчезла» именно бутылка виски, с которой тот пошёл в постель.

«When F Scott Fitzgerald got a bad cold, he went to bed with a bottle of whisky and within a couple of hours it had gone. Although of course he still had a cold» [Reader's Digest, 2023, p. 142].

Комизм в данной группе шуток может возникать за счёт парадокса, когда неожиданный ответ собеседника не является логическим следствием предыдущей реплики. Пациент сломал пальцы, доктор уверяет, что сможет это вылечить. Далее, пациент спрашивает, сможет ли он писать книги после вмешательства, и на положительный ответ доктора говорит, что никогда этого не делал, из чего следует, что врач способен наделить пациента писательским талантом:

«Doctor: You've broken your fingers, but we'll be able to sort them out.

Patient: Will I be able to write a book once they're fixed?

Doctor: Absolutely.

Patient: Excellent because I couldn't manage it before» [Reader's Digest, 2023, p. 139].

7. Мистика. В шутке используется намёк на доску для спиритических сеансов Ouija board, которое созвучно со словосочетанием squeegee board. Рассказчик совершил спиритический сеанс при помощи скребковой доски, которая вызвала дух мойщика окон.:

I just contacted the spirit of my dead window cleaner on a squeegee board [Reader's Digest, 2019, p. 142].

8. Компьютеры. Комизм данного примера реализуется посредством игры слов, основанным на многозначности. Клавиша F5 при использовании обновляет страницу, что указывает на некое «обновление» впечатлений, эмоций в жизни:

I love pressing F5. It is so refreshing [Reader's Digest, 2018, p. 140].

9. Автомобильная тематика. В контексте следующего примера игра слов основана на многозначности слова key: 1) ключ зажигания; 2) инструмент (screwdriver). При продаже машины, бывший владелец делает намёк на то, что машина очень часто ломается, что требует использования отвёртки.

The guy who sold me it gave me a screwdriver and said, "This is the key. Good luck." [Reader's Digest, 2018, p. 132].

10. Спорт. Звонящий в спортзал интересуется, смогут ли его научить шпагату. Администратор спрашивает, насколько автор гибкий, однако он отвечает, что не может по вторникам и средам. Абсурдность ответа основана также на многозначности слова flexible. Слово flexible можно понимать и как гибкий о свойстве тела, и как свободный о графике работы.

«I phoned the local gym and asked if they could teach me how to do the splits. He said, "How flexible are you?" I said, "I can't make Tuesdays or Wednesdays» [Reader's Digest, 2023, p. 138].

11. Литература. Комический эффект в следующей шутке достигается при помощи омофонов *heroine* ['herəʊɪn] – героиня и *heroin* ['herəʊɪn] – героин, имеющих одинаковое звучание, но разное значение и написание.

«*What do you call a bookworm who can't stop reading about strong female characters? A heroine addict!*» [Reader's Digest, 2023, p. 139].

12. Сфера криминальных новостей. В следующем анекдоте комизм порождается в результате созвучия слов *incisor* [ɪn'saɪzə] и *insider* [ɪn'saɪdə] в словосочетании *incisor trading* – торговля резцами, в то время как *insider trading* переводится как торговля внутренней конфиденциальной информацией, которая запрещена, поэтому зубную фею и арестовали. Перенос ответственности с работника некой компании за торговлю секретной информацией на сказочного персонажа, зубную фею, торгующую молочными зубами, вызывает юмористический эффект.

«*Breaking news: the tooth fairy has been arrested for incisor trading*» – [Reader's Digest, 2023, p. 142].

13. Сфера криминальной психологии. Рассказчик делится впечатлением о прочтении книги о стокгольмском синдроме, чьи ощущения поначалу были не очень-то веселыми (*it wasn't much fun*), однако к концу чтения автор испытал «удивительные» впечатления (*it was amazing*). Комический эффект достигается за счёт использование приёма иронии, так как высказывание имеет противоположный смысл с целью вызвать смех. Подтекст, содержащийся в шутке, а именно жертвы стокгольмского синдрома испытывали те же ощущения, будучи в заложниках, придаёт ей дополнительный юмористический эффект:

«*I've just read a book all about Stockholm Syndrome. It wasn't much fun at the beginning, but by the time I got to the end I thought it was amazing*» [Reader's Digest, 2023, p. 140].

Итак, в ходе анализа были выявлены и проанализированы шутки из таких сфер английского юмора, как отношения между людьми и животными, семейные отношения, автомобильная тематика, мистика, еда и приготовление пищи работа, эмоции, современные технологии, медицина. Таким образом, английский юмор затрагивает все сферы человеческой жизни. Наиболее типичными английскими шутками являются шутки в стиле *banana-skin jokes*, *shaggy-dog stories*, *dry (deadpan) humour*.

Комическое реализуется в английских шутках посредством игры слов, основанной на их многозначности, использовании противоречивых суждений, местоимения *it* с двойной референцией, использовании омофонов, иронии, парадоксальных суждений или нелепой ситуации, основанной на неправильной трактовке слов, а также соотнесении двух ситуаций в результате созвучия словосочетаний.

3.9. СПЕЦИФИКА ЮМОРА В АНГЛИЙСКИХ АФОРИЗМАХ О ГОЛЬФЕ

В основе комического, согласно А. Г. Козинцеву, лежит социальный фактор, сущность которого заключается в том, что комическое и смешное помогают предотвратить реальные конфликты и способствуют поддержанию целостности группы [Козинцев, 2002, с. 22]. Анализируя феномен комического, Н. Д. Арутюнова отмечает, что комическое выполняет объединяющую функцию, что свидетельствует о единомыслии, общности восприятия и наличии системы ценностей. Именно на сходстве чувства комического люди обнаруживают сходство во взглядах на многие вещи и восприятии окружающего мира [Арутюнова, 2007, с. 15]. К. Л. Банников также выделяет в качестве одной из характерных черт смеховой культуры её ярко выраженное социоконсолидирующее значение [Банников, 2002, с. 176]. С точки зрения В. Д. Девкина, юмор способствует отстранению от рутинного восприятия жизни и позволяет воспринимать многое со стороны и даже возвышаться над жизненными трудностями [Девкин, 2015, с. 83].

Чувство юмора является функцией аффективных и когнитивных процессов. Согласно теории дифференциальных эмоций, юмор – это особый тип аффективно-когнитивного взаимодействия [Изард, 2000, с. 252].

Сущность английского юмора, по утверждению А. В. Карасика, заключается в привязке шутки или анекдота к ситуации. А сама картина мира английского юмора построена на постулате рациональности, являющейся основой поведения и высмеивающей отклонение от рациональности, но не сам принцип рациональности [Карасик, 2001, с. 12]. Отклонение от нормального в юморе также отмечается В. Д. Девкиным. Понятие нормы служит интересам человека, и люди пускаются в странности, чтобы нарушить стереотипность и заштампованность и создать новую псевдореальность [Девкин, 2015, с. 34].

Афоризмы о гольфе можно отнести к таким анекдотам или шуткам, которые требуют знания определённых норм поведения и наделяющих происходящее определённой оценкой. Предметом шутки является переворачивание норм поведения. С этих позиций афоризмы обнаруживают некую странную логику, являющуюся «внешне правильным умозаключением», но удивляющую своей абсурдностью [Карасик, 2001, с. 8]. Абсурд представляет собой особый интерес для языка, нелепость адаптируется в языке совершенно особым образом, а дистанцированность от несурзанности и нелогичности порождает комичность [Девкин, 2015, с. 35–37].

Объектом данного исследования являются английские афоризмы о гольфе. Особенностью анализируемой группы является её тонкий, едва уловимый юмор, смысл которого подвергается анализу. Гольф – игра, в которой мяч ударяется клюшкой из специально подготовленной зоны, называемой «ти», через «фервей» и «граф» в направлении «паттинг-грин».

Суть игры заключается в том, чтобы «пройти лунку» минимальным количеством ударов. Игра имеет свои правила, принципы, этикет и инвентарь. Раунд гольфа состоит из игры на 18 таких лунках [Ивицкий, <http://tennis-i.com/>].

Афоризмом принято считать краткое выразительное изречение [Ожегов, 2003, с. 33] или оригинальную законченную мысль, изречённую и записанную в лаконичной запоминающейся текстовой форме и впоследствии неоднократно воспроизводимую другими людьми. Анализируемая группа афоризмов о гольфе касается негласных правил и примет игры, зафиксированных в форме оригинальной законченной мысли и удивляющих своей парадоксальностью и нелепостью. Комическое реализуется в данных афоризмах в различных игровых ситуациях, которые можно условно сгруппировать следующим образом:

1. Негласные правила игры

Как и любая игра, гольф – игра, имеющая свои правила, регламентирующие действия игроков на поле. Однако правила не могут регламентировать и предопределить успешность игры, которая зависит от других факторов. Наблюдения за ходом игры позволяют предположить, что успех в играх с мячом зависит от шанса и вероятности попадания мяча в нужную лунку. Как известно, вероятность попадания в лунку с одного удара у среднего игрока равна 1 к 46 000, о чём и говорит следующий пример, обыгрывающий одно из таких наблюдений, которое игроки считают своеобразным негласным правилом игры: попасть в лунку чрезвычайно сложно, поэтому ваш самый худший удар всегда впереди. Абсурдность ситуации, её комизм заключается в том, что чем больше спортсмен практикуется, тем меньше у него шансов выполнить удачный удар и попасть в лунку:

No matter how bad your last shot was, the worst is yet to come. This law does not expire on the 18th hole, since it has the supernatural tendency to extend over the course of a tournament, a summer and, eventually, a lifetime. [<http://www.english-easy.info/>]¹

Другое негласное правило игры заключается в том, что все клятвы, произносимые на поле для гольфа, имеют силу лишь до заката. Гольф – это всего лишь игра. Все действия, производимые на игровом поле, вне его уже не имеют силу:

All vows taken on a golf course shall be valid only until the sunset.

К игре нельзя относиться слишком серьёзно. Хотя игра – это неотъемлемая часть жизни, выходя за её пределы, игроки попадают в другую реальность. По крайней мере, дважды в месяц в неё можно не играть. Аб-

¹ Здесь и далее в этом параграфе примеры взяты из интернет-источника: http://www.english-easy.info/jokes/golf_jokes_definite_laws_of_golf.

сурдность или комизм данного афоризма заключается в том, что формирование сноровки в игре требует регулярности, но иногда от неё нужно отвлекаться. Таким образом, высмеивается принцип рациональности:

Golf should be given up at least twice per month.

Принцип рациональности высмеивается и в следующей шутке, в которой идёт речь о сложности прохождения одного из этапов игры. Пар – это условный норматив, используемый для подсчёта результатов и оценки уровня игроков. Пар – это количество ударов, которое гольфист должен совершить на одной лунке или на всём поле при удачной игре. В случае с «пар 3» игрок должен попасть в лунку с одного удара. Афоризм подчёркивает непредсказуемость игровых условий независимо от уровня мастерства игрока. Каждая лунка первого типа «пар 3» имеет «тайное желание» поставить игрока в неловкое положение, и чем короче расстояние до лунки, тем сложнее в неё попасть. В афоризме лунка наделяется качествами живого существа, создающего трудности для игроков. Комизм в данном случае реализуется через использование сравнительной конструкции и подчёркивает замеченную закономерность:

Every par-three hole in the world has a secret desire to humiliate golfers. The shorter the hole, the greater its desire.

Одним из негласных правил игры является отношение игроков к действиям своих партнёров. Сам характер игры не располагает к анализу причин, по которым гольфист не попал в цель (лунку), и все его партнёры по игре будут утверждать, что он взглянул вверх или навлёк гнев вселенной. Социоконсолидирующая функция следующего афоризма проявляется в единодушии и неизменности мыслей игроков о действиях партнёра, содержащих своеобразные суеверия:

No matter what causes a golfer to muff a shot, all his playing partners must solemnly chant "You looked up," or invoke the wrath of the universe.

Неизбежность происходящего на игровом поле является также негласным правилом игры. Вот одно из них: сок всегда заканчивается в тележке для гольфа на самой отдаленной точке от здания клуба. Шутка также основана на идее о некой фатальности происходящих событий на поле для гольфа:

Golf carts always run out of juice at the farthest point from the clubhouse.

Любая игра непредсказуема. Непредсказуемость игры в гольф проявляется и в отношении состава игроков. В гольф играют люди из разных слоев населения. Своего рода негласным правилом уже стало сочетание несочетаемого. С одной стороны, в вашей группе может оказаться гольфист, который выше и крупнее физически, чем кто-либо другой в вашей группе. С другой стороны, группа, в которую случайно попадаете вы, может состоять из футболиста, профессионального борца, осуждённого за убийство и агента из службы по внутреннему налогообложению или

какой-либо другой неожиданной комбинации. Бессистемность и ненормативность в подборе игроков порождают абсурдность, что создаёт комический эффект и вызывает улыбку:

A golfer hitting into your group will always be bigger than anyone in your group. Likewise, a group you accidentally hit into will consist of a football player, a professional wrestler, a convicted murderer and an IRS agent - or some similar combination.

И ещё замечено, что партнёр, которого вы бы больше всего на свете не хотели бы потерять, всегда будет тем, кто вас победит в гольфе. Юмор основан на противоречии: партнёр в гольфе – это также ваш соперник:

The person you would most hate to lose to will always be the one who beats you.

Таким образом, гольф – игра, регламентируемая определёнными негласными правилами, о которых знает узкий круг посвящённых. В ней есть определённые сложности, которые носят неизбежный характер. Даже зная о них, вы не сможете избежать их, и в любом случае, вы столкнётесь с ними в ходе игры. Однако игра также непредсказуема, что и определяет её уникальность. Юмор данной группы афоризмов основан на абсурдности некоторых выводов, олицетворении неживого, сочетаемости несочетаемого и противоречии.

2. Использование инвентаря:

Игроки неизбежно сталкиваются со сложностями в игре, что находит отражение и в группе афоризмов, описывающих особенности использования инвентаря. Замечена следующая закономерность: мяч для гольфа никогда не возвращается на поле, отскочив от дерева. Если такое происходит, то такое дерево нарушает законы вселенной и подлежит вырубке. Лёгкая ирония, пронизывающая нижеприведённый афоризм, указывает на то, что даже исключения из негласных правил в игре в гольф воспринимаются членами сообщества (гольфистами) как противоречащие духу игры, её непредсказуемости и следует сделать всё, чтобы препятствий было больше, а не меньше. В данном примере также наблюдается отказ от общепринятой логики и восприятия действительности:

Golf balls never bounce off of trees back into play. If one does, the tree is breaking a law of the universe and should be cut down.

Пальмы и песок также выступают в качестве препятствий и помех и придают игре непредсказуемый характер, так как обладают свойством «оживать» и «поедать мячи для гольфа» или «играть против игрока». Таким образом, неживое олицетворяется, иллюстрирует некий сверхъестественный характер игры и вызывает улыбку или смех из-за своей нелогичности:

Palm trees eat golf balls.

Sand is alive. If it isn't, how do you explain the way it works against you?

Другая, не менее интересная закономерность касается новых брендовых мячей. Практика показывает, что они постоянно падают в воду, как будто производитель нарочно делает их намагниченными (water-magnetic). Чем дороже мяч, тем сильнее его притяжение к воде. Взаимосвязь цены и физических характеристик мячей для гольфа, безусловно, противоречит здравому смыслу и порождает комизм данного афоризма. В свою очередь, конструкция с прилагательными в сравнительной степени создаёт впечатление регулярности сравниваемых признаков, постулируя очередное негласное правило игры в гольф:

Brand new golf balls are water-magnetic. Though this cannot be proven in the lab, it is a known fact that the more expensive the golf ball, the greater its attraction to water.

Использование клюшек для гольфа, пожалуй, является ещё одним объектом для создания комического. Добиться успеха, пользуясь клюшкой с плоским крюком под номером 3 – самое сложное. Даже для опытного гольфиста использование этой клюшки подобно пытке. Атрибутивное словосочетание с прилагательным painful в превосходной степени вызывает улыбку при мысли о многочисленных попытках гольфистов попасть в цель:

Topping a 3-iron is the most painful torture known to man.

Итак, овладение искусством использования инвентаря в гольфе требует большого терпения. Далеко не всё зависит от игрока. Объектом шуток становятся игровые ситуации, которые рассматривают отклонение от нормы или правила как естественное положение дел в гольфе, являющиеся абсурдными с точки зрения обыденной логики.

3. Оценочные характеристики инвентаря, действий, игроков или полю для гольфа:

Оценочная лексика, характеризующая инвентарь, отдельные действия или игроков также содержит лёгкий юмор и иронию. Клюшки, называемые «вуд» от английского wood «деревяшка», имеют большую головку. Чем больше номер клюшки, тем короче рукоятка и больше угол наклона ударной поверхности. Все вуды под номером 3, по утверждению следующего афоризма, обладают неким демоническим свойством, то есть некой таинственностью и коварством. Очевидно, члены сообщества смогут оценить тонкий юмор данного афоризма:

All 3-woods are demon-possessed.

Едва уловимый комизм можно также заметить в оценочных характеристиках отдельных действий, основанных на таком приёме как литота, намеренном преуменьшении какого-либо качества. «Небольшое отставание» в игре (nice lag) интерпретируется как оценка, которая эквивалентна «отвратительному патту», катящему удару, выполняемому на грине. «Не-

везение» (tough break) – оценка, которую дают в случае, если новичок в игре упускает лёгкий шанс.

"Nice lag" can usually be translated to "lousy putt." Similarly, "tough break" can usually be translated "way to miss an easy one, sucker."

Чем больше у гольфиста препятствий, которые он преодолевает, ставя себя в неравные условия с соперником, тем более квалифицированным он себя считает в качестве инструктора:

The higher a golfer's handicap, the more qualified he deems himself as an instructor.

Итак, комическое в английских афоризмах о гольфе реализуется в различных игровых ситуациях, которые можно разделить на группы: «негласные правила игры», «использование инвентаря» и «оценочные характеристики инвентаря, действиям, игрокам или полю для гольфа». Комизм выделенных ситуаций заключается в том, что даже при соблюдении всех правил игры гольфист не застрахован от неудачи в силу объективных условий, в которых протекает игра.

3.10. КОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Валентин Дмитриевич Девкин (1925–2011) – выдающийся российский лингвист в области германистики, лексикологии, лексикографии, методики преподавания иностранных языков, значимую часть своих научных работ посвятил исследованиям разговорной речи и юмору. Он последовательно изучал проявления комического в разговорной речи, уделяя особое внимание языковой реализации юмора. Этой объёмной теме посвящены две его книги и множество научных статей. Кроме того, в 2015 году, спустя четыре года после кончины В. Д. Девкина, вышла в свет его монография «Язык и юмор» (под общ. ред. И. П. Амзараковой), подготовленная учениками профессора на основе его неизданных рукописных материалов, а также фрагментов его статей, посвящённых заявленной теме.

В монографии юмору даётся следующее определение: «Юмор – это что-то придуманное, что вызывает смех. Несмотря на то, что общность культуры, среда, взглядов и т.п. позволяют людям примерно одинаково считать что-то смешным, определять природу комичного очень непросто. <...> В юморе сталкивается прежде не взаимодействовавшее» [Девкин, 2015, с. 12–13]. В связи с этим анализ комической ситуации, по мнению В. Д. Девкина, должен состоять из определения следующих факторов:

- 1) обстановки протекания речи;
- 2) говорящего;
- 3) слушающего;
- 4) актуализированных языковых средств;

- 5) коммуникативно-прагматических характеристик;
- 6) культурологического фона [Девкин, 1998, с. 6].

Для учёта вышеназванных факторов необходимо учитывать не только языковые и стилистические средства реализации комического, но и обратить внимание на прагматическую направленность ситуации, так как прагматика занимается взаимодействием между знаками или языковыми выражениями и их пользователями, а также между предложениями с окружающей средой, в которой они возникают (MWD).

Центральной теорией в лингвопрагматике является теория речевых актов – это направление в лингвистике и философии языка, изучающее, как посредством речи люди совершают действия, а не просто передают информацию. Основанная Дж. Остином в 1950-х годах и позже развитая Дж. Сёрлем, эта теория исходит из идеи, что любое высказывание – это акт, направленный на взаимодействие с другими.

Основой теории является разделение речевого акта на три уровня:

Локутивный акт – произнесение слов с определённым значением и грамматической структурой. Согласно Дж. Сёрлю, «локутивный акт» представляет собой «акт высказывания» и «пропозициональный акт», включающий референцию (т.е. соотнесение знака с объектами внеязыковой действительности в процессе коммуникации) и предикацию (т. е. отношение мысли к действительности: состоянию объекта к субъекту, событие к ситуации).

Иллокутивный акт является центральным понятием в теории речевых актов. Он соотносится с коммуникативным намерением или интенцией говорящего, совмеща целенаправленность с выражением пропозиционального содержания.

Перлокутивный акт выражает результат речевого воздействия, которое говорящий интенционально достигает, выполняя локутивные и иллокутивные акты: поздравляет, убеждает, угрожает, обещает и т. д. Перлокутивный акт шире иллокутивного, перлокуция не столь жёстко связана с самим высказыванием и обусловлено прагматическим контекстом [Макаров 2003, с. 164].

Таким образом, теория речевых актов показывает, что язык – это не только средство передачи информации, но и инструмент социального действия. Каждое высказывание – это форма поступка, направленного на достижение определённой цели в коммуникативной ситуации.

В рамках нашего исследования разберём прагматические характеристики юмора в современной детской литературе. Эмпирическим материалом исследования послужила популярная серия книг “Diary of a Wimpy Kid” Джеффа Кинни. Данная книга представляет собой уникальный симбиоз дневника и комиксов. Автобиографический текст дневника и личных размышлений автора сопровождается изображениями в стиле комик-

сов, которые представляют собой взгляд на описываемую ситуацию со стороны наблюдателя. И. П. Амзаракова отмечает, что «как жанр художественной литературы комикс, с одной стороны, относится к художественному дискурсу, а с другой стороны, отражая вербальную и невербальную стороны разговорной речи, может быть отнесён к персональному типу дискурса в его бытовом проявлении. Именно в этом пограничном положении он представляет особый интерес с точки зрения текстовой структуры и отражения особенностей разговорной речи» [Амзаракова, 2022, с. 73]. В связи с этим, разбор фраз комиксов в контексте теории речевых актов с опорой на сопровождающие в дневнике описания ситуации позволяют комплексно и глубоко рассмотреть природу комического в детской разговорной речи.

Рассмотрим пример создания комического эффекта на основе несоответствия ожиданий и реакций персонажей нормами [Diary of a Wimpy Kid, 2016, p.3] (рис. 9).

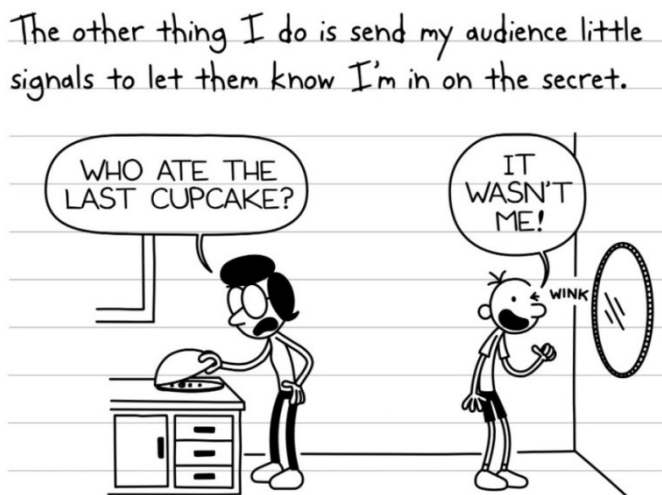

Рис. 9

Главный персонаж Грег воображает себя в мире, где идёт реалити шоу, и за всеми его действиями наблюдают воображаемые зрители. Мама же об этом не знает и задаёт обычный вопрос: «Who ate the last cupcake?» С точки зрения локутивного акта, реплика матери представляет собой прямой вопрос – формально она направлена на выяснение факта: кто съел последний кекс. Однако иллокутивная функция этой фразы заключается в другом: это скрытое обвинение или укор, замаскированный под вопрос, ведь мама и так знает, что виноват кто-то из домашних. Таким образом,

её высказывание представляет собой косвенный речевой акт – за обычным вопросом скрыт призыв к признанию. Перлокутивный эффект этой реплики предполагает чувство вины у ребёнка, ожидается, что Грег почувствует себя виноватым и сознается или оправдается.

Ответ Грега – «It wasn't me!», произнесённый с подмигиванием в зеркало, – также подлежит многоуровневому анализу. Локутивно это простое отрицание причастности, но иллокутивно оно превращается в ироничное отклонение обвинения, причём с элементом театральности. Грег даже не отвечает матери напрямую – он смотрит в зеркало, подмигивает своему отражению, будто находится в телешоу и обращается к невидимому зрителю. Таким образом, адресат речевого акта переносится, и фраза превращается в комическое представление. Это становится не просто оправданием, а своего рода игровым речевым актом, демонстрирующим детское воображение и эгоцентризм. Перлокутивный эффект здесь парадоксален: мама может быть сбита с толку или раздражена, но читатель, напротив, испытывает смех и удовольствие от абсурдности ситуации.

На прагматическом уровне эпизод обыгрывает типичный сценарий – родитель и провинившийся ребёнок – и резко отклоняется от него. Вместо стыда или раскаяния ребёнок показывает демонстративную отстранённость и превращает ситуацию в личное шоу. Такое поведение – характерный пример детской модели поведения, где личный мир и фантазия преобладают над социальными.

Рассмотрим следующую коммуникативную ситуацию на рисунке 10 [Diary of a Wimpy Kid, 2007, p. 136].

Рис. 10

Роули, лучший друг главного героя, запыхавшийся от езды на велосипеде и игры, спрашивает Грега: «Do you want to have a turn now?». Эта

реплика выполняет сразу несколько функций, что позволяет рассмотреть её с позиции иллокутивной силы высказывания.

С точки зрения локутивного акта, перед нами общий прямой вопрос, хочет собеседник поменяться местами или нет в игре, когда один кидает мяч, а второй едет на велосипеде и пытается увернуться от него. Иллокутивная функция этого вопроса – предложение, просьба, связанная с физической усталостью первого игрока, таким образом, вскрывается пропозициональное содержание этого речевого акта: «я устал». В результате прямой вопрос становится косвенным речевым актом – просьбой о передышке. Перлокутивный эффект этой реплики – сообщение об усталости, просьба подмениться и даже упрёк товарища в непонимании ситуации (Роули на изображении уже задыхается, пыхтит (pant, pant) и вокруг него капли пота).

Однако, ответная реплика второго мальчика Грегa – «No thanks... I'm not as good as you!» – также богата содержанием. Локутивно это вежливый отказ, и признание превосходства друга (комплимент), но иллокутивно – отказ на просьбу друга поменяться, причём довольно грубый. Итак, перлокутивный эффект этой, на первый взгляд, вежливой фразы: отказ, обман, сообщение нежелания делать более трудную работу.

С одной стороны, такой отказ противоречит негласному правилу дружбы: помогать и поддерживать друг друга, с другой – такое поведение так свойственно детям, заикленным в определённом возрасте только на себе, так что собеседник-ребёнок вряд ли обидится в отличие, например, от взрослого человека. Мы видим, что детская коммуникация развивается нестандартно (обычно в сложной ситуации друзья помогают друг другу) и именно эта неожиданная реакция вызывает комический эффект. Дети узнают себя, а взрослые узнают своих детей.

Рис. 11

На рисунке 11 группа школьников обсуждает внешность девушки по имени Лори. Их разговор кажется простым обсуждением внешности, однако за ним кроются скрытые смыслы: ирония, насмешка и критика – типичный пример подростковой сплетни, идеально подходящий для анализа с позиций теории речевых актов и дискурсивного анализа. Именно в подростковом возрасте юмор начинает использоваться для утверждения собственной индивидуальности, и часто ребёнку кажется смешным всё, что отклоняется от нормы, от привычных правил его социального окружения и граничит со странным [Амзаракова, 2012, с. 259–260].

Итак, первая реплика в анализируемом примере «Looks like Lori got a fancy new haircut» на уровне локутивного акта представляет собой положительное описание изменений внешности девочки Лори (прилагательное *fancy* имеет положительную коннотацию – стильный, модный, дорогой). Однако иллюкутивный акт несёт в себе ироничный или даже саркастический оттенок. На изображении видно, что фраза произнесена за спиной Лори, значит, по сути, не является комплиментом, выражение лиц тоже не свидетельствуют о реальном восхищении подружкой, скорее считается саркастическая насмешка. Мы можем представить язвительный тон этого высказывания, что также входит в индикаторы локутивной силы высказывания и превращает комплимент в насмешку. Таким образом, перлокутивная сила высказывания – снизить имидж Лори, сформировать негативное к ней отношение.

Следующая реплика «As if that makes up for her tacky earrings» произнесена также за спиной Лори и поддерживает язвительный тон беседы. Здесь используется прилагательное *tacky*, несущее уже прямую негативную коннотацию, т. е. как будто модная причёска Лори подходит её дешёвым безвкусным сережкам. Иллокуция и перлокуция этого высказывания совпадают с таковыми первой фразы, усиливая эффект критической оценки и насмешки.

И, наконец, заключительная короткая фраза нашего главного героя «As if!» желающего угодить и быть принятым в компанию осуждающих Лори, переводит ситуацию из более деликатного сослагательного наклонения в изъявительное, т. е. новая модная (уже в кавычках) причёска Лори уже не как будто, а реально подходит её дешёвым безвкусным сережкам. Таким образом, локутивная функция насмешки, оскорбления опять повторяется и даже усиливается. Перлокутивная сила этой короткой фразы отличается – убедить собеседников в их правоте, в результате чего быть принятым в их группу своих. Данный пример демонстрирует градацию перлокутивной силы, каждое высказывание усиливает предыдущее, в результате чего достигается финальная фиксация негативного образа Лори, поддержание групповой солидарности через общее неодобрение [Diary of a Wimpy Kid, 2013, p.40].

Таким образом, комический эффект в детской литературе часто достигается за счёт прагматически насыщенных речевых актов, в которых скрытые интенции, нарушение коммуникативных норм и детская непосредственность формируют яркие и узнаваемые коммуникативные ситуации, вызывающие у читателя эмоциональный отклик и улыбку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование показало, что положения и принципы описания разговорной речи, заложенные выдающимся лингвистом и лексикографом Валентином Дмитриевичем Девкиным, остаются актуальными и в период смены исследовательской парадигмы в сторону дискурсивного и когнитивного аспектов речевой деятельности человека.

Научные ученики В. Д. Девкина продолжают выполнять задачи по исследованию разговорной речи, поставленные их научным руководителем: пополняется фонд языкового материала в области словообразования, новой лексики, узуальных юмором. Большое количество новообразований возникают в силу изменения иерархии ценностей, под влиянием разных видов политкорректности.

Исходным положением выступает представление о разговорной речи как наиболее общей, объединяющей всех представителей языкового сообщества, не зависящей ни от каких различий социального и индивидуального характера разновидности устной речи, которая на все времена остаётся объектом пристального внимания лингвистов, когнитологов, психологов и педагогов.

Отличительными чертами разговорной речи является спонтанность, непринуждённость, ситуативность, некоторая сниженность, преимущественная устность. Эти черты разговорной речи проявляются в речевой деятельности носителей любого языка, в любые исторические периоды, а методы и способы описания меняются в зависимости от доминирующей в конкретный период парадигмы исследования.

В условиях современной коммуникации спонтанность и непринуждённость, «безгалстучность» разговорной речи реализуются как в бытовом разговорном, так и в институциональном, педагогическом и иных видах дискурса, включая сферы парламентских дебатов и предвыборных речей, в жанрах художественного и юмористического дискурсов.

Социальные проблемы бытия человека, изменения норм и ценностей общества ведут к обогащению словаря, появлению новых коллоквиальных феноменов, к модификации привычных терминов коллоквиалистики, как то: устность, маргинальность, амбивалентность, энантиосемия. Так, разговорный английский язык неформальной среды обозначают термином маргинальный язык, или *Bad English*, который приближается к традиционному представлению о разговорной речи в девкинском смысле слова, включает стандартные и нестандартные языковые формы, диалектные и социолектные слова и выражения. Изменяющиеся обстоятельства обуславливают и новую параметризацию языкового материала.

Изменения происходят также в реализации такой черты разговорной речи, как устность и преимущественная диалогичность. Сегодня прихо-

дится говорить о концептуально устном характере письменных текстов (прежде всего) неофициальной компьютерно опосредованной коммуникации, о диалогичности и мультимодальности языка массмедиа. Представленные в монографии исследования чат-коммуникации, подкастов, политических мемов, туристической рекламы подтверждают этот факт.

Ситуативность непринуждённой коммуникации связана как с взаимодействием говорящего с окружающей действительностью (с онтологическими событиями), так и с индивидуальными особенностями человека и психологической ситуацией общения, а также с каналом (медиумом) и техническим носителем передачи и восприятия информации.

Экспрессия и эмоциональность, присущие разговорной речи, проявляются в речевом поведении участников коммуникации в различных социальных сферах. Так, реклама туризма содержит риторико-персуазивные средства воздействия на эмоции реципиента, которые основываются на метафорическом осмыслении туристического пространства. Разговорными маркерами создаётся атмосфера доверительного общения в туристической рекламе, в политических подкастах и в чат-коммуникации. Современный политический подкаст как качественно новое явление в коммуникативном пространстве, соединяющее механизмы речевого воздействия с особенностями цифровой среды, создаёт уникальную взаимосвязь рационального с эмоциональным, индивидуального с коллективным, спонтанного с запланированным.

Отмечается амбивалентный оценочный потенциал разговорной речи, в которой одновременно может выражаться как положительная, так и отрицательная оценка. В таких видах дискурса, как художественный и кинодискурс, амбивалентность заключается в двойственности эмоциональной окраски и этической оценки персонажа и выступает ключевым средством отображения неоднородных оценочных смыслов (оценочно-положительных и оценочно-отрицательных).

Неотъемлемой частью современного интернета является юмор. Роль юмора и комического исследуется в разных видах и типах дискурса. Мемы и политическая карикатура способствуют манипулятивному воздействию на читателя в социально-политических массовых изданиях.

Подтверждается мысль В. Д. Девкина о значимости «чёрного юмора» для психологически сбалансированного самочувствия человека. Исследования показали комбинаторную природу «чёрного юмора», которая обусловлена сопряжённостью базовой семантической категории «жизнь / смерть» с категорией «радость / печаль» как его эмоциональной надстройкой, что позволяет человеку одновременно выражать своё отношение к печальным событиям и нейтрализовать горечь ситуации её комическим восприятием.

Отмечена также важность включения разговорно-окрашенных и юмористических текстов в детскую и учебную литературу. Так, комический эффект в детской литературе достигается за счёт прагматически насыщенных речевых актов, в которых нарушение коммуникативных норм и детская непосредственность формируют яркие и узнаваемые коммуникативные ситуации, вызывающие у читателя эмоциональный отклик и улыбку. Умение распознавать и интерпретировать юмор в учебных и оригинальных текстах является важным признаком коммуникативной компетентности учителя иностранного языка, а использование юмора – эффективным методическим приёмом.

Стихия разговорности охватывает всё большее пространство коммуникации, проникая даже в те сферы, которые по своей прагматической цели ориентированы преимущественно на передачу деловой информации.

Во взаимодействии дискурсов ещё много нерешенных проблем. Перспективы исследований «перекрёстков» лингвистической науки лежат в области языковой манифестации внутренней связи дискурсов музыки и танцев, парфюмерии и религии, музыки и математики и т. п.; в точках соприкосновения науки и искусства, в соотношении традиционных знаний и многочисленных сведений из других областей науки и искусства. Это сделает возможным проекции известного на новые формы знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамова М. В. Семантически сопряженные категории FREUDE и TRAUER и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.
- Акиньшина Н. Д. Парономазия в немецком языке (окказиональное словообразование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1991. 194 с.
- Алтухова Т. В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-elementov-ustnoy-i-pismennoy-rechi-v-virtualnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 26.06.2025).
- Амзаракова И. П. «Монолог» в немецкой разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1985. 248 с.
- Амзаракова И. П. Валентин Дмитриевич Девкин: Жизнь и лингвистическое наследие // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящённой памяти профессора Валентина Дмитриевича Девкина. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2015. С. 7–10.
- Амзаракова И. П. Любить лингвистику в себе, а не себя в лингвистике: Интервью с профессором В. Д. Девкиным // Слово в языке и речи: аспекты изучения: материалы Международной конференции к юбилею профессора В. Д. Девкина. Москва: Прометей, 2005. С. 10–17.
- Амзаракова И. П. Ребёнок: язык, текст, коммуникация. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2012. 332 с.
- Амзаракова И. П. Эмоции и экспрессия в немецких комиксах для детей // Язык и личность: материалы Всероссийского Круглого стола, посвящённого памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Сибирского отделения Академии наук Высшей школы России, академика Российской Академии гуманитарных наук Ю. М. Малиновича, Иркутск, 20 апреля 2022 года. Иркутск: Иркутский нац. исслед. техн. ун-т, 2022. С. 67–79.
- Амзаракова И. П., Кульпина Л. Ю. Разговорная речь сквозь призму языковой вариативности: лингвистический и лингвометодический аспекты // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т. 21. № 1. С. 132–140.
- Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Москва: Академия, 2003. 128 с.
- Аристотель. Политика // соч.: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. Москва: Мысль, 1984. 830 с.
- Аристотель. Поэтика / пер. М. Гаспаров, М. М. Позднев // Рипол Классик. Серия. 2017. 224 с.
- Арская М. А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное/безобразное) и её онтология в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 185 с.
- Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50–64.
- Арутюнова Н. Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Москва: Индрик, 2007. С. 5–17
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 347, 352.

Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2009. 35 с.

Бабаева Р. И. «Цифровой» нарратив в немецкоязычных медиатекстах юмористического дискурса // *Германистика – 2024: nove et nova: материалы VII Международной научной конференции*, г. Москва, 27–29 ноября 2024 года / отв. ред. канд. филол. наук Е. П. Привалова. Москва, 2025. С. 46–48.

Бабаева Р. И., Яценко А. С. Феминные типажи немецкоязычной смеховой лингвокультуры: номинации женщин в анекдотах // *Crede Experto: транспорт, общество, образование*, язык. 2021. № 1. С. 69–81.

Байдикова Н. Л. Формально-стилистические характеристики способов передачи чужой речи (на материале англоязычных художественных произведений) // *Научный диалог*. 2018. № 3. С. 19–31. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-19-31> (дата обращения: 12.08.2025).

Бакеева Е. В. Введение в онтологию: образы мира в европейской философии: курс лекций: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 388 с.

Банников К. Л. Смех и юмор в экстремальных группах (на примере некоторых аспектов доминантных отношений в современной Российской Армии) // *Козинцев А. Г. Смех: истоки и функции*. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 172–186.

Барский Л. А. Анатомия английского юмора: учеб. пособие для вузов. Москва: Красанд, 2018. 188 с.

Барышева С. Ф., Клушина Н. И. Креативные ресурсы категории разговорности в современной интернет-коммуникации // *Верхневолжский филологический вестник*. 2022. № 4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-resursy-kategorii-razgovornosti-v-sovremennoy-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 24.07.2025)

Бахтин М. М. Собрание сочинение. Т. 5. Москва: Русские словари, 1997. 731 с.

Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др. Современный русский язык: учебник для филол. специальностей ун-тов / отв. ред. В. А. Белошапкова. Москва: Высш. шк., 1989. 800 с.

Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). Москва: Тривола, 2000. 248 с.

Беспалов П. В. Компьютерная компетентность в контексте личностно ориентированного обучения // *Педагогика*. 2003. № 4. С. 41–45.

Бикус Д. Ю. Вербальные и невербальные характеристики англоязычного чёрного юмора (на материалах кинотекста) // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. Вып. 2. Нижний Новгород, 2024. С. 182–186.

Бирих А., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 2001. 700 с.

Блейлер Э. Аффективность, внушение, паранойя. Москва: Центр психологической культуры, 2001. 208 с.

Блинова О. А. Обложка журнала как мультимодальный текст // *Научный диалог*. 2019. № 5. С. 9–24.

Блинова О. А. Способы передачи чужой речи в художественном тексте (миметическая классификация) // *Russian Linguistic Bulletin*. 2021. № 4 (28). С. 153–157.

Блонский П. П. Педология: Кн. для преподават. и студ. высш. пед. учеб. заведений. Москва, 1999. 288 с.

Бойкова И. Б. Нетривиальные типы семантической деривации в коллоквиальной и молодёжной лексике современного немецкого языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2022. Т. 15. Вып. 7. С. 2258–2266. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20220366> (дата обращения: 25.09.2025)

Борисова И. В. Семантика эгоцентрических категорий: Liebe, Hass и их актуализация в немецком языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2003. 160 с.

Браницкий А. А., Шарма Я. Д., Котенко И. В., Федорченко Е. В., Красов А. В., Ушаков И. А. Определение психического состояния пользователей социальной сети reddit на основе методов машинного обучения // Информационно-управляющие системы. 2022. № 1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-psihicheskogo-sostoyaniya-polzovateley-sotsialnoy-seti-reddit-na-osnove-metodov-mashinnogo-obucheniya> (дата обращения: 07.08.2025).

Брутян Л. Г. Рецензия на монографию В. К. Харченко «Слово и мысль. На один шаг вперед (Москва: ИНФРА-М, 2024. 219 с.) // Проблемы современной русистики. № 14 (18). Ереван, 2024. С. 309–311.

Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 17–36.

Буренкова С. В. Актуальные проблемы языковой политики Германии: гендерное равенство в языке // Омские социально-гуманитарные чтения: мат-лы XIII Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: ОмГТУ, 2020. С. 26–29.

Буренкова С. В. Жанровые особенности немецких анекдотов // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 38–41.

Буренкова С. В. Исследование динамики немецкого концепта Familie // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2018. № 4 (21). С. 56–59.

Буренкова С. В. Лексические инновации экологической сферы и их перевод (на материале немецкого языка) // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 94–99.

Буренкова С. В. Немецкие жизненные нормы сквозь призму лексики языка. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2009. 194 с.

Буренкова С. В. Новое в лексике немецкого языка (на материале лексикона пандемии коронавируса) // Омские социально-гуманитарные чтения: мат-лы XIV Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: ОмГТУ, 2021. С. 251–256.

Буренкова С. В. О значимости норм и незначительности нарушений (на примере немецкой лингвокультуры) // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (2). С. 100–103.

Буренкова С. В., Панвиц К. Коронавирус в жизни современного немецкого общества и в лексике языка // Омские социально-гуманитарные чтения: мат-лы XIV Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: ОмГТУ, 2021. С. 35–44.

Бутенко Ю. И., Шершнева Е. А. Аспекты разграничения устных и письменных текстов на примере интернет-чатов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-razgranicheniya-ustnyh-i-pismennyh-tekstov-na-primere-internet-chatov> (дата обращения: 26.09.2025).

Быченков В. М. Аномия // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d32a44e4292a9a4279a3d> (дата обращения: 26.02.2023).

Вежибicka А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Вержинская И. В. Лингвокультурологические особенности средств реализации комизма в британском дискурсе // В мире научных открытий. 2011. № 7. С. 20–26.

Виноградов В. В. Избранные труды: в шести томах. Т. 5. О языке художественной прозы. Москва: Наука, 2018. 344 с.

Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / пер. с англ. Изд. 2-е., испр. Москва: Р. Валент, 2003. 192 с.

Владимирская Л. М. Философско-лингвистический потенциал категории утверждения/отрицания в современном немецком языке. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 183 с.

Власова О. В. Сказочные образы в интернет-меме как креолизованном тексте // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2022. Т. 15. Выпуск 4. С. 1231–1241.

Войсунский А. Е. Виртуальная коммуникация // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1916019> (дата обращения: 31.07.2025).

Волкова Н. А. Высмеивание и аргументирование: проблема взаимодействия речевых жанров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2005. 26 с.

Вольская Н. Н., Василькова Н. Н. Комическое в жанровой системе современных печатных СМИ // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komicheskoe-v-zhanrovoy-sisteme-sovremennyh-pechatnyh-smi?ysclid=mf8719kt9z82153885> (дата обращения 06.09.2025)

Вольф Е. М. Функциональная семантика. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Воробьев Г. А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 30–35.

Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / Институт языкознания АН СССР; ред. А. А. Леонтьев. Москва: Наука, 1971. С. 79–96.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.

Голев Н. Д. К соотношению к лексической и словообразовательной мотивации (функциональный аспект). Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1985. С. 117–124.

Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и её отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 5 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pismennaya-razgovornaya-rech-i-ee-otrazhenie-v-obydennom-metayazykovom-soznanii-uchastnikov-virtualnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 12.08.2025)

Голоднов А. В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (13). С. 7–18.

Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2016. Т. 20. № 1. С. 57–76.

Гришина Н. В. Жизненное событие: сила обстоятельств и авторство личности // Вестник Московского гос. обл. ун-та. 2020. № 4. С. 164–182. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 20.04.2024).

Гулевич О. А., Калашник П. В. Политический юмор в массовой коммуникации // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 23–37.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984. 400 с.

Девкин В. Д. Bildwörterbuch zum Lachen. Москва: б. и., 2008. 470 с.

Девкин В. Д. Абсурд и юмор // Частные проблемы лексикологии немецкого языка. Сб. лингвистических статей под ред. В. Д. Девкина. Москва: МПГУ, 2008. С. 46–50.

Девкин В. Д. Занимательная лексикология. Москва: Владос, 1998. 312 с.

Девкин В. Д. Лексикографический аспект комического номинации // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Вып. 2. Тамбов, 1998. С. 45–52.

Девкин В. Д. Мотивированность слова и декодирование его лексической семантики. // Логико-семантическая структура текста. Москва: Наука, 1990. С. 102–112.

Девкин В. Д. Немецкая лексикография. Москва: Высшая школа, 2005. 670 с.

Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. Москва: Междунар. отношения, 1979. 256 с.

Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12 000 слов. Москва: Русский язык, 1994. 768 с.

Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. Москва: Международные отношения, 1965. 319 с.

Девкин В. Д. Язык и юмор: монография / под общ. ред. И. П. Амзараковой. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2015. 208 с.

Делез Ж. Логика смысла. Москва: Академический Проект, 2011. 472 с.

Дерюгина Д. А. Об одной из функций метонимии в разговорной речи: языковая игра // XVI Королевские чтения: Междунар. молодёж. науч. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю. А. Гагарина: сб. материалов: 5–7 окт. 2021 г. В 3 т. / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т); науч. ред. М. А. Шлеенков. 2021. Т. 2. С. 845–846.

Дземидок Б. О. О комическом. Москва: Прогресс, 1974. 223 с.

Добрин К. Ю. Социальная норма в традиционном и современном обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 1. С. 116–121.

Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.

Дойникова М. И. Юмористические средства в политических интернет-мемах (на материале немецкого языка) // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2023. Т. 16. Выпуск 10. С. 3272–3279.

Долгова А. О. Лингвистические трудности перевода английского юмора (на примере английских шуток и анекдотов) // Гуманитарные технологии в образовании и социосфере: материалы III Международной научно-практической конференции (26–28 апреля 2016 г.). Минск: центр БГУ, 2016. С. 139–145.

Домбровская И. С. Юмор в контексте развития. Montreal: T/O «НЕФОРМАТ», Accent Graphics Communications, 2014. 280 с.

Евстафьева М. А. Тематическое поле чёрного юмора // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. С. 24–31.

Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам: учеб. пособие для вузов. Санкт-Петербург: КАРО, 2015. 351 с.

Елухина Н. В. Роль дискурса в межкультурной коммуникации и методика формирования дискурсивной компетенции // Иностр. яз. в школе. 2002. № 3. С. 9–13.

Ермакова О. П. Ирония и её роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.

Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренней форма слова // Изв. АН СССР. Москва, 1985. Выпуск 6. С. 518–525.

Жуланова Е. В. Возможности передачи и восприятия культурной специфики комического дискурса в условиях киноперевода // Вестник: научный журнал. 2014. № 3. С. 54–60.

Зализняк А. А., Микаэля И. Переписка по электронной почте как лингвистический объект // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Международной конференции Диалог'2006. Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006. М., 2006. С. 157–162. URL: <https://dialogue-conf.org/media/2025/zaliznyak.pdf> (дата обращения: 12.08.2025).

Занадворова А. В. О терминах «письменная разговорная речь» и «непринуждённая письменная речь» // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3. С. 86–96.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. АН СССР. Ин-т рус. яз. Москва: [б. и.], 1968. 97 с.

Зими́на Н. В. Языковые средства реализации коммуникативной тактики обвинения в немецком политическом дискурсе (на материале дебатов в бундестаге) // Известия Волгоградского пед. ун-та. Сер. Филологические науки. 2021. № 8 (161). С. 133–140.

Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 34–42.

Зорина Е. С. «Чужая речь» и речь автора в современном художественном тексте // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2011. Вып. 4. С. 134–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhaya-rech-i-rech-avtora-v-sovremennom-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 12.08.2025).

Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. Санкт-Петербург 2011. С. 61–62

Иванова С. В., Зубарева В. Н. Жанровые особенности коммента как интернет-текста // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. №4. С. 1147–1151.

Ивицкий И. Теннисная энциклопедия. URL: <http://tennis-i.com/tennisnaya-entsiklopediya/pravila-tennisa/golf-sut-i-kratie-pravila-igry.html> (дата обращения: 12.08.2025).

Изард К. Э. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 464 с.

Изгаршева А. В. Лингвистическая интерпретация интернет-мема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 24 с.

Ильинская Я. А. Лингвистические особенности англоязычного чата // Вестник науки и образования. 2020. № 10-2 (88). С. 62–64.

Инфантова Г. Г. Русская разговорная речь: Тексты. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ун-та, 2006. 173 с.

Инфантова Г. Г. Экономия сегментных средств в синтаксисе современной русской разговорной речи: дис. ... д-ра филол. наук. Таганрог, 1975. 484 с.

Иссерс О. С. Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2012. 320 с.

Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник ИГЛУ. Иркутск, 2009. № 2. С. 132–137.

Канашина С. В. Интернет-мем и юмор // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. Вып. 41 (2). С. 317–328

Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 265 с.

Кант И. Критика способности суждения: пер. с нем. / вступ. ст. А. Гулыги. Москва: Искусство, 1994. 365 с.

Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 392 с.

Кедров К. А. Параллельные миры. Москва: АиФ-Принт, 2001. 460 с.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.

Кичибекова М. В. Positive thinking как феномен американской коммуникативной культуры // Евразийский союз учёных. 2014. № 7-7 (7). С. 108–109.

Кожемякин Е. А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости. 2025. № 4. С. 1–13.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. Москва: Флинта: Наука, 2008. 462 с.

Козинцев А. Г. Смех: истоки и функции. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 220 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А – О. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.

Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития: материалы научно-практ. конф. с междунар. участием, посвящённой памяти профессора Валентина Дмитриевича Девкина, Абакан, 22–24 октября 2015 г./ отв. ред. И. П. Амзаракова. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2015. 216 с.

Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации // Жанры речи. Т. 19. № 2 (42). С. 168.

Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialogichnost-v-zhanrah-internet-kommunikatsii-chat-forum-blog> (дата обращения: 16.09.2023).

Колокольцева Т. Н. Разговорная речь и разговорный стиль интернет-эпохи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 102–108.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. Москва: URSS, 2005. 120 с.

Копчук Л. Б., Андреева В. А. Коммуникация 2.0: языковые особенности переписки в мессенджере немецкоязычной молодёжи Швейцарии. Вестник Санкт-Петербургского университета // Язык и литература. 2022. № 19 (3). С. 627–645.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва: ЧеРо, 2003. 349 с.

Котова Н. С. Амбивалентная языковая личность в прагматическом пространстве художественного текста // Научная мысль Кавказа. 2009. № 3. С. 94–98.

Кретов А. А. О самом главном (Рец. на кн.: Харченко В. К. Слово и мысль: на один шаг вперед. М.: Инфра-м, 2024. 219 с.) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 150–154.

Круглова Т. С. К проблеме классификации метонимии // Университетское образование: сб. статей XVI Международной научно-методической конференции. Посвящается 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина, Пенза, 03–04 апреля 2012 года / под ред. В. И. Волчихина, Р. М. Печерской. Пенза: Пензенский государственный университет, 2012. С. 171–172.

Кубракова Н. А. Чат-коммуникация и разговорная речь (на примере русского и английского языков) // Филология и человек. 2009. № 2. С. 140–145.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. Москва: Знак, 2012. 208 с.

Кузнецов А. В. Многозначность корневых морфем в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 20 с.

Кузовникова Е. Г. Немецкоязычный чёрный юмор: прагмалингвистический и социокультурный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024. 197 с.

Кузовникова Е. Г., Нефедова Л. А. Чёрный юмор в неформальном академическом дискурсе (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 1920–1926.

Куликова Л. В. Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2006. 327 с.

Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: СамарГПУ, 1999. 180 с.

Кустова Г. И. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 125–133.

Лаптева О. А. Разговорная речь // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3490541> (дата обращения: 31.07.2025).

Ларина Т. В., Озюменко В. И., Ишанкулова Д. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // Вопросы психолингвистики, 2011. № 13. С. 52–63.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Москва: Ключ-С, 1999. 224 с.

Лейвен-Турновцева И., ван. Панстратические и пантопические аспекты семантизации отклонений от нормы в стандарте и нестандарте европейских языков // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 134–148.

Литневская Е. И. К вопросу о принципиальной возможности бытования разговорной речи в письменной форме // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 4. С. 1186–1189.

Литневская Е. И. Об особенностях конситуативности при дешифровке письменной разговорной речи // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-konsituativnosti-pri-deshifrovke-pismennoy-razgovornoj-rechi> (дата обращения: 12.08.2025)

Литневская Е. И. Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pismennaya-razgovornaya-rech-mif-ili-realnost> (дата обращения: 04.04.2024).

Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Ю. Арутюнова. Москва: Индрик, 2003. 637 с.

Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Ю. Арутюнова. Москва: Индрик, 2002. 648 с.

Лушников Г. И., Синельникова Л. Н. Амбивалентность интертекстуальных значений в поэтическом дискурсе // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 58–67.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 164 с.

Максимова К. Карандаш как оружие: политическая сатира в Германии // Информационный портал Germania-online. 2015. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/medien/satire-in-deutschland-1913492> (дата обращения: 04.07.2025).

Малинович Ю. М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука: Лингвофилософский и понятийно-содержательный базис // Антропологическая лингвистика: Вестник ИГЛУ. Сер. Антропологическая лингвистика. Иркутск, 2004. № 7. С. 4–15.

Малинович Ю. М. Антропологическая лингвистика: Человек. Язык. Культура. Лингвофилософские исследования. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2025. 336 с.

Маслыко Е. А., Бабинская Г. К. Настольная книга преподавателя иностранного языка. Минск: Выш. школа, 2001. 522 с.

Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / под ред. Т. И. Зелениной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 160 с.

Мещерякова Е. Ю. Функциональные особенности чёрного юмора в сети интернет // Вестник магистратуры. Вып. 6-1. Йошкар-Ола, 2021. С. 83–84.

Миллер Уильям Р. С другой стороны. Как амбивалентность формирует нашу жизнь. Москва: Научный мир, 2023. 192 с.

Милованов В. Д. (Девкин В. Д.). Словарь курьёзов смешных и несмешных. Москва: ЭТС, 2000. 45 с.

Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса. Москва: Буки Веди, 2016. 172 с.

Миловская Н. Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот (на материале немецкого языка). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. 137 с.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. 1988. С. 281–309.

Миролюбов А. А., Цетлин В. С. Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе / под ред. А. А. Миролюбова, И. В. Рахманова. Москва: Просвещение, 1967. 504 с.

Митина Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя. Москва: Академия, 2004. 320 с.

Мишуткина И. И. Семантически сопряженные категории *Leben* и *Tod* и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 20 с.

Наговицына И. А. Ситуативная амбивалентность как средство создания комического эффекта в аспекте перевода (на материале англоязычных комедийных фильмов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Язык и литература». 2007. Вып. 1. Ч. 2. С. 80–84.

Нефедова Л. А. Герои будней, грешники и шерифы. Образные номинации лица как средство реализации манипулятивной номинативной стратегии в дискурсе СМИ (на материале немецкого языка 2020–2023 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. С. 1654–1660.

Нефедова Л. А. Иноязычное слово как узуальная юморема // Слово в языке и речи: аспекты изучения. Материалы международной конференции к юбилею профессора В. Д. Девкина. Москва: Прометей, 2005. С. 310–315.

Нефедова Л. А. Иноязычное слово как узуальная юморема в повседневном общении (сравнительный анализ немецкого и русского языков) // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 77–83.

Нечаева Н. А. Интегративность как свойство языковых единиц // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 188–195.

Никифорова В. Г. Профессор Валентин Дмитриевич Девкин: библиографический указатель. Москва: Прометей, 1995. 81 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов. Москва: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003.

Описание разговорной речи: проблемы и перспективы. Школа В. Д. Девкина / отв. ред. И. П. Амзаракова. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. 216 с.

Панов С. И., Панова О. Ю. Издание французской литературы в СССР: от 1920-х к 1930-м. URL: <http://www.litcontact.ru/izdateli-i-chitateli/s-i-panov-o-yu-panova-izdanie-frantsuzskoj-literatury-v-sssr-ot-1920-kh-k-1930m> (дата обращения: 25.03.2025).

Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. Москва: Флинта: Наука, 2011. 160 с.

Пашаева И. В. Семантически сопряженные категории: *DAS GUTE* / *DAS BÖSE* и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 18 с.

Платон. Государство // Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 1.; пер. с древнегреч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. 687 с.

Попова А. Р. Жанр стихофразы: креативные возможности русской фразеологии: монография. Орел: ООО «Горизонт», 2022. 255 с.

Попова А. Р. О новой книге В. К. Харченко «Слово и мысль» // Клаузура, 6 мая 2024 г. URL: <https://klauzura.ru/2024/05/o-novoj-knige-very-harchenko-slovo-i-mysl-na-odin-shag-vpered/> (дата обращения: 04.09.2025).

Попова А. Р. Формирование языковой личности студента и преподавателя-филолога. О «школе мышления» В. К. Харченко // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел. 2024а. № 3 (104) С. 251–256.

Потапова С. Ю. Рецензия на книгу В. Д. Девкина «Немецкая лексикография» // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 5. Рязань, 2007. С. 145–147.

Потапова С. Ю., Робертус М. М. «Наслажденчество» жизнью (к 90-летию со дня рождения В. Д. Девкина) // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 4 (35). Рязань, 2010. С. 7–13.

Принцева А. В. Двойственность этого мира: хорошо или плохо // Сайт психологов. № 1. URL: <https://www.b17.ru/article/568178/> (дата обращения: 30.08.2025).

Принципалова О. В., Саванкова Е. В. Выкрики и перебивание в парламентской коммуникации как элементы постановочного диалога (на примере парламентских дебатов в германском бундестаге). URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2023/11/Printsipalova.pdf> (дата обращения: 31.08.2025).

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха : учеб. пособие. Санкт-Петербург: Лабиринт, 2017. 284 с.

Рахманов И. В. Очерк по истории методики преподавания новых западноевропейских иностранных языков. Москва: Гос. уч.-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947. 196 с.

Ребрина Л. Н. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии: тематическая группа «Большая коалиция» // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 239–257.

Ржеуцкий В. Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история. URL: <https://iknigi.net/avtor-vladislav-rzheuckiy/242474-francuzskiy-yazyk-v-rossii-socialnaya-politicheskaya-kulturnaya-i-literaturnaya-istoriya-vladislav-rzheuckiy/read/page-1.html> (дата обращения: 25.03.2025).

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Астрель: АСТ, 2001. 624 с.

Романов Д. А. Слово как проекция мысли // Филоlogos. 2024. № 3. С. 100–104.

Романова Е. В. Немецкий юмор: лингвистический и культурологический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №7 (37): В 2-х ч. Ч. 1. С. 168–172.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 429 с.

Рохлина Т. А. Семантика мема и репрезентация ситуации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Вып. 8. С. 2507–2511.

Руфьева А. И. Система глагольной префиксации в современном немецком языке: пособие по словообразованию. М.: МГИИЯ им. М. Тореца, 1980. 134 с.

Рябцева Н. К. Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 179–183.

Рягузова Е. В. Психологическая ситуация как предмет теоретической рефлексии // Проблемы социальной психологии личности: сб. тезисов по проблемам психологии личности. Саратов: Изд-во Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2008. URL: <https://psyjournals.ru>. (дата обращения: 15.08.2025).

Садикова В. А. От категорий и топик Аристотеля к интегративной лингвистической парадигме // Biocosmology-Neo-Aristotelism. Vol 3. № 2. Spring 2013. С. 298–313.

Садикова В. А. Топика в мышлении и речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (027). С. 110–117.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 544 с.

Сидорова М. Ю. Русский язык и культура речи. Москва: Проспект, 2008. С. 398.

Скиба Я. В. Отражение комизма слова в словарях немецкого языка (на материале имени существительного): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1997. 264 с.

Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с.

Сластёнин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И. [и др.]. Педагогика. Москва: Школа-Пресс, 1998. 512 с.

Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. Т. IV. С-Я. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 797с.

Собянина В. А. Лингвокультурные особенности профессиональных анекдотов в немецкоязычном интернет-пространстве // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В. Д. Девкина / отв. ред. И. П. Амзаракова. Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета, 2015. С. 160–166.

Собянина В. А. О чём смеются в интернете? Лингвистический и лингвокультурологический анализ юмора // Litera. 2024. № 11. С. 129–139.

Собянина В. А. Языковая репрезентация этностереотипов в немецких анекдотах и шутках (на примере интернет-сайтов) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2018. № 1 (124). С. 125–130.

Степанова И. В. Лингвокогнитивные характеристики текстов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета: научный журнал / гл. ред. В. В. Садырин. Челябинск: ЮУрГУ, 2014. Вып. 2. С. 312–320.

Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. Москва: КомКнига, 2007. 376 с.

Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle. 1989. S. 279–282.

Строкан Е. В. Амбивалентность оценки в медийном тексте // Университетский научный журнал. 2019. № 50. С. 132–139.

Татьянина М. И. Функции чёрного юмора с точки зрения психологии. URL: <https://www.b17.ru/article/682467/> (дата обращения: 06.07.2024).

Терехова Е. В. Отражение представлений о времени в немецкой фразеологии // Лингвистика и образование: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию Московского педагогического государственного университета, г. Москва, 24–25 ноября 2022 г. Москва: МПГУ, 2023. С. 207–211.

Тюкина Л. А. Юмористический диалогический дискурс: анекдоты в эпоху COVID-19 // Казанская наука. 2021. № 4. С. 148–151.

Федосова О. В. Метафора в разговорном стиле испанского языка // Русистика. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-razgovornom-stile-ispanskogo-yazyka-1> (дата обращения: 15.08.2025).

Фещенко В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвостетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 16–35.

Философская энциклопедия. Т. 4 / гл. ред. Ф. В. Константинов. Москва: Сов. энциклопедия, 1967. 592 с.

Фомин А. Г., Смакотина Н. А. Комбинаторика вербальных и невербальных кодов сообщений (на примере интернет-публикаций веб-сайта Reddit.com) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. № 4. С. 329. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kombinatorika-verbalnyh-i-neverbalnyh-kodov-soobscheniy-na-primere-internet-publikatsiy-veb-sayta-reddit-com> (дата обращения: 12.09.2025).

Фролова И. В., Елинсон М. А. Интернет-коммуникация как феномен глобализирующегося мира // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 1083–1085.

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Харченко В. К. Слово и мысль: на один шаг вперед: монография. Москва: ИНФРА-М., 2024. 219 с.

Храмова Г. А. Verba dicendi в немецкой разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1982. 203 с.

Храмова Г. А. Verba dicendi в немецкой разговорной речи: материалы к практическим и теоретическим занятиям по лексикологии и стилистике. Москва: Прометей, 1981. 75 с.

Черниговская Т. В. Интернет, мозг и «жидкий мир». Москва: Лекторий, Прямая речь, 2016. URL: <https://patephone.com/audiobook/8072-internet-mozg-i-zhidkii-mir> (дата обращения: 12.09.2025).

Черниговская Т. В. Мозг и творчество. М.: Лекторий, Прямая речь, 2017. URL: https://www.pryamaya.ru/tatyana_chernigovskaya_mozg_i_tvorchestvo_lending_new (дата обращения: 12.09.2025).

Черниговская Т. В. Мозг, язык и сознание. Чеширская улыбка кота Шредингера. Москва: Изд-во «АСТ», 2021. 656 с.

Чеснокова И. А. Особенности устной/письменной речи в электронном письме // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustnoy-pismennoy-rechi-v-elektronnom-pisme> (дата обращения: 24.09.2025).

Чистюхина О. П. Борхес. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов на Дону: Издательский центр «МарТ», 2005. 112 с.

Чой Чжи Ен. Способы передачи чужой речи в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. 170 с.

Шабунина Э. В. Английский юмор как лингвокультурное явление (на материале творчества П. Г. Вудхауса). Санкт-Петербург: Гиперион, 2012. 54 с.

Шаманская М. А. Языковая репрезентация концептов MANN и FRAU: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.

Шаповалова О. Н. Метафора: понятие и теоретические подходы // Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 120–124.

Шаховский В. И. В. Д. Девкин о юморе // Известия ВГПУ. 2009. С. 197–200.

Ширяева Н. В. Лингвокогнитивная репрезентация категории комического в немецком языке (на материале типа текста «анекдот»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.

Школа В. Д. Девкина. Описание разговорной речи: проблемы и перспективы / сост. И. П. Амзаракова, В. А. Савченко; под ред. И. П. Амзараковой. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2010. 216 с.

Шмаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры. Москва: Новая школа, 1994. 240 с.

Шмелева Н. Л. Понятие «чёрный юмор» и его функционально-стилистические особенности // Альманах современной науки и образования. Вып. 8. Ч. 2. Тамбов, 2009. С. 210–212.

Штерн Э. «Серьёзная игра» в юношеском возрасте // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность: хрестоматия. Москва: Академия, 2003. С. 471–481.

Шустрова Е. В. Методика анализа графических метафор // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 70–80.

Эбзеева Ю. Н., Дугалич Н. М. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 127–133.

Эпштейн О. В. Лингвокультурный феномен чёрного юмора // Интеллект. Инновации. Инвестиции. Социальный выпуск. Оренбург, 2013. С. 126–130.

Яблокова Т. Н. Концептуализация эмоциональной амбивалентности (на материале современного английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1 (77). С. 184–189.

Яхина Д. И. Образные средства в современной русской разговорной речи: на материале метафор и сравнений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 22 с.

Androutsopoulos J. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1998. XIII. 684 S.

Androutsopoulos J., Busch F. Register des Graphischen. Skizze eines Forschungsansatzes // Androutsopoulos J., Busch F. (Eds.) Register des Graphischen. Berlin, 2020. S. 1–29.

Bakhtin A. A. The Dialogic Imagination: four essays / ed. by M. Holquist; transl. by C. Emerson, M. Holquist. Austin: University of Texas Press; no. 1. 1981. 444 p. URL: http://www.europhd.net/sites/europhd/files/images/onda_2/07/27th_lab/scientific_materials/jesuin o/bakhtin_1981.pdf (дата обращения: 06.11.2024).

Bartelmus M., Nebbrig A. (Hg.). Digitale Schriftlichkeit. Bielefeld, 2024. 254 S.

Barz I., Schröder M. Wortbildungskonstruktionen als Benennungseinheiten. Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsberichte, 105. Berlin, 1983. S. 7, 11.

Bausinger H. Typisch deutsch: Wie deutsch sind die Deutschen? München: Beck, 2002. 176 S.

Beard M. A don's life: Why Donald Trump really IS like Julius Caesar. TLS. URL: <https://www.the-tls.com/regular-features/mary-beard-a-dons-life/why-donald-trump-really-is-like-julius-caesar> (дата обращения: 07.09.2025).

Beißwenger M., Pappert S. Small Talk mit Bildzeichen // Z Literaturwiss Linguistik. 2020 (50). S. 89–114.

Benedict R. Patterns of Culture / R. Benedict. Boston: Houghton Mifflin, 1934. 290 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.184602/page/n13/mode/2up> (дата обращения: 07.07.2024).

Bevölkerung mit Migrationshintergrund. URL: <https://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/soziale-situation-in-deutschland/61646/migrationshintergrund-i> (дата обращения: 06.09.2025).

Brockhaus' Konversationslexikon: in 6 Bänden. Stuttgart: Brockhaus; Wiesbaden: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. B. 5. S. 906.

Crystal D. Language Death. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 198 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/language-death/3DB03D3B36D66FF59416EDD1BD38C76B> (accessed: 05.11.2024).

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge university press, 2001. IX. 272 p.

Datenbank für gesprochenes Deutsch. URL: https://dgd.ids-mannheim.de/dgd/pragdb.dgd_extern.sys_desc?v_session_id=74A7F09F138C2081543AD41C2D2C0401 (дата обращения: 12.07.2025).

Deutsche sind gegen Corona-Lockerungen – trotzdem viele Regelverstöße. URL: <https://www.rtl.de/cms/psychologe-warum-die-corona-disziplin-in-deutschland-jetzt-nachlaesst-4523735.html> (дата обращения: 16.03.2021).

Devkin, Valentin D. Der russische Tabuwortschatz (Русская сниженная лексика). München: Langenscheidt, 1996. 126 S.

Die drei wichtigsten Werte der Deutschen. URL: <https://www.experten.de/2020/02/25/die-drei-wichtigsten-werte-der-deutschen/> (дата обращения: 06.09.2025).

Die Liste von ca. 600 Synonymen für Warmduscher. Lätta-Esser, Disketten-Einfetter & Co... URL: <https://www.gerstlauer.de/andreas/fun/warmduscher.html> (дата обращения: 09.07.2025).

DUDEN – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache, 4. Aufl. Mannheim, 2012. CD-ROM – (DGWDS).

DUDEN – Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim: Dudenverlag, 2000. 224 S.

Duden. Das Synonymwörterbuch. Bd. 8. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden Verlag, 2006.

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik B. 11. W. Scholze-Stubenrecht, A. Haller-Wolf, M. Schoch. Berlin: Dudenverlag, 2013. 928 S.

Duden. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 06.09.2025).

Durchblick: Community Organizing // Sozial Extra. 2022. № 4. P. 301–307. URL: https://servwiss.bib.hs-hannover.de/frontdoor/deliver/index/docId/2410/file/szynka2022-gespraech_szynka_mueller.pdf (дата обращения: 14.07.2025).

Dürscheid Chr. Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme // ZfAL Zeitschrift für Angewandte Linguistik, Sonderdruck. 2003. Heft 38. Lausanne: Peter Lang, 2003. S. 37–56.

Dürscheid Chr. Neue Dialoge – alte Konzepte? Die schriftliche Kommunikation via Smartphone // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2016. № 44 (3). S. 437–468.

DWDS: Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://dwds.de> (дата обращения: 06.11.2024).

Enzyklopädie der Psychologie. In 4 Bd. Bd.1. Psychologie der Erziehung und Sozialisation. Pädagogische Erziehung. Göttingen, Bern, Toronto, Seattle: Hofgrete Verlag für Psychologie, 1994. 694 S.

Fandrych Ch. Sprachliche Variation im digitalen Zeitalter: Herausforderungen, Impulse, Chancen // Barras M. et.al. (Hrsg.): DaF/DaZ im Wandel (Gesamtschweizerische DaF/DaZ-Tagung: Tagungsakten 2024). Fribourg, 2025. S. 7–24.

Feick D., Knorr P. Zur Multimodalität bilingualer Messenger-Interaktion im virtuellen Austausch // ZIAF 2024. Band 4. Heft 1. S. 165–187.

Fishman J. A. Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 1989. 717 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/abs/joshua-a-fishman-language-and-ethnicity-in-minority-sociolinguistic-perspective-clevedon-england-multilingual-matters-1989-pp-x-717/0C28B48C1A6145A7D3692ED031C32FC6> (accessed: 06.11.2024).

Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 1991. 431 p. URL: https://books.google.com/books/abo-ut/Reversing_Language_Shift.html?id=ah1QwYzi3c4C (дата обращения: 10.07.2024).

Fleischer W. Aspekte der sprachlichen Benennung. Berlin: Akademie, 1984. 280 S.

Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1971. 327 S.

Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Walter de Gruyter GmbH & CO. KG, Berlin/Boston., 2012. 484 S.

Gaugner H. Durchsichtige Wörter. Zur Theorie der Wortbildung. Heidelberg, 1971. S. 14.

German History in Documents and Images. 2023. URL: <https://germanhistorydocs.org/de/die-besatzungszeit-und-die-entstehung-zweier-staaten-1945-1961/das-beileid-der-partei-titelblatt-des-spiegel-14-november-1956> (дата обращения 08.07.2025).

Gloy K. Norm // Soziolinguistik. 3 Teilbände / Hrsg. U. Ammon u. a. Berlin u. a.: de Gruyter, 2004. S. 392–399.

Grimm J. Deutsches Wörterbuch. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1885. 2848 S.

Grosjean F. Life with Two Languages: An Introduction to Bilingualism. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 370 p. URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674530928> (дата обращения: 20.07.2024).

Grosjean F., Byers-Heinlein K. Processing bilingual speech // The Listening Bilingual: Speech Perception, Comprehension, and Bilingualism. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2018. P. 109–128. URL: https://www.francoisgrosjean.ch/bilin_bicult/16.%20Grosjean.pdf (дата обращения: 02.04.2025).

Grosjean F. Bicultural bilinguals // University of Neuchâte: International Journal of Bilingualism, 2015. Vol. 19 (5). P. 572–586. URL: https://www.francoisgrosjean.ch/bilin_bicult/9%20Grosjean.pdf (pdf (дата обращения: 02.04.2025)).

Hang H.-G. Der Tempusgebrauch in der gesprochenen Sprache // Wackernagel-Jolles B. (Hg.). Aspekte der gesprochenen Sprache: Deskriptions- und Qualifizierungsprobleme. Göttingen: Kümmerle, 1973. S. 76–109.

Heyne M. Deutsches Wörterbuch. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1906. 1238 S.

Hoffmann M. Gestaltungsstrategien und strategisches Gestalten. Zur Persuasivität von Thematisierungsstilen im politischen Diskurs // Beiträge zur Persuasionsforschung: unter besonderer Berücksichtigung textlinguistischer und stilistischer Aspekte. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1998. S. 57–93.

Imo W., Fladrich M. Mobile Messengerkommunikation als Gegenstand des Deutschunterrichts // Der Deutschunterricht. 2019 (1), S. 55–64.

Jespersen O. Mankind, nation, and individual from a linguistic point of view. Oslo: Ascheoug 1925. 221 p.

Jimenez A. Just for the summer. NY: Forever, 2024. 351 p.

Kämper H. D. AfD im Parlament – neue Sprach- und Kommunikationsstile. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/lexik/Parlamentsstudie/AfD_Studie.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

Koch P., Oesterreicher W. Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte // Romanistisches Jahrbuch 36. Berlin: De Gruyter, 1985. S. 15–43.

Kübler-Jung T. Die selbstbeschränkte Freiheit. Warum wir uns gern sozialen Normen unterwerfen. Marburg: Tectum Verlag, 2014. 172 S.

Kürschner, Wilfried. Linguisten-Handbuch: biographische und bibliographische Daten deutschsprachiger Sprachwissenschaftlerinnen und Sprachwissenschaftler der Gegenwart / hrsg. von Wilfried Kürschner. Tübingen: Narr. Bd.1 (A – L). 1994. 1191 S.

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman Group UK Limited, 1992. Vol. I A-L. 626 p. Vol. II M-Z. 1229 p.

Lenk H. E. H. Politische Karikaturen in deutschen, englischen und finnischen Tageszeitungen. Vorkommen – Themen – Sprache und Bild. In: Christian Grösslinger, Gudrun Held u. Hartmut Stöckl (Hg., 2012): Presstextsorten jenseits der News: Medienlinguistische Perspektiven auf journalistische Kreativität. Frankfurt a. M. u. a. S. 65–81.

Lyons L. Insulting Trump Nicknames You Must Know-Choose Your Favorite! Medium. URL: <https://medium.com/@monalazzar/129-insulting-trump-nicknames-you-must-know-choose-your-favorite-ef2bffb133b6> (дата обращения: 07.09.2025).

Macafee C. I. Varieties of English Around the World: Glasgow. Amsterdam: Benjamins, 1983. P. 7, 31, 40. URL: https://www.researchgate.net/publication/316425299_Reference_Guide_for_Varieties_of_English (accessed: 16.04.2025).

Mette T. Schwarzer Humor mit einem Vorwort von Andreas Greve. Frankfurt a. M.: Bookwire, Fuego, 2014. 59 S.

Mischel W. On the future of personality measurement // American Psychologist. 1977. Vol. 32 (4). P. 246–254.

Mostovaia I. Selbstreparaturen in der schriftlichen Interaktion: Eine kontrastive Analyse deutscher und russischer Kurznachrichtenkommunikation. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. 421 S.

Naumann B. Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen. Tübingen: Walter de Gruyter, 1986. 211 S.

Neologismenwörterbuch. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/start.jsp> (дата обращения: 09.07.2025).

Neuland E. Jugendsprache. Eine Einführung. 2. überarb. u. erw. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2018. 274 S.

OWID – Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch. URL: <https://www.owid.de/index.jsp> (дата обращения: 06.09.2025).

Peterson E. Making Sense of “Bad English”: An Introduction to Language Attitudes and Ideologies. London. New York: Routledge, 2019. 254 p. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/oa-mono/10.4324/9780429328343/making-sense-bad-english-elizabeth-peterson> (accessed: 15.03.2024).

Pike K. L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. The Hague: Mouton, 1967. 762 p. URL: <https://awspntest.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F14786-000> (pdf (дата обращения: 11.05.2025)).

Pinker S. The Game of the Name. URL: https://stevenpinker.com/files/pinker/files/1994_04_03_newyorktimes.pdf (дата обращения: 07.09.2025).

Pirinçci A. Deutschland von Sinnen. Der irre Kult um Frauen, Homosexuelle und Zuwanderer. Waltrop und Leipzig: Lichtschlag in der Edition Sonderwege, 2014. 276 S.

Popitz H. Die normative Konstruktion von Gesellschaft. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 1980. 98 S.

Püschel U. Wortbildung und Idiomatik // ZGL. Berlin; New York, 1978. № 6 S. 151–156.

Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut 1984. 307 S.

Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemayer Verlag. 2002. 305 S.

Schlobinski P. Mündlichkeit/Schriftlichkeit in den Neuen Medien // Eichinger L. [et. al.] (Hrsg.): Standardvariation. Wie viel Variation trägt die deutsche Sprache? Berlin, New York: de Gruyter, 2005. S. 126–142.

Steyer K. Korpus, Statistik, Kookkurrenz. Lässt sich Idiomatisches „berechnen“? // Burger, Harald / Häcki Buhofer, Annelies/Gréciano, Gertrud (eds.): Flut von Texten – Vielfalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifität der Phraseologie. Baltmannsweiler, Schneider Verlag Hohengehren. 2003. S. 33–46.

Steyer K. Wenn der Schwanz mit dem Hund wedelt. Zum linguistischen Erklärungspotenzial der korpusbasierten Kookkurrenzanalyse // Hass-Zumkehr, Ulrike/Kallmeyer, Werner/Zifonun, Gisela (eds.): Ansichten der deutschen Sprache. Festschrift für Gerhard Stickel zum 65. Geburtstag. Tübingen, Narr. 2002. S. 215–236.

Triandis H. C. Culture and Social Behavior. New York: McGraw-Hill, 1994. 330 p. URL: https://books.google.com/books/about/Culture_and_Social_Behavior.html?id=ZsjmAAAAIAAJ (pdf (дата обращения: 11.05.2024)).

Typisch deutsch 10 Eigenschaften, auf die wir wirklich stolz sein können! URL: https://www.focus.de/auto/opel-karl/typisch-deutsch-10-eigenschaften-auf-die-wir-wirklich-stolz-sein-koennen_id_4827582.html (дата обращения: 05.05.2021).

Ulrich H. Morphologische und semantische Motivation in der deutschen Wortbildung. Frankfurt am Main; Wiesbaden 1992. S. 43.

Verbote in Deutschland. Willkommen in der Nanny-Republik. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/bundestagswahl-2013/verbote-in-deutschland-willkommen-in-der-nanny-republik/8639102.html?ticket=ST-1370193-pk1QTVmXELJjIetk3ABn-ap2> (дата обращения: 06.09.2025).

Verbote, Verordnungen: So gängelt der deutsche Staat seine Bürger. URL: <https://www.augsburger-allgemeine.de/politik/Verbote-Verordnungen-So-gaengelt-der-deutsche-Staat-seine-Buerger-id54502901.html>. (дата обращения: 05.05.2021).

Wackernagel-Jolles B. Untersuchungen zur gesprochenen Sprache: Beobachtungen zur Verknüpfung spontanen Sprechens. Göppingen: Kümmerle, 1971. 267 S.

Welche Werte den Deutschen am wichtigsten sind // Westdeutsche Zeitung. URL: https://www.wz.de/panorama/trendforscher-welche-werte-den-deutschen-am-wichtigsten-sind_aid-49032031 (дата обращения: 06.09.2025).

Wenz K. Formen der Mündlichkeit und Schriftlichkeit in digitalen Medien // Linguistik online1, 1/98. URL: <https://linguistik-online.com/wenz.htm> (дата обращения: 24.02.2022)

Wie sich die Werte der Deutschen verändert haben. URL: <https://www.welt.de/finanzen/article170819349/Wie-sich-die-Werte-der-Deutschen-veraendert-haben.html> (дата обращения: 05.05.2021).

Wowro I. Das Bild und die Konzeptualisierungsvarianz des Humors in Minitexten über Humor // Germanica Wratislaviensia 143, Wrocław, S. 403–420.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Ignoring the gunshots, what killed this man? // Reddit https://www.reddit.com/r/BlackPeopleTwitter/comments/1lzstqt/ignoring_the_gunshots_what_killed_this_man/ (дата обращения: 15.07.2025).

An elderly Asian woman was shot and killed in the parking lot of Tukwila Costco on Friday : post on Reddit.com. URL: <https://www.reddit.com/> (дата обращения: 04.05.2024).

Barackface. Trump: The Aftermath. 14.11.2016. URL: <https://www.barackface.net/2016/11/> (дата обращения: 07.09.2025).

Bissinger H. G. Friday Night Light: A Town, a Team, and a Dream. Yellow Jersey Press, 2005. 374 p.

Collins S. The Ballad of Songbirds and Snakes. New York: Scholastic Press. 2020. 528 p.

Daily Kos. Sunday Funny – the audacity of “nope”. 30.01.2017. URL: <https://www.dailynos.com/stories/2017/1/29/1626940/-Sunday-Funny-the-audacity-of-nope> (дата обращения: 07.09.2025).

Deuker C. Night Hoops. Boston, 2000. 232 p.

Deuker C. Payback Time. Boston, 2010. 304 p.

Deuker C. Swagger. Boston. New York, 2013. 308 p.

Duden. Das Synonymwörterbuch. Bd. 8. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden Verlag, 2006.

Ehrlich A. Schwarzer Humor Witze. Hamburg: EDITION XXL, 2013. 180 S.

Hesse H. Demian – Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend. Berlin: Suhrkamp, 1974a. 208 S.

Hesse H. Der Steppenwolf. Roman. Berlin: Suhrkamp, 1974b. 277 S.

I killed someone today, and nothing feels like it’s the right thing to do post on: post on Reddit.com. URL: <https://www.reddit.com/> (дата обращения: 18.05.2024).

Kinney J. Diary of a Wimpy Kid New York: Amulet Books, 2007. P. 25, 30, 193.

Kinney J. Diary of a Wimpy Kid: Double Down. New York: Amulet Books, 2016. 207 p.

Kinney J. Diary of a Wimpy Kid: Hard Luck. New York: Amulet Books, 2013. 218 p.

List of nicknames used by Donald Trump // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/wikipedia/comments/1fko3ue/list_of_nicknames_used_by_donald_trump (дата обращения: 07.09.2025).

List of nicknames used by Donald Trump // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_nicknames_used_by_Donald_Trump (дата обращения: 07.09.2025).

My whole family died : post on Reddit.com. URL: <https://www.reddit.com/> (pdf (дата обращения: 13.06.2024).

Nurse allegedly killed by patient: post on Reddit.com. URL: <https://www.reddit.com/> (pdf (дата обращения: 01.06.2024).

Parents called for mental health help. Police arrived and fatally shot son: post on Reddit.com. URL: <https://www.reddit.com/> (accessed 04.04.2024).

Pinker, S. The Game of the Name. URL: https://stevenpinker.com/files/pinker/files/1994_04_03_newyorktimes.pdf

Pinterest. URL: <https://de.pinterest.com/pin/626422629423996089> (дата обращения: 17.09.2025).

Reader’s Digest: daily newspaper. April, 1. 2020. 132p.

Reader’s Digest: daily newspaper. April, 1. 2023. 112p.

Reader’s Digest: daily newspaper. February 1. 2022. 113p.

Reader’s Digest: daily newspaper. February, 1. 2018. 150p.

Reader’s Digest: daily newspaper. February, 1. 2023. 143p.

Reader’s Digest: daily newspaper. July, 1. 2022. 123p.

Reader’s Digest: daily newspaper. June, 1. 2019. 138p.

Reader’s Digest: daily newspaper. March, 1. 2021. 141p.

Reader’s Digest: daily newspaper. November, 1. 2021. 122p.

Sprachnudel. Jugendwörter Liste. URL: <https://www.sprachnudel.de/sprachvarietaelen/soziolekt/sondersprache/jugendsprache/jugendwoerter/jugendwoerter-liste?page=1> (дата обращения: 09.07.2025).

Struggling with a mistake that killed someone: post on Reddit.com / URL: <https://www.reddit.com/> (accessed 18.05.2024).

The Hunger Games: The Ballad of Songbirds & Snakes / JustWatch.com: [сайт]. URL: <https://www.justwatch.com/us/movie/the-hunger-games-the-ballad-of-songbirds-and-snakes> (дата обращения: 01.09.2025).

Witze.net. URL: <https://witze.net/tod-witze>; <https://witze.net/freude-witze> (дата обращения: 03.09.2025).

Английский – просто. Definite laws of golf http://www.english-easy.info/jokes/golf_jokes_definite_laws_of_golf.php#ixzz4ZJvbQtFW (дата обращения: 06.09.2025).

Борхес Х. Л. Сад расходящихся тропок // Сочинения в трёх томах. Т. I. М.: Полярис, 1997. С. 353–359.

Водолазкин Е. Дом и остров, или Инструмент языка. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 384 с.

Гайдар А. П. Школа (повесть, 1929). URL: <https://lib.ru/GOLIKOW/school.txt> (дата обращения: 25.03.2025).

Гранцева Н. А. Зеркала Шекспира. Санкт-Петербург: Издательство «Журнал “Нева”», 2022. 352 с.

Есин С. Н. Дневник 2007. М.: НИЦ «Академика», 2014. 544 с.

Есин С. Н. Дневник 2010. М.: НИЦ «Академика», 2012. 544 с.

Есин С. Н. Дневник 2011. М.: НИЦ «Академика», 2013. 560 с.

Есин С. Н. Дневник НЕ-ректора 2006. М.: НИЦ «Академика», 2013. 592 с.

Институт благородных девиц. Сериал. Информация о фильме (Кино-Театр.Ру). URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/81272/titr/> (дата обращения: 01.04.2025).

Коротков Ю. М. Виллисы (повесть, 1989). URL: <https://www.rulit.me/books/villisy-polnaya-versiya-read-229328-1.html?ysclid=m8ocqt78t7594037230> (дата обращения: 25.03.2025).

Наумов А. Коронавирус передаётся мировым путём. Новая болезнь охватывает всё больше стран // Коммерсантъ. № 37 (6758) от 02.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4274709> (дата обращения: 06.09.2025).

Паустовский К. Г. Книга о жизни. Далёкие годы (повесть, 1946). URL: <https://lib.ru/PROZA/PAUSTOWSKI/lifebook1.txt> (дата обращения: 25.03.2025).

Поджигатели. Информация о фильме (Кино-Театр.Ру). URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/5272/annot/> (дата обращения: 01.04.2025).

Привычка жениться. Почему россияне чемпионы мира по разводам? URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4010892> (дата обращения: 06.09.2025).

Распутин В. Г. Уроки французского (рассказ, 1973). URL: https://rus-center.lgaki.info/wp-content/uploads/2022/03/rasputin_uroki-francuzskogo.pdf?ysclid=m8oda3rfch936391723 (дата обращения: 25.03.2025).

Чуковский К. Серебряный герб (повесть, 1938). URL: <https://nukadeti.ru/rasskazy/serebryanyj-gerb> (дата обращения: 29.03.2025).

Элиот Томас Стерн. Цитаты // URL: <http://TomasEliot.Citaty.net> < citaty < 614100-tomas-stern-eliot (дата обращения: 26.03.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамова Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, adamova_mv@khsu.ru

Алексеевко Владислав Николаевич, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», аспирант кафедры английской филологии, г. Барнаул, vladalekseenko97@mail.ru

Амзаракова Ирина Петровна, доктор филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, ip50@mail.ru

Бабаева Раиса Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Институт гуманитарных наук, профессор кафедры зарубежной филологии, г. Иваново, nitdaf@mail.ru

Бойкова Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры немецкого языка Института иностранных языков, г. Москва, irbbo@mail.ru

Буренкова Светлана Витальевна, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный технический университет, профессор кафедры, заведующий кафедрой «Иностранные языки», г. Омск, burenkova_anna@mail.ru

Гаранина Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, garanina.natalya@mail.ru

Долгополова Лилия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшей школы Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, г. Симферополь, lilian2000@mail.ru

Дьяченко Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, dialex09@mail.ru

Зими́на Ната́лия Влади́мировна, кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, зав. кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, г. Волгоград, nataliasimina@yandex.ru

Йокайт Майя Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Академии МУБиНТ, г. Ярославль, ja.jokeit@gmail.com

Королева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, Korolyeva@mail.ru

Кульпина Лариса Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Высшая школа европейской лингвистики и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, larisa_kulpina@togudv.ru

Кутяева Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой зарубежной лингвистики и теории языка, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, kutyaeva@yandex.ru

Мишуткина Ирина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, irmisch@mail.ru

Нефедова Любовь Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, зав. кафедрой немецкого языка, г. Москва, la.nefedova@mpgu.su

Обморокова Анастасия Сергеевна, магистр филологии, МБОУ Лицей им. Н. Г. Булакина, учитель иностранного языка, г. Абакан

Пелевина Надежда Николаевна, доктор филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан

Перкас Любовь Симоновна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, perkaslove@mail.ru

Петрухина Оксана Петровна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, petrukhina1@yandex.ru

Потапова Светлана Юрьевна доктор филологических наук, профессор, директор Центра немецкого языка – Партнёра Гёте-Института, г. Ярославль, potapova@mubint.ru

Прокопова Наталья Сергеевна, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, ассистент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, konovod-nata@mail.ru

Ракитянская Елена Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, erakit@yandex.ru

Свистунова Наталия Иннокентьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, nata.swi@yandex.ru

Сиротина Светлана Александровна, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», преподаватель, г. Воронеж

Скребова Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, dolgorukajal@rambler.ru

Собянина Валентина Александровна, доктор филологических наук, профессор, ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», valensob@mail.ru

Терехова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, доцент кафедры теории и практики перевода и коммуникации Института иностранных языков, г. Москва, eterechova@rambler.ru

Топоева Айго Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, айго.tip@yandex.ru

Уланова Алина Андреевна, магистрант, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, seth_smoothy@mail.ru

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, wera_kharchenko@mail.ru

Хомутская Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, ГОУ ВО МО Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Khomutskaya.n@mail.ru

Чаптыков Никита Сергеевич, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, ассистент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, chaptykov.nikita@yandex.ru

Чугунецова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, deil1977@mail.ru

Шевцова Анастасия Александровна, магистрант, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, ассистент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, whoopsnot@gmail.com

Шипова Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры немецкого языка, г. Москва, schipowa@mail.ru

Ююкина Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, г. Абакан, yuyukina.lv@mail.ru

М. В. Адамова, В. Н. Алексеенко, И. П. Амзаракова, Р. И. Бабаева,
И. Б. Бойкова, С. В. Буренкова, Н. В. Гаранина, Л. А. Долгополова,
И. А. Дьяченко, Н. В. Зимина, М. М. Йокайт, Т. А. Королева,
Л. Ю. Кульпина, О. М. Кутяева, И. И. Мишуткина, Л. А. Нефедова,
А. С. Обморокова, Н. Н. Пелевина, Л. С. Перкас, О. П. Петрухина,
С. Ю. Потапова, Н. С. Прокопова, Е. В. Ракитянская,
Н. И. Свистунова, С. А. Сиротина, Е. Г. Скребова, В. А. Собянина,
Е. В. Терехова, А. О. Топоева, А. А. Уланова, В. К. Харченко,
Н. И. Хомутская, Н. С. Чаптыков, Г. Н. Чугунекова, А. А. Шевцова,
И. А. Шипова, Л. В. Ююкина

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЁСТКАХ ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Коллективная монография

Компьютерное обеспечение Ю. С. Танбаевой

Подписано в печать 13.10.2025. Формат 60 × 84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Печать – ризограф. Бумага офсетная.

Физ. печ. л. 15,75. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 16.

Тираж 30 экз. Заказ № 38.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»

655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90А, тел. 22-51-13, e-mail: izdat@khsu.ru

